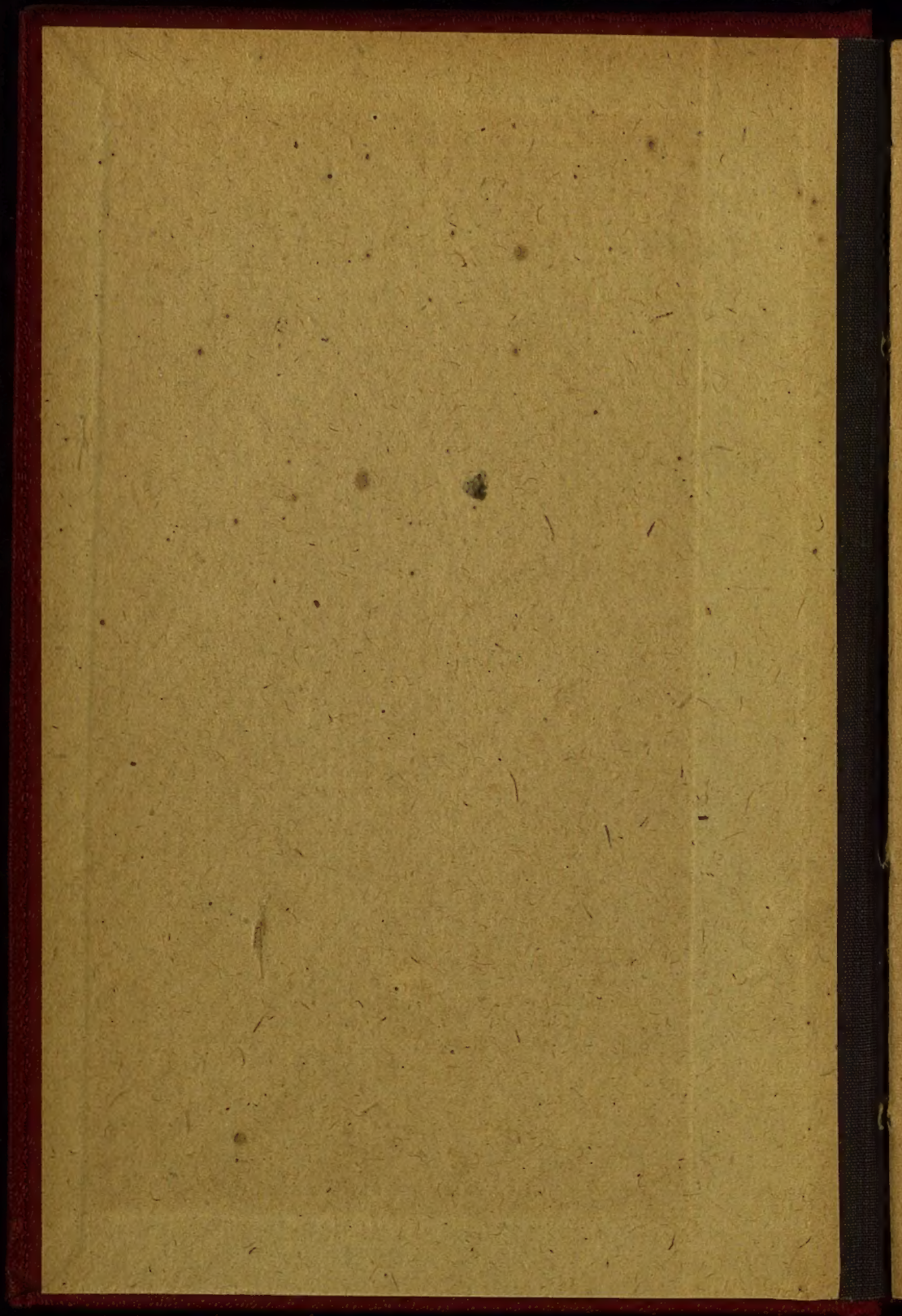

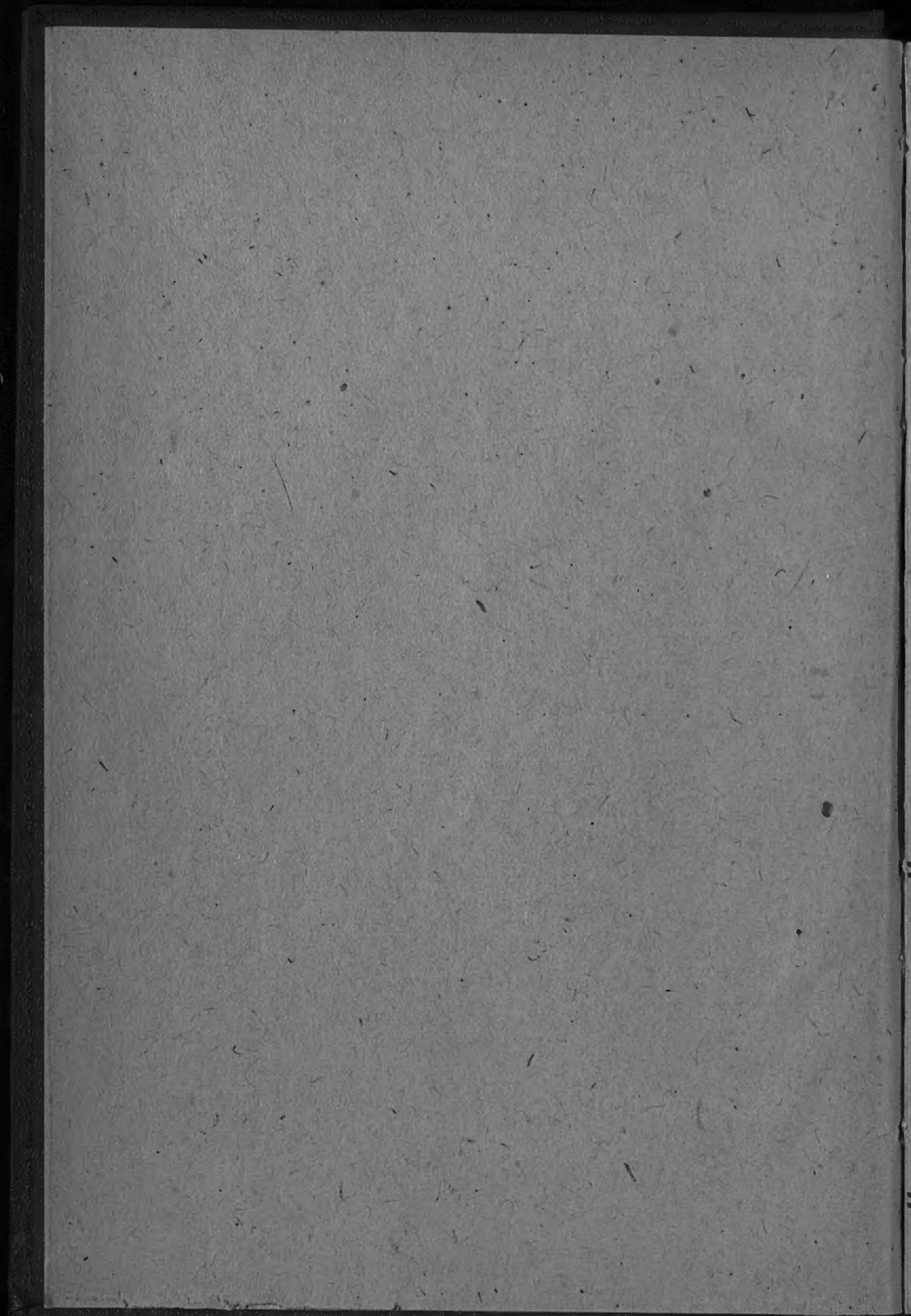
Ленин
ГОДЫ
РЕАКЦИИ
и
ПОДЪЕМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

Е 215

Л 45526

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. И. Ульянов)

ГОДЫ РЕАКЦИИ И ПОДЪЕМА

ЕД15
Л45526

ЛЕНИНСКАЯ
БИБЛИОТЕЧКА

Вып. 26

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1926

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

PHYSICS

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

Ленин, В. И.
Ленинская б-ка. Вып. 26.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. И. Ульянов)

ГОДЫ РЕАКЦИИ и ПОДЪЕМА

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1925

2-му.

К
1982

ЕД 15
145526

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Н. Баркова и Ф. Зигальса
Ц. И. К.

97
101082

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

1983

Против бойкота.

(Из заметок с.-д. публициста).

Недавно состоявшийся учительский съезд, на котором большинство было под влиянием социалистов-революционеров, принял, при непосредственном участии видного представителя партии с.-р. резолюцию о бойкоте III Думы. Учителя с.-д. вместе с представителем РС-ДРП воздержались от голосования, считая необходимым решать подобный вопрос на партийном съезде или конференции, а не в беспартийном профессионально-политическом союзе.

Вопрос о бойкоте III Думы выходит, таким образом, на сцену как очередной вопрос революционной тактики. Партия с.-р., судя по выступлению ее представителя на указанном съезде, вопрос этот уже решила, хотя ни официальных постановлений этой партии, ни литературных документов из эс-эровской среды мы еще не имеем. Среди с.-д. вопрос поставлен и обсуждается. Какими же доводами защищают свое решение с.-р.? Резолюция учительского съезда говорит, по существу дела, о полной негодности III Думы, о реакционности и контр-революционности правительства, совершившего государственный переворот 3 июня¹, о помещичьем характере нового избирательного закона и т. д. и т. п. *.

* Вот текст этой резолюции: «Принимая во внимание: 1) что новый избирательный закон, на основе которого созывается III Гос. Дума, отнимает у трудящихся масс даже ту скромную долю избирательных прав, которою они до сих пор обладали и приобретение которых им так дорого стоило; 2) что закон этот представляет собою явную и грубую фальсификацию народной воли в пользу наиболее реакционных и привилеги-

Аргументация * построена так, как будто из ультра-реакционности III Думы вытекала сама собой необходимость и законность такого средства борьбы или такого лозунга, как бойкот. Для всякого социал-демократа негодность такого рассуждения бьет в глаза, ибо здесь отсутствует совершенно разбор исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт в русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции, не вдумываясь в этот опыт, про того придется сказать, что он многое забыл и ничему не научился. И свой разбор вопроса о бойкоте мы именно с попытки анализа этого опыта и начнем.

I.

Крупнейшим опытом нашей революции в применении бойкота был, несомненно, бойкот Булыгинской Думы ². Этот бойкот увенчался, кроме того, самым полным и самым непосредственным успехом. Поэтому нашей первой задачей должен быть разбор исторических условий бойкота Булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при рассмотрении этого вопроса, на первый план. Во-первых, бойкот Булыгинской Думы был борьбой против перехода

рованных слоев населения; 3) что Дума 3-го созыва по способу ее избрания и составу явится плодом реакционного переворота; 4) что правительство воспользуется участием народных масс в думских выборах, чтобы придать этому участию значение народной санкции государственного переворота, — IV делегатский съезд всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию постановляет: 1) отказаться от каких бы то ни было сношений с Думой 3-го созыва и ее органами. 2) не принимать в качестве организации ни прямо, ни косвенно участия в выборах; 3) распространять в качестве организации тот взгляд на третью Гос. Думу и выборы в нее, который выражен в настоящей резолюции».

* — способ убеждения.

(хотя бы временного) нашей революции на путь монархической конституции. Во-вторых, этот бойкот происходил в обстановке самого широкого, всеобщего, сильного, быстрого революционного подъема.

Остановимся на первом обстоятельстве. Всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против возникновения или, говоря несколько шире, против реализации данного учреждения. Поэтому тот, кто, подобно Плеханову и многим другим меньшевикам, боролся против бойкота общими рассуждениями о необходимости для марксиста использовать представительные учреждения, обнаруживал этим только смешное доктринерство *. Рассуждать так значило обходить посредством пережевывания бесспорных истин сущность спорного вопроса. Бесспорно, что марксист должен использовать представительные учреждения. Вытекает ли отсюда, что марксист не может стоять при известных условиях за борьбу не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь?

Нет, не вытекает, ибо это общее рассуждение относится только к тем случаям, когда для борьбы против возникновения подобного учреждения нет места. Спорность же вопроса о бойкоте в том и состоит, есть ли место для борьбы против самого возникновения подобных учреждений. Плеханов и К^о своими доводами против бойкота обнаруживали непонимание самой постановки вопроса.

Далее, если всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь, то бойкот Булыгинской Думы, кроме того, был борьбой против введения в жизнь целой системы учреждений монархически-конституционного типа. 1905 год показал с очевидностью, что есть налицо возможность непосредственной массовой борьбы в виде всеобщих стачек (стаечная волна после 9-го января) и военных восстаний («Потемкин») ³. Непосредственная революционная борьба масс была, следовательно, фактом. С другой стороны, фактом

* Упорное следование раз навсегда установленным положениям. *Прим. сост.*

был и закон 6-го августа, пытавшийся перевести движение с революционного (в самом непосредственном и узком значении слова) пути на путь монархической конституции. Об'ективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции. Предстоял, так сказать, *выбор пути* ближайшего развития революции, при чем решала этот выбор, конечно, не воля тех или иных групп, а сила революционных и контр-революционных классов. Силу же можно было измерить и испытать только в борьбе. Лозунг бойкота Булыгинской Думы и был лозунгом борьбы за *путь* непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. И на последнем пути, конечно, возможна была борьба и не только возможна, но и неизбежна. И на почве монархической конституции возможно продолжение революции и подготовка нового под'ема ее; и на почве монархической конституции возможна и обязательна борьба революционной социал-демократии, — эта азбучная истина, которую с таким усердием и так некстати доказывали в 1905 г. Аксельрод ⁴ и Плеханов ⁵, остается истинной. Но исторически поставленный тогда вопрос был не тот: «не на тему» рассуждали Аксельрод или Плеханов или, другими словами, они заменяли вопрос, исторически поставленный на разрешение борющихся сил вопросом, взятым из последнего издания немецкого социал-демократического учебника. Исторически неизбежно предстояла *борьба за выбор пути для борьбы* в ближайшем будущем.

Старая ли власть созовет первое в России представительное учреждение и, таким образом, на известное время (может быть, на очень короткое, может быть, па сравнительно продолжительное время) переведет революцию на монархически-конституционный путь, или народ прямым натиском сметет, — на худой конец: пошатнет, — старую власть, лишит ее возможности перевести революцию на монархически-конституционный путь и обеспечит (опять таки на более или менее продолжительное время) путь непосредственной революционной борьбы масс.

Вот какой вопрос, не замеченный в свое время Аксельродом и Плехановым, исторически встал осенью 1905 г. перед революционными классами России. Проповедь активного бойкота с.-д-тией и была формой постановки этого вопроса, формой сознательной постановки его партией пролетариата, лозунгом борьбы *за выбор пути для борьбы*.

Проповедники активного бойкота, большевики, верно поняли объективно поставленный историей вопрос. Октябрьско-декабрьская борьба 1905 г. была действительно борьбой за выбор пути для борьбы. Борьба эта шла с переменным счастьем: сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа *представительные же учреждения* чисто революционного типа, Советы Рабочих Депутатов и т. д. Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самостоятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацспок, на почве «междувластья», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа (Советы Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов и пр.) *еще не* достаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собой разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 г. ⁶ имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 г. Лозунг бойкота Виттевской Думы ⁷ был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний.

Итак, первый вывод, который вытекает из рассмотрения опыта русской революции с бойкотом Булыгинской Думы, состоит в том, что объективной подкладкой бойкота была, поставленная историей на очередь дня, борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то, старой ли

власти или новой, самочинной народной власти, достанется созыв первого в России представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции.

В связи с этим стоит часто всплывавший в литературе и постоянно выплывающий при обсуждении разбираемой темы вопрос о простоте, ясности и «прямолинейности» лозунга бойкота, а также вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития. Непосредственное свержение или, на худой конец, расслабление и обессиление старой власти, непосредственное создание народом новых органов власти, — все это, несомненно, самый *прямой* путь, самый выгодный для народа, но зато требующий и наибольшей силы. При подавляющем перевесе силы можно победить и прямой фронтальной атакой. При недостатке сил могут потребоваться и обходные пути, выжидания, зигзаги, отступления и т. д. и т. п. Путь монархической конституции несколько не исключает еще, конечно, революции, элементы каковой этот путь *тоже* подготавливает и развивает косвенным образом, но это путь более длинный, зигзагообразный.

Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905 года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назидании по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассуждения о том, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. — рассуждения, засоряющего разжевыванием бесспорного суть того, что спорно. Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории, — это бесспорно. Но эта бесспорная жвачка несколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории, — значит именно превращаться

в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади купают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем, несколько не устраняет того, что марксисты должны уметь раз'яснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и т. д. И только безнадежные филистеры * и совсем тупые педанты ** могли бы после окончания решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь, вместо прямого, хихикать над тем, кто до конца боролся за прямой путь. Это было бы похоже на хихиканье немецких казенно-полицейских историков вроде Трейчке ⁸ над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 г. ^{8-а}.

Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением их к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого. Марксизм не зарекается от компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это несколько не исключает того, что марксизм в качестве живой и действующей исторической силы со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма.

Энгельс однажды выразил чрезвычайно наглядно, ясно и кратко отношение марксизма к компромиссам,

* — ограниченные люди, с мещанскими взглядами.

** — сухие формалисты.

Прим. сост.

Прим. сост.

именно в статье о манифесте бланкистов⁹ — беглецов Коммуны (1873 г.)¹⁰ *.

Бланкисты, беглецы Коммуны, писали в своем манифесте, что они не допускают никаких компромиссов. Энгельс посмеялся над этим манифестом. Не в том дело, — сказал он, — чтобы зарекаться от использования компромиссов, на которые осуждают нас обстоятельства (или к которым принуждают нас обстоятельства: я должен извиниться перед читателем, что должен цитировать на память, не имея возможности справиться с текстом).

Дело в том, чтобы ясно сознавать истинные революционные цели пролетариата и уметь преследовать их через все и всякие обстоятельства, зигзаги и компромиссы.

Только с этой точки зрения можно оценивать простоту, прямоту и ясность бойкота, как апеллирующего ** к массам лозунга. Все указанные качества этого лозунга хороши не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в объективной ситуации ***, к которой этот лозунг применяется, есть налицо условия борьбы за выбор прямого или зигзагообразного пути развития. В эпоху Булыгинской Думы этот лозунг был верным и единственно-революционным лозунгом рабочей партии не потому, что он был самый простой, прямой и ясный, а потому, что исторические условия поставили тогда перед рабочей партией задачу участия в борьбе за простой и прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции.

Спрашивается, в чем же критерий **** того, что были тогда налицо эти особые исторические условия? В чем главный признак той особенности в объективном положении дел, которая делала простой, прямой и ясный лозунг

* Статья эта вошла в немецкий сборник «Internationales aus dem Volksstaat» (Русск. перевод. Статья из «Volksstaat», издан. «Знания»).

** — обращающегося.

Прим. сост.

*** — совокупности обстоятельств, определяющих положение.

Прим. сост.

**** — определяющий признак, подтверждающий правильность какого-нибудь положения.

Прим. сост.

не фразой, а единственно соответствующим действительной борьбе лозунгом? К этому вопросу мы теперь и перейдем.

II.

Когда смотришь назад, на борьбу уже оконченную (по крайней мере, законченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу, признаков и симптомов эпохи. Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но нам нужно теперь определить такие признаки явления, которые могли бы помочь разобраться в положении дел до борьбы, ибо мы хотим применить уроки исторического опыта к III Думе. Мы указали уже выше, что условием успеха бойкота в 1905 г. был самый широкий, всеобщий, сильный и быстрый, революционный подъем. Надо рассмотреть теперь, во-первых, в какой связи стоит особенно сильный подъем борьбы с бойкотом, а, во-вторых, каковы характерные черты и отличительные признаки особенно сильного подъема.

Бойкот, как мы уже сказали, есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т.е. старой, власти. Значит бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти или, в худшем случае, т.е. при недостатке натиска для свержения, — на такое ослабление ее, чтобы она не могла обеспечить создания этого учреждения, не могла провести его в жизнь*.

Бойкот требует, следовательно, для своего успеха, непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом ряде слу-

* Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т.е. не о простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота Булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об *активном* бойкоте, решительно противопоставляя его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием.

чаев (такое массовое неповиновение есть одно из условий, подготовляющих восстание). Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т.е. проявляющийся не в возгласах только или лозунгах организаций, а в известном движении *масс народа*, систематически нарушающих законы старой власти, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д. и т. д. Связь бойкота с широким революционным подъемом, таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема, вне массового возбуждения, повсюду переливающегося, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота.

Переходя к вопросу о характере и признаках подъема осенью 1905 года, мы легко увидим, что тогда происходило массовое и непрерывное *наступление* революции, систематически нападавшей, теснившей врага. Рапрессии не принижали, а расширяли движение. За 9-м января¹² пошла гигантская стачечная волна, баррикады в Лодзи, восстание «Потемкина»¹³. В области печати, в области союза, в области учебной, повсюду легальные рамки, старой властью установленные, нарушались систематически и нарушались вовсе не «революционерами» только, а обывателями, ибо старая власть действительно была ослаблена, действительно выпускала из дряхлеющих рук вожжи.

Особенно рельефным и безошибочным (с точки зрения революционных организаций) показателем силы подъема было то, что лозунги революционеров не только не оставались без отклика, а прямо *отставали* от жизни. И 9-е января, и массовые стачки после него, и «Потемкин», — все эти явления опережали непосредственные *призывы* революционеров. Такого призыва с их стороны, который бы массы встретили пассивно, молчанием, отказом от борьбы, *не было* в 1905 г.

Бойкот в такой обстановке являлся естественным *пополнением* заряженной электричеством атмосферы. Этот лозунг ничего не «выдумывал» тогда, он только формули-

ровал точно и верно идущий вперед и вперед, идущий к прямому натиску под'ем. В положении «выдумывающих» были, напротив, наши меньшевики, которые, отстраняясь от революционного под'ема, увлекались пустым обещанием царя в виде манифеста или закона 6 августа и брали в серьез *обещанный* поворот на конституционно-монархические рельсы. Меншевики (и Парвус) ¹² строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного под'ема, а на обещании царем конституционно-монархического поворота.

Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом. Неудивительно, что во всех меньшевистских рассуждениях о бойкоте заботливо выкидывается теперь анализ бойкота Булыгинской Думы, т.е. самого крупного опыта бойкота в революции.

Но мало признавать эту, едва ли не крупнейшую, ошибку меньшевиков в революционной тактике. Надо дать себе ясный отчет в том, что источником этой ошибки было непонимание *объективного* положения вещей, делавшего революционный под'ем действительностью, а конституционно-монархический поворот пустым полицейским посулом. Не потому оказались меньшевики неправы, что они отнеслись к вопросу без субъективной революционности настроения, а потому что эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации. Ту и другую причину ошибки меньшевиков легко смешать, но марксисту смешивать их непозволительно.

III.

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойкотистской с.-д. кампании осенью 1905 и весной 1906 года?

Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова бойкот или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому натиску, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и зигзагообразные пути. Кроме

того, и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла *борьба с конституционными иллюзиями*. Эта борьба была, поистине, живой душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главные резолюции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде¹³, особенно — помнится — в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непрекаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих ближних, что лошади кушают овес.

В эпоху зарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституционными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги в смятку?

Опошление вопроса. производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что сбывают молчанию особый период русской революции, *забывают о бойкоте Булыгинской Думы*, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это образец нарушения методов диалектического материализма¹⁴ людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом* об этом методе говорили.

Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это — истина. Это — полезная истина для разоблачения quasi*-социалистических аллюров*** той или иной буржуазно-

* — воодушевлением.

** — якобы.

*** — в данном случае — наскоков,

Прим. сост.

Прим. сост.

Прим. сост.

демократической программы, теории, тактики и т. п. Но сумеете ли вы извлечь пользу из этой истины в вопросе о том, к *какому* конституционализму должна вести рабочая партия страну в эпоху буржуазной революции? в вопросе о том, как *именно* должна бороться рабочая партия за определенный (и именно республиканский) конституционализм в известные периоды революции? Нет. Излюбленная Аксельродом и Плехановым истина так же мало просветит вас насчет этих вопросов, как мало убеждения в том, что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и умения на ней ездить.

Борьба с конституционными иллюзиями, — говорили большевики в 1905 году и в начале 1906 года, — должна стать лозунгом момента, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы и непосредственно революцией созданных представительных учреждений на основе полного демократизма или обходный, зигзагообразный путь монархической конституции и полицейски-«конституционных» (в кавычках!) учреждений типа «Думы».

Действительно ли объективное положение вещей выдвигало этот вопрос, или его «выдумывали» из теоретического озорства большевики? На этот вопрос ответила уже теперь история русской революции.

Октябрьская борьба 1905 года и была борьбой против поворота революции на монархически-конституционные рельсы. Октябрьско-декабрьский период и был периодом осуществления конституционализма пролетарского, истинно демократического, широкого, смелого, свободного, действительно выражавшего волю народа, в отличие от лже-конституционализма Дубасовской¹⁵ и Столыпинской¹⁶ конституции. Революционная борьба во имя действительно демократического (т.е. существующего на почве совершенно очищенной от старой власти и всех связанных с нею мерзостей) конституционализма требовала самой решительной борьбы против приманки народа полицейски-монархической конституцией. Этой

нехитрой вещи и не могли никак понять социал-демократические противники бойкота.

Теперь перед нами две полосы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905 г.) и полоса упадка (1906—1907 г.г.). Полоса максимального расцвета народной самостоятельности, свободных и широких организаций всех классов населения, максимальной свободы печати, максимального игнорирования народом старой власти, ее учреждений и велений, и все это при отсутствии всякого бюрократически-признанного и в формальных уставах или положениях выраженного конституционализма. А затем полоса наименьшего развития и неуклонного упадка народной самостоятельности, организованности, свободной печати и т. д. при существовании Дубасовыми и Столыпинными сочиняемой, Дубасовыми и Столыпинными признаваемой, Дубасовыми и Столыпинными охраняемой, прости господи, «конституции».

Теперь, когда назад все так хорошо, просто и ясно видно, не найдется даже, пожалуй, ни одного педанта, который бы решился отрицать законность и необходимость революционной борьбы пролетариата против поворота событий на конституционно-монархические рельсы, законность и необходимость борьбы против конституционных иллюзий.

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который бы не разделил хода русской революции с 1905 по осень 1907 года именно на эти два периода: период «анти-конституционного» (если позволено будет мне так выразиться) подъема и период «конституционного» упадка, период завоевания и осуществления народом свободы без полицейского (монархического) конституционализма и период угнетения и подавления народной свободы посредством монархической «конституции».

Теперь период конституционных иллюзий, период первой и второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понять значение *тогдашней* борьбы революционных с.-д. против конституционных иллюзий уже не трудно. Но *тогда*, в 1905 и в начале 1906 года, этого не понимали

ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики — в пролетарском.

А период I и II Думы был во всех смыслах и во всех отношениях периодом конституционных иллюзий. Торжественное обещание: «никакой закон да не приемлет силы без одобрения Гос. Думы» не было нарушено в этот период. Значит, конституция на бумаге существовала и непрестанно умиляла все холопские души российских кадетов. И Дубасов и Столыпин испытывали на деле, примеряли, пробовали в этот период российскую конституцию, стараясь подладить и приспособить ее к старому самодержавию. Они были, казалось, самыми могущественными людьми этой эпохи, г.г. Дубасов и Столыпин, они всемерно трудились над превращением «иллюзии» в действительность. Иллюзия оказалась иллюзией. Правильность лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей. Но не только Дубасовы и Столыпины пробовали осуществить «конституцию», не только кадетские холопы восхваляли ее и лакейски распинались (à la * г. Родичев ¹⁷ в первой Думе), доказывая, что монарх безответственен и что дерзостно было бы считать его ответственным за погромы. Нет. И широкие народные массы, несомненно, верили еще в большей или меньшей степени в «конституцию» в течение этого периода, верили в Думу, вопреки предупреждениям социал-демократии.

Можно сказать, что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем **, как увлекаются иногда целые нации Западной Европы фетишем буржуазного национализма, антисемитизма, шовинизма *** и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна не поддалась буржуазному обморочению, она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями.

* — подобно.

** — предмет поклонения.

*** — национальное самомнение, связанное с презрением к другим народам.

Прим. сост.

Прим. сост.

с презрением
Прим. сост.

Почему же, спрашивается теперь, бойкот явился специфическим средством борьбы против конституционных иллюзий?

В бойкоте есть одна черта, которая сразу и на первый взгляд отталкивает от него всякого марксиста. Бойкот выборов есть отстранение от парламентаризма, есть нечто такое, что не может не казаться пассивным отказом, воздержанием, уклонением. Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус, когда он столь же сердито, сколько неудачно, бушевал осенью 1905 года, пытаясь доказать, что активный бойкот все же есть плохая вещь, *аки бойкот*... Так смотрит и до сих пор ничему не научившийся от революции и все более превращающийся в либерала Мартов¹⁸, доказывающий своей последней статьей в «Товарище»¹⁹ неумение даже поставить вопрос, как приличествует революционному социал-демократу.

Но эта наиболее антипатичная, так сказать, для марксистов черта бойкота находит себе полное объяснение в особенностях той эпохи, которая породила такое средство борьбы. Первая монархическая Дума, Булыгинская Дума, была приманкой, долженствующей отвлечь народ от революции. Приманка была чучелом, одетым в костюм конституционализма. Все и вся склонно было пойти на удочку. Кто из корыстных классовых интересов, кто по недомыслию склонен был ухватиться за чучело Булыгинской и потом за чучело Виттевской Думы. Все увлекались, все искренно верили. Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей. Оно было инаугурированием* монархической конституции. Оно было поворотом от непосредственно-революционного пути к монархически-конституционному.

Социал-демократия *должна была* в такое время вернуть свое знамя протеста и предупреждения со всей энергией, со всей демонстративностью. А это и значило отказаться от участия, не идти самим и отзываться народ,

* — т.-е. торжественным открытием, освящением.

Прим. сост.

бросать клич натиска на старую власть *вместо* работы на почве учреждения, создаваемого этой властью. Всенародное увлечение буржуазно-полицейским фетишем «конституционной» монархии требовало от социал-демократии, как партии пролетариата, такого же всенародного «оказательства» ее протестующих и разоблачающих этот фетиш взглядов, требовало борьбы из всех сил против осуществления учреждений, воплощавших в себе этот фетишизм.

Вот в чем полное историческое оправдание не только бойкота Булыгинской Думы, увенчавшегося непосредственным успехом, но и бойкота Виттевской Думы, который, *повидимому*, окончился неудачно. Теперь видно, почему это была лишь *кажущаяся* неудача, почему должна была с.-д-тия до конца отстоять свой протест против конституционно-монархического поворота нашей революции. Поворот этот *на деле* оказался поворотом в тупик. Иллюзии монархической конституции оказались только прелюдией или вывеской, украшением, отводом глаз для подготовки отмены этой «конституции» старую власть...

Мы сказали, что с.-д-тия должна была до конца отстоять свой протест против подавления свободы посредством «конституции». Что значит это «до конца»? Это значит: до тех пор, пока учреждение, *против* которого с.-д. боролись, не стало фактом *вопреки* с.-д.—пока тот монархически-конституционный поворот русской революции, который неминуемо означал (на известное время) упадок революции, поражение революции, не оказался фактом *вопреки* с.-д. Период конституционных иллюзий был попыткой *компромисса*. Мы боролись и должны были бороться из всех сил против него. Нам пришлось идти во II Думу, нам пришлось считаться с компромиссом, обстоятельства *навязали* его нам, против нашей воли, вопреки нашим усилиям, ценой поражения нашей борьбы. На какое время считаться, — это разумеется, вопрос иной.

Какой же вывод вытекает из всего этого по отношению к бойкоту III Думы ²⁰? Может быть, тот, что бойкот, необходимый в начале периода конституционных иллюзий, необходим и в конце этого периода?

Это было бы «игрой ума» в духе «аналогической социологии» *, а не серьезным выводом. Того содержания, которое имел бойкот в начале русской революции, теперь уже *не может быть* в бойкоте.

Ни предупреждать народ против конституционных иллюзий, ни бороться против поворота революции на конституционно-монархический тупик теперь нельзя. Прежней живой души в бойкоте быть не может. Если и будет бойкот, то он получит во всяком случае *иное* значение, он будет заполнен во всяком случае *иным* политическим содержанием.

Мало того. Рассмотренная нами историческая своеобразность бойкота дает нам одно соображение против бойкота III Думы. В эпоху начала конституционного поворота внимание всей нации неизбежно устремлялось на Думу. Бойкотом мы боролись и должны были бороться против этого устремления внимания по направлению к тупику, бороться против увлечения, которое было результатом темноты, неразвитости, слабости или корыстной контрреволюционности. Теперь ни о каком не только общенациональном, но даже вообще сколько-нибудь широком увлечении Думой вообще или III Думой не может быть и речи. В бойкоте нет надобности с этой стороны.

IV.

Итак, условий применимости бойкота надо искать, несомненно, в объективном положении вещей данного момента. Сравнивая с этой точки зрения осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не прийти к выводу, что мы не имеем оснований провозглашать *сейчас* бойкот. И с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом», и с точки зрения массового подъема, и с точки зрения специфической задачи борьбы с конституционными иллюзиями современное положение вещей самым резким образом отличается от того, которое было два года тому назад.

* — т.-е учения об обществе и законах его развития, основанных не на учете действительных причин исторических событий, а на основании внешнего сходства явлений. *Прим. сост.*

Тогда монархически-конституционный поворот истории был не более как полицейским посулом. Теперь этот поворот—факт. Было бы смешной боязнью правды нежелание прямо признать этот факт. И было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена. Нет. Для этого последнего вывода еще нет данных. Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно-быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 г. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного поворота.

Значит ли это, что этот последний поворот есть окончательный поворот? Что закончилась революция и наступил «конституционный» период? Что нет оснований ни ожидать нового подъема, ни *готовить* таковой? Что надо выкинуть за борт республиканский характер нашей программы?

Ничего подобного. Такие выводы способны делать лишь либеральные пошляки, вроде наших кадетов, готовых оправдать холопство и низкопоклонство первыми попавшимися доводами. Нет. Это значило только, что, защищая целиком *всю* нашу программу и *все* наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы сообразовать с объективным положением вещей данного момента. Проповедуя неизбежность революции, готовя систематически и неуклонно накопление горючего материала во всех отношениях, заботливо оберегая в этих целях и культивируя *, очищая от либеральных паразитов революционные традиции лучшей эпохи нашей революции,

* — сохраняя, выращивая. Прим. сост.

мы, вместе с тем, не отказываемся работать по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте. Только и всего. Готовить новый широкий подъем мы должны, но соваться, не спросясь броду, с лозунгом бойкота нет никаких оснований.

Бойкот, как мы уже говорили, может иметь в России в данное время какой-нибудь смысл, лишь, как *активный* бойкот. Это означает не пассивное отстранение от участия в выборах, а игнорирование выборов ради задачи прямого натиска. Бойкот в этом смысле неизбежно равняется *призыву* к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную минуту налицо такой широкий и общий подъем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет.

Вобщем, что касается «призывов», то разница в этом отношении между теперешним положением вещей и осенью 1905 года особенно ярка. Тогда, как мы уже указывали, за целый предшествующий год не бывало призывов, которые бы масса встречала молчанием. Энергия массового наступления шла впереди призывов организаций. Теперь мы стоим в периоде такой паузы революции, когда *целый ряд призывов систематически оказывался не встречающим отклика в массах.*

Так было с призывом смести Виттевскую Думу (начало 1906 г.), с призывом к восстанию после разгона первой Думы (лето 1906 г.), с *призывом к борьбе* в ответ на разгон второй Думы и государственный переворот 3 июня 1907 года. Возьмите листок нашего ЦК по поводу этих последних актов. Вы найдете в этом листке прямой призыв к борьбе в той форме, которая возможна по местным условиям (демонстрации, стачки, открытая борьба с вооруженной силой абсолютизма). Это был призыв словесный. Военные восстания июня 1907 г. в Киеве и в Черноморском флоте были призывами посредством действия. Ни тот, ни другой призыв не встретил никакого массового отклика.

Если самые яркие и непосредственные проявления реакционного натиска на революцию — разгоны двух Дум и государственный переворот — не вызвали под'ема в данное время, то где основания для немедленного повторения

призыва в форме провозглашения бойкота? Не ясно ли, что объективное положение вещей таково, что «провозглашение» рискует оказаться при этом пустым выкриком? Когда борьба идет, ширится, растет, надвигается отовсюду, — тогда «провозглашение» законно и необходимо. тогда дать боевой клич есть обязанность революционного пролетариата. Но ни выдумать этой борьбы, ни вызвать ее одним только кличем нельзя. И когда целый ряд боевых призывов, испытанных нами по поводам, более непосредственным, оказались безрезультатны, — мы, естественно, должны поискать серьезных оснований для «провозглашения» лозунга, бессмысленного вне условий осуществимости боевых призывов.

Кто хочет убедить *социал-демократический* пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его значит уже предполагать косвенно наличие условий широкого, общего, сильного, быстрого революционного подъема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

V.

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач — заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолкования и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы * масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений. И в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи, оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идеиные вожди либерализма, вроде Зомбарта ²¹, не даром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относя ее на счет «озлобленности эмигранта». Ведь это

* — почин в каком-либо новом деле. Прим. сост.

так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки — сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного миросозерцания!

В одном из своих писем, кажется, к Кутельману ²² Маркс бросает мимоходом одно, в высшей степени характерное и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса, замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года. Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию как «стихию безумия» — струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848 году). Задачи реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Уэбб ^{22-а}, стараются представить чартизм ²³, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют * 1848 год в Германии ²⁴. Таково же отношение реакции к Великой Французской Революции ²⁵, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контр-революции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве ²⁶, Милюкова ²⁷, Кизеветтера ²⁸ и «tutti quanti» ** соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух

* — оставляют без внимания.

** им подобные.

Прим. сост.

Прим. сост.

лет с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти, — а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя *либеральным* (!!), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции, как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. . . . вплоть до преступного. . . от Милюкова до Камышанского ²⁹ il n'y a qu'un pas *.

Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в дубасовски-столыпинские Думы, а теперь загоняющей его в октябристскую Думу, эти успехи рисуются героями русского либерализма, как «процесс роста конституционного сознания в России».

На русскую с.-д.-тию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами ^{**} «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства.

Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться — и кроме нас никому будет позаботиться — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по сво-

* — только шаг. Прим. сост.

** буквально значит — удушливыми испарениями.

Прим. сост.

ему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкино-молчалинского * преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его пензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но, именно, потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи.

Одно дело — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным:

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское ** или филистерское отношение к ним, требовал в то же время уменьша *мыслить* от революционеров, уменьша *анализировать* условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792 года во Франции ³⁰ останутся, может быть, навсегда *образцом* известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в зна-

* От слова Молчалин — героя Грибоедовского «Горе от ума», олицетворявшего безграничное угодничество и безличие.

** — отступническое, изменническое.

Прим. сост.

Прим. сост.

менитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи³¹.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массу ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всеу приемлющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли налицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым ко всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия теперешнего положения вещей.

Участие в выборах принижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ, облегчает соглашение царизма с контр-революционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905 и в начале 1906 года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, не всегда подразумевавшаяся, как нечто *по тем временам* само собой разумеющееся? Эта предпосылка — богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе *непосредственные* выводы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка — непрерывное *наступление* революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обороной позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы *вне* условий этой основной предпосылки, — и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьез-

ной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предававшими народ в руки черной сотне) и октябристами ³², придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня, — все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I и II Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности, что Дума — совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3-е июня 1907 года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и Родичевской фразой политикой, к реакции голой, открытой, грубой. Может быть даже последняя — гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, Стокгольмскую, и большевистскую, Лондонскую, резолюцию о Гос. Думе ³³. Вы увидите, что первая — напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия думской работы. Вторая — проста, суха, трезва, скромна. Первая резолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью из недр народа» и проч. и проч. в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так: ежели проклятая контрреволюция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хватаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались * перед народом насчет того, что

* — в данном случае — взялись выступать.

Дума будет чем-то вроде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировали, то только уверениями, что Дума исчадие контр-революции, и добра от нее сколько-нибудь серьезного ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не бывает на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под «использованием» разумеется нечто меньшевистки-велеречивое, вроде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только ступеньками к октябристской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной * цели (пропаганда и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой революции не вызовет, и пропаганда в связи с Думой никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и от другого с.-д-тия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от иной напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябристской Думе мы должны так же просто. Вследствие поражения в декабре 1905 г. и неудачи попыток 1906—1907 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно *будет дальше загонять* в худшие и худшие quasi ** конституционные учреждения.

* Сравни «Пролетарий» (Женевский) 1905 г., статью о бойкоте Булыгинской Думы (165) с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее вообще, но *теперь* решаем иную, поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосредственно-революционный путь. Сравни также «Пролетарий» (русский) 1906 года, № 1, статью «О бойкоте» (166), где подчеркивается *скромный* размер приносимой думскою работою пользы.

** — мнимо.

Прим. сост.

Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, дображдать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для его наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот как на *линию тактики*, противопоставляющую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот, это — не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» — такая же ошибка, как смешивать ее с «боевиком». Различие *линии тактики* у меньшевиков и большевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне ³⁴ и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами и во II Думе наша линия тактики отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. Линии тактики расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы. И если бы бойкот III Думы оправдывался или вызывался крахом *революционных* ожиданий от *первой или второй Думы*, крахом «законной», «сильной», «прочной», и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

VI.

Мы отложили на конец рассмотрение наиболее сильных и единственно марксистских доводов за бойкот. Активный бойкот не имеет смысла вне широкого революционного подъема. Пусть так. Но широкий подъем развивается из неширокого. Признаки некоторого подъема есть налицо. Лозунг бойкота должен быть выставлен нами;

ибо этот лозунг поддерживает, развивает и расширяет начинающийся подъем.

Такова, по моему мнению, *основная* аргументация, определяющая собой, в более или менее ясной форме, склонность к бойкоту в с.-д. кругах. И при этом товарищи, ближе всего стоящие к непосредственно-пролетарской работе, исходят не из «построенной» по известному типу аргументации, а из некоторой суммы впечатлений, получаемых ими от соприкосновения с рабочей массой.

Один из немногих вопросов, по которым нет или не было до сих пор, кажется, разногласий между двумя фракциями с.-д., это — вопрос о причине длительной паузы в развитии нашей революции. «Пролетариат не оправился», — такова эта причина. И действительно, октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на *один* пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, непрерывно боролся один только пролетариат. Не удивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения, пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор непрерывно именно на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали * пролетариат в течение полутора года, а систематические локауты, начиная с «карательного» закрытия казенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров. И вот теперь, говорят некоторые с.-д. работники, среди масс замечаются признаки подъема настроения, накопления сил у пролетариата. Это не вполне определенное и не вполне уловимое впечатление дополняется более сильным доводом: в некоторых отраслях промышленности констатируется несомненное оживление дел. Увеличенный спрос на рабочих неминуемо должен усилить стачечное движение. Рабочие должны будут попы-

*) децимация — казнь каждого десятого; децимировали — в данном случае означает — физическое истребление.

Прим. сост.

таться возместить хоть часть тех огромных потерь, которые они понесли в эпоху репрессий и локаутов. Наконец, третий и наиболее сильный довод состоит в указании не на проблематическое * и вообще ожидаемое стачечное движение, а на одну крупнейшую, назначенную уже рабочими организациями стачку. Представители 10.000 текстильных рабочих еще в начале 1907 г. обсуждали свое положение и намечали шаги по усилению профессиональных союзов этой отрасли промышленности. Второй раз собрались уже представители 20.000 рабочих и постановили объявить в июле 1907 г. *всеобщую забастовку* текстильных рабочих. Движение это может охватить непосредственно до 400.000 рабочих. Исходит оно из Московской области, т.-е. из самого крупного центра рабочего движения в России и из самого крупного торгово-промышленного центра. Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение.

А текстильные рабочие из общей рабочей массы представляют из себя элемент, наихуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством. Инициатива таких рабочих может указывать на то, что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде. Связь же стачечного движения с революционным подъемом в массах продемонстрирована уже неоднократно в истории русской революции.

Прямой обязанностью с.-д-тии является сосредоточение громадного внимания и экстренных усилий именно на этом движении. Работа именно в этой области должна получить безусловно первенствующее значение по сравнению с выборами в октябристскую Думу. В массы должно быть внедрено убеждение в необходимости превратить это стачечное движение в общий и широкий натиск на самодержавие. Лозунг бойкота и означает перенесение внимания с Думы на непосредственную массовую борьбу. Ло-

* — сомнительное, предположительное.

Прим. сост.

зунг бойкота и означает пропитывание нового движения политическим и революционным содержанием.

Таков приблизительно ход мысли, приводящий некоторых с.-д. к убеждению о необходимости бойкотировать III Думу. Это — аргументация за бойкот, несомненно марксистская и не имеющая ничего общего с голым повторением лозунга, вырванного из-связи особых исторических условий.

Но, как ни сильна эта аргументация, она все ж таки, по моему мнению, недостаточна еще для того, чтобы заставить нас *сейчас же* принять лозунг бойкота. Эта аргументация подчеркивает то, что и вообще не должно бы подлежать сомнению для русского социал-демократа, думавшего над уроками, преподанными нашей революцией, именно: что мы не можем зарекаться от бойкота, что мы должны быть готовы выдвинуть этот лозунг в подходящий момент. что наша постановка вопроса о бойкоте не имеет ничего общего с либеральной, филистерски-убогой и лишней всякого революционного содержания постановкой вопроса: уклониться или не уклониться? *

Примем за доказанное и вполне соответствующее действительности все то, что говорят сторонники бойкота из с.-д. об изменении в настроении рабочих, о промышленном оживлении и об июльской забастовке текстильщиков.

Что вытекает из всего этого? Перед нами начало некоторого частного под'ема, имеющего революционное значение **. Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий

* См. в «Товарище» образец *либеральных* рассуждений у бывшего сотрудника с.-д. изданий нынешнего сотрудника либеральных газет. Л. Мартова.

** Есть мнение, что текстильная забастовка является движением нового типа, обособляющим профессиональное движение от революционного. Но мы проходим мимо этого взгляда, во-1-х, потому, что толковать все симптомы явлений сложного типа в пессимистическую сторону есть прием вообще опасного свойства, часто сбивавший толка многих, не совсем «твердых в седле» социал-демократов. Во 2-х, если бы в текстильной забастовке были отмеченные черты, то мы, с.-д. несомненно должны бы были самым энергичным образом бороться против них. В случае успеха нашей борьбы, вопрос стоял бы, следовательно, именно так, как мы его и ставим

революционный подъем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно. Среди социал-демократов (кроме разве сотрудничающих в «Товарище») об этом не может быть двух мнений. Но нужен ли *в данную минуту*, в начале этого частного подъема, до его окончательного перехода в общий, нужен ли лозунг бойкота для развития движения? Способен ли этот лозунг содействовать развитию современного движения? Это вопрос иной, и на этот вопрос, по моему мнению, придется ответить отрицательно.

Развивать общий подъем из частного можно и должно прямыми и непосредственными доводами и лозунгами, без отношения к III Думе.

Весь ход событий после декабря — одно сплошное подтверждение с.-д. взгляда на роль монархической конституции, на необходимость непосредственной борьбы. Граждане! — будем говорить мы. — Если вы не хотите, чтобы дело демократии в России так же неуклонно и все быстрее шло под гору, как шло оно после декабря 1905 года, во время гегемонии над демократическим движением господ кадетов, если вы не хотите этого, — поддержите начинающийся подъем рабочего движения, поддержите непосредственную массовую борьбу. Вне ее нет и не может быть гарантий свободы на Руси.

Агитация этого типа будет, несомненно, вполне последовательной, революционно-социал-демократической агитацией. Обязательно ли добавлять к ней: не верьте, граждане, в III Думу и смотрите на нас, с.-д., бойкотирующих ее в доказательство нашего протеста!

Подобное добавление по условиям переживаемого времени не только не необходимо, но звучит даже странно, звучит почти, как насмешка. Да, в III Думу и без того никто не верит, т.-е. в слоях населения, способных питать демократическое движение, нет и быть не может того увлечения конституционным учреждением III Думы, как было, несомненно, широкое увлечение I Думой, *первыми* попытками создания на Руси каких бы то ни было только конституционных учреждений.

Центром тяжести внимания широких кругов населения в 1905 и в начале 1906 г. было *первое* представитель-

ное учреждение, хотя бы на основе монархической конституции. Это факт. Против этого должны были с.-д. бороться и демонстрировать самым наглядным образом.

Теперь не то. Не увлечение *первым* «парламентом» составляет характерную черту момента, не вера в Думу, а *неверие в подъем*.

При таких условиях, выдвигая преждевременно лозунг бойкота, мы несколько не усиливаем движения, не парализуем действительных помех этому движению. Мало того: мы рискуем даже этим ослабить силу нашей агитации, ибо бойкот есть лозунг, сопутствующий уже определенному подъему, а вся беда теперь в том, что широкие круги населения в подъем не верят, силы его не видят.

Надо сначала позаботиться о том, чтобы *на деле* была доказана сила этого подъема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, *отвлекающий* внимание... от III Думы. Возможно, что нет. Для того, чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, быть может, *бойкотировать то, мимо чего пройти надо*.

Но для того, чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот.

Не в бойкоте теперь суть, а в прямых и непосредственных усилиях превратить частный подъем в общий, профессиональное движение в революционное, оборону от локаутов к наступлению на редакцию.

VII.

Резюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь, или монархически-конституционный поворот.

Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституций.

Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том, что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная надобность в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

Сборник «За и против бойкота».
Спб. 1907 г.

Новая аграрная политика.

В среду 13 февраля состоялся прием Николаем II 307 депутатов III Думы. Любезные беседы царя с черносотенцами Бобринским³⁵ и Чельшевым относятся к комической стороне нового лобзания самодержавия с бандой союзников. Гораздо серьезнее заявление Николая, что Дума должна вскоре принять новые земельные законы, и что всякая мысль о принудительном отчуждении должна при этом быть исключена, ибо он, Николай второй, никогда подобного закона не утвердит. «На крестьян, — сообщает корреспондент «Франкфуртской Газеты»³⁶, — речь царя произвела угнетающее действие»...

Несомненно, агитационное значение «аграрного заявления» самого царя очень велико, и мы можем только приветствовать талантливую агитатора. Но кроме агитационного значения, эта грозная выходка против принудительного отчуждения представляет большую важность, как окончательное вступление помещичьей монархии на новый путь аграрной политики³⁷.

Знаменитые введумские указы по 87-й статье³⁸ — 9 ноября 1906 г.³⁹ и следующие за ним — открыли эру этой новой аграрной политики царского правительства. Во II Думе Столыпин подтвердил ее, правые и октябристские депутаты одобрили ее, и кадеты (запуганные собранными в передних камарильях * слухами о разгоне Думы) отказались от открытого осуждения ее. Теперь, в III Думе, земельная комиссия приняла на днях основное по-

* Камарилья — испанское слово для обозначения тесного кружка придворных, захватившего всю полноту власти в государстве при слабом и ничтожном монархе. Таким именем называли реакционную придворную клику, фактически управлявшую страной в эпоху I Гос. Думы.

Прим. сост.

ложение закона 9-го ноября 1906 г. и пошла дальше, признавая частной собственностью крестьян их участки во всех общинах; не производивших передела в течение 24 лет. На приеме 13 февраля глава крепостнически-помещичьей России громогласно одобрил эту политику, прикрикнув, — явно для сведения беспартийных крестьян, — что он не утвердит никогда никакого закона о принудительном отчуждении в пользу крестьянства.

Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят больше всего от успеха или неуспеха этой политики.

В чем сущность поворота? В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, наделного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику охранения старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутинная * полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями. Диалектика истории ⁴⁰ сделала то, что крестьянство, — которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики ⁴¹ I и II Думы).

* — неподвижность, приверженность к старому во что бы то ни стало. Прим. сост.

Эти радикальные * и подграшенные даже идеями ме-
щанского социализма требования вызывались вовсе не
«социализмом» мушкетера, а экономической необходимостью
разрубить запытавшийся узел крепостнического земле-
владения, расчистить дорогу для свободного фермера
(предпринимателя в земледелии) на свободной от всех
средневековых перегородок земле **.

Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы
старого аграрного строя России. Он не может развиваться
дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо
и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы
помешать этому. Но этот строй может быть сломан по-
помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути по-
мещицкому или крестьянскому капитализму. Помещичья
ломка старины означает насильственное разрушение
общины и ускоренное разорение, истребление массы об-
нищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков. Кре-
стьянская ломка — означает конфискацию помещицкого
землевладения и предоставление всей земли в распоряже-
ние свободного фермерства из крестьян («равное право на
землю» господ народников на деле означает право *хозяев*
на землю с уничтожением всех средневековых перегородок).

И вот правительство контр-революции поняло это по-
ложение. Столыпин правильно понял дело: без ломки
старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственное
развитие России. Столыпин и помещики вступили смело
на революционный путь, ломая самым беспощадным обра-
зом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбле-
ние помещикам и кулакам крестьянские массы.

Господа либералы и мещанские демократы — начиная
от полуктябристских «меонов» ⁴², продолжая «Русскими
Ведомостями» ⁴³ и кончая г. Пешехоновым ⁴⁴ из «Русского
Богатства» ⁴⁵, подняли теперь страшный шум по поводу
разрушения общины правительством, *обвиняя* это прави-

* — крепкие, решительные. Прим. сост.

** Изложенные здесь взгляды тесно связываются с кри-
тикой нашей партийной программы. В № 21 «Пролетария» эта
критика была намечена как частное мнение; в следующих
номерах вопрос будет разобран подробно.

тельство в революционизме! Никогда еще так резко не выступало межеумочное положение буржуазного либерализма в русской революции. Нет, господа, хныканием по поводу разрушения исконных основ не поможешь тут делу. Три года революции выжили примиренческие и соглашательские иллюзии. Вопрос поставлен ясно. Либо смелый призыв к крестьянской революции, идущий вплоть до республики, и всесторонняя идейная и организационная подготовка *такой* революции в союзе с пролетариатом. Либо пустое нытье, политическое и идейное бессилие перед столыпинско-помещичьи-октябристским натиском на общину.

Выбирайте, — те, у кого осталась еще капля гражданского мужества и сочувствия к крестьянской массе! Пролетариат сделал уже свой выбор, и теперь тверже, чем когда-нибудь, с.-д. рабочая партия будет разъяснять, пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как *единственного* возможного средства помешать столыпинскому методу «обновления» России.

Мы не скажем, что этот метод невозможен, — он испытан был в Европе не раз в меньших размерах. — но мы разъясним народу, что он осуществим лишь путем безграничных насилий меньшинства над большинством в течение десятилетий и путем массового истребления передового крестьянства ⁴⁰. Мы не станем сосредоточивать своих забот на штоланы революционных столыпинских пресектов, на попытках поправить их, ослабить их действие и т. п. Мы ответим усилением нашей агитации в народных массах, особенно в тех слоях пролетариата, которые связаны с крестьянством. Крестьянские депутаты — даже просеянные через ряд полицейских сит, даже выбранные помещиками, даже запуганные зубрами ⁴¹ в Думе — обнаружили совсем недавно свои истинные стремления. Группа беспартийных и частью *правых* крестьян высказалась, как известно из газет, за принудительное отчуждение земли и за выборные *всем населением* местные земельные учреждения! Недаром один кадет в земельной комиссии сказал, что правый крестьянин левее кадетов. Да, в аграрном вопросе «правые» крестьяне во всех трех Ду-

.....

мах стоят левее кадетов, доказывая этим, что монархизм мужика есть отмирающая наивность, — в отличие от монархизма либеральных дельцов, которые монархисты по классовому расчету.

Царь крепостников крикнул беспартийным крестьянам, что он не допустит принудительного отчуждения. Пусть рабочий класс крикнет в ответ на это миллионам «беспартийных» крестьян, что он зовет их на массовую борьбу за низвержение царизма и за конфискацию помещичьей земли.

«Пролетарий» № 22
от 19 февраля (4 марта) 1908 г.

По торной дорожке.

Оценка русской революции, т.-е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня. Без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата. На одной из попыток такого учета мы и намерены в данной статье остановить внимание наших читателей.

В № 3 «Голоса Социал-Демократа» ⁴⁸ Ф. Дан ⁴⁹ и Г. Плеханов выступают — один с систематической оценкой итогов революции, другой — с итоговыми выводами о тактике рабочей партии. Оценка Дана сводится к тому, что надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства не могли не оказаться иллюзией. «Возможность нового широкого революционного выступления пролетариата... обусловлена в значительной степени позицией буржуазии». «На первых этапах его (нового подъема), — пока подъем революционного рабочего движения не всколыхнет городское мещанство, а развитие городской революции не зажжет пожара в деревне — в качестве главных политических сил очутятся лицом к лицу, пролетариат и буржуазия».

Тактические выводы из такого рода «истин» явно недоговорены Ф. Даном. Он посовестился, очевидно, дописать то, что из его слов само собой вытекает: рекомендовать рабочему классу знаменитую тактику меньшевиков — поддерживать буржуазию (припомните блоки с кадетами; поддержку лозунга кадетское министерство; полновластную Думу Плеханова ⁵⁰ и т. д.). Но зато Плеханов дополнил Дана, закончив свой фельетон в № 3 «Г.С.-Д.» словами: «Хорошо было бы для России, если бы

этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад» (именно: недооценки способности тогдашнего капитализма к развитию и переоценки способности пролетариата к революционному действию), «сумели избежать русские марксисты в 1905—1906 годах!».

Это яснее ясного. Дан и Плеханов пытаются остороженько, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую политику зависимости пролетариата от кадетов. Присмотримся же к их «теоретическому обоснованию» этого предприятия.

Дан рассуждает так, что «крестьянское движение» зависит от «роста и развития городской революции в ее буржуазном и пролетарском русле». Поэтому за подъем «городской революции» следовал подъем крестьянского движения, за упадком же ее «придавленные подъемом революции внутренние антагонизмы * деревни стали снова обостряться», и «правительственная аграрная политика, политика раз'единения крестьянства и т. д., стала пользоваться относительным успехом». Отсюда приведенное нами заключение, что на первых этапах нового подъема главными политическими силами будут пролетариат и буржуазия. «Положение это,—по мнению Ф. Дана,—должно и может быть использовано пролетариатом для такого развития революции, которое оставит далеко за собой *источиную точку* нового подъема и приведет к полной демократизации общества под знаком (sic!) ** радикального (!!) решения аграрного вопроса».

Нетрудно видеть, что построено это рассуждение целиком на радикальном непонимании аграрного вопроса в нашей революции и что непонимание это прикрыто совсем плохо дешевенькими и пустыми фразами о «полной демократизации» «под знаком» «решения» вопроса.

Ф. Дан думает, что «надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства» зависят и зависели от народнических предрассудков, от забвения внутренних антагонизмов деревни и индивидуалистического характера крестьян-

* — противоречия.

** так обрати внимание.

Прим. сост.

Прим. сост.

ского движения. Это — обычные и давно всем известные меньшевистские взгляды. Но едва ли кто так рельефно выставлял до сих пор напоказ всю их нелепость, как Ф. Дан в разбираемой нами статье. Почтеннейший публицист ухитрился *не заметить*, что оба противопоставляемые им «решения» аграрного вопроса соответствуют «индивидуалистическому характеру крестьянского движения!». В самом деле, столыпинское решение, пользующееся, по мнению Дана, «относительным успехом», покоится на индивидуализме крестьян. Это несомненно. Ну, а другое решение, которое Ф. Дан назвал «радикальным» и связанным с «полной демократизацией общества»? Не думает ли почтеннейший Дан, что оно *не покоится* на индивидуализме крестьян?

В том-то и беда, что пустой фразой о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса» прикрыто у Дана радикальное недомыслие. Он бессознательно, как слепой, *натывается* на два, объективно возможных и не выбранных еще окончательно историей «решений» аграрного вопроса, не умея ясно и точно представить себе характер *обоих* решений и условий того и другого решения.

Почему столыпинская аграрная политика может пользоваться «относительным успехом»? Потому, что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата. Возможен ли полный успех столыпинской аграрной политики и что таковой означает? Он возможен, если обстоятельства сложатся исключительно благоприятно для Столыпина, а означает он «решение» аграрного вопроса в буржуазной России в смысле *окончательного* (до пролетарской революции) укрепления частной собственности на *всю* землю, и помещичью и крестьянскую. Это будет «решение» *прусского* типа⁵¹, действительно обеспечивающее капиталистическое развитие России, но неимоверно медленное, надолго отдающее власть юнкеру *, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства, чем другое

* — реакционному помещику.

возможное объективно, тоже капиталистическое «решение аграрного вопроса».

Это другое решение Дана, не вдумавшись в дело, назвал «радикальным». Словечко дешевое. и мысли в нем ни капли нет. Столыпинское решение тоже очень радикально, ибо оно радикально ломает старую общину и старый аграрный строй России. Действительное отличие крестьянского решения аграрного вопроса в русской буржуазной революции от *столыпински-кадетского* его решения состоит в том, что первое уничтожает помещичью частную собственность на землю безусловно, а крестьянскую — весьма вероятно (этого частного вопроса о крестьянской наделной земле мы пока не будем касаться, ибо все рассуждение Дана неверно даже с точки зрения теперешней нашей, «муниципализаторской» ⁶² аграрной программы).

Спрашивается теперь, действительно ли это второе решение объективно возможно? Несомненно. На этот счет согласны все думающие марксисты, ибо *иначе* поддержка пролетариатом стремления мелких собственников конфисковать крупную собственность была бы реакционным шарлатанством. Ни в одной другой капиталистической стране ни один марксист не напишет программы с поддержкой *крестьянского* стремления конфисковать крупную земельную собственность. В России и большевики и меньшевики согласны насчет необходимости такой поддержки. Почему? Потому, что объективно возможен для России иной путь капиталистического аграрного развития, не «пруссский», а «американский», не помещичьи-буржуазный (или юнкерский *), а крестьянски-буржуазный.

Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай II и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить.

* Юнкерство — название германского, главным образом прусского, дворянства, глубоко реакционного.

Прим. сост.

Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники (трудовики, н.-с., с.-р. в том числе) сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности. Они расходятся в том, что социал-демократы понимают капиталистический характер в современном обществе всякой, хотя бы наирадикальнейшей аграрной революции, и муниципализации, и национализации *, и социализации **, и раздела. а народники не понимают этого, облекая мещански утопическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюций.

Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана зависят от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции. За разногласиями марксистского и мещанского социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он «не заметил» борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции. И это свое полное непонимание он прикрыл фразами об «относительном успехе» Столыпина и о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса».

На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело — ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за

* Национализация земли — переход в собственность государства.

Прим. сост.

** Социализация земли — уничтожение собственности на землю, «земля ничья, народная», по выражению крестьян.

Прим. сост.

иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития *через* крестьянскую революцию. Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие меньшевистские «подходы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих.

Далее. Что, если, несмотря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? Тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю наделную землю, земледелие станет капиталистическим, и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное, «решение» аграрного вопроса при капитализме станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу» и скажут массам: рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо *после* «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе *никакой* иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, *быть не может*.

Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России, вопрос, особенно запутанный Даном в его немецком пересказе его русской статьи («Neue Zeit», № 27) ⁵³.

Буржуазные революции возможны, даже неизбежны, в России и на почве столыпинско-кадетского аграрного пути. Но в *таких* революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 ⁵⁴ годов, нельзя будет и говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса», или вернее: в таких революциях только мещанские quasi-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса.

Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки. Это ясно не только для нас, и меньшевиков и большевиков, не только для людей, сочувствующих революции и желающих ее нового подъема, — это ясно даже для таких последовательных, сознательных и откровенно-смелых врагов революции и друзей черносотенного самодержавия, как г. Петр Струве. Если он «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк ⁵⁵, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве не видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху. Струве видит, что на одной столыпинской реакции и тысяче виселиц не создашь в помещичьи-буржуазной, прочной России кнехта *. Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы и по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права ⁵⁶. А Столыпину объединять приходится только Думбадзе ⁵⁷ с героями рижского музея ⁵⁸! Отменять приходится даже виттевское избирательное право по закону 11 декабря 1905 года ⁵⁹! Вместо крестьян, довольных дановским «относительным успехом» аграрной политики, Столыпину приходится даже от третьедумских крестьян выслушивать «трудоувицкие» требования!

Как же не «голосить», не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что *не выходит*, все еще не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, купой и прочной «конституции» ⁶⁰?

Струве хорошо знает, куда он идет. А Ф. Дан ничему не научился и ничего не забыл за три года революции. Он все еще, как слепой, тащит пролетариат под крылышко господ Струве. Он все еще бормочет те же реакционные меньшевистские речи, будто могут у нас пролетариат и буржуазия оказаться в качестве «главных политических сил» ... против кого, почтеннейший? против Гучкова ⁶¹? против монархий?

До какого невероятного подкрашивания либералов доходит при этом Ф. Дан, показывает его немецкая статья. Немецкой публике он не стыдится даже рассказывать, что

* — батрака

Прим. сост.

в III Думу мещанство городов выбирало «прогрессивных» выборщиков» (сиречь кадетов), а крестьяне-де дали 40% реакционных выборщиков! Да здравствуют «прогрессивные» Милюковы и Струве, аплодирующие Столыпину! Да здравствует союз Данов с Милюковыми против «реакционных» крестьян, проявляющих трудовицкий дух в Третьей Думе!

И Плеханов фальсифицирует * Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 году была *верна*, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась, *несмотря* на то, что она была единственно верная, не удалась в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейнов⁹² и Стрельцовых, — толкует Энгельса так, будто он «каялся» в тактике Маркса! Будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов!

Не скажет ли нам завтра г. Плеханов, что Энгельс по поводу восстаний в 1849 г. находил, что «не следовало братья за оружие»?

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями.

«Пролетарий» № 29
от 16 марта (29 апреля) 1908 г.

* — извращает, подделывает. Прим. сост.

На прямую дорогу.

Разгон Второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии. Мы говорили уже не раз о значении этого зигзага с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции. Мы хотим остановиться теперь на состоянии нашей партийной работы в связи с этим поворотом революции.

Больше полугода прошло со времени реакционного переворота 3-го июня, и несомненно, что первое полугодие после него характеризуется значительным упадком и ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Шатания, разброд и распад — такова общая характеристика этого полугодия. Иначе и не могло быть, конечно, ибо крайнее усиление реакции и временное торжество ее при заминке непосредственной классовой борьбы не может не сопровождаться кризисом революционных партий.

Теперь замечается совершенно уже явственно целый ряд признаков, свидетельствующих о прекращении этого кризиса, о том, что худшее уже пережито, что правильный путь уже намечился, что партия вступает снова на прямую дорогу — последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но, пожалуй, из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это — бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года первый номер Центрального Органа нашей партии, дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатываемый нами, харак-

теризует это бегство чрезвычайно рельефно *. «В последнее время за *отсутствием* интеллигентных работников окружная организация умерла», — пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация центрального промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег, — пишут с Урала. — Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центр. Органа: «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим не печатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к *новой жизни* накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, *чисто пролетарские* силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда, — читаем мы в ней, — рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается. Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («Соц.-Дем.» № 1-й, стр. 28) в виду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Эта перестройка партийных организаций на ином, так сказать, классовом фундаменте, конечно, трудное дело, и не без колебаний суждено ему развиваться. Но — труден только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила.

* — выпукло, ясно.

Прим. сост.

Работа в профессиональных союзах и кооперативах, за которую брались сначала ошупью, вполне оформляется и отливается в устойчивые формы. Две резолюции Ц.К. та о проф. союзах и кооперативах, принятые *обе единогласно*, уже подсказаны растущей местной работой. Партийные ячейки во всех беспартийных организациях; руководство ими в духе боевых задач пролетариата, в духе революционной классовой борьбы; «от беспартийности к партийности» (Соц.-Дем. № 1, стр. 28), — вот тот путь, на который и здесь вступило уже рабочее движение. Корреспондент одной партийной организации в глухом провинциальном городке, Минске, сообщает: «более революционно настроенные рабочие от них (от коверкаемых администрацией легальных союзов) отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов».

В том же направлении, «от беспартийности к партийности», развивается работа в совершенно иной области, работа думской с.-д. фракции. Это звучит, конечно, странно, но это факт: сразу поставить на партийную высоту работу наших парламентских представителей мы не можем, — как не сразу заработали мы «по-партийному» и в кооперативах. Выбранные по избирательному закону, фальсифицирующему волю народа, — выбранные из круга сохранивших легальность социал-демократов, поредевшего необыкновенно сильно после преследований за обе первые Думы, — наши думские с.-д. *на деле* неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партий.

Это печально, но это факт, и едва ли может быть иначе в капиталистической стране, опутанной тысячами крепостнических нитей, при существовании открытой рабочей партии всего каких-нибудь два года. И на этом факте хотели построить свою тактику создания неревolutionной социал-демократии те не только беспартийные, но и «безголовые» социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили думскую фракцию, как мухи тарелку с медом. Но как будто бы усилия этих почтенных бернштейншанцев проваливаются! Как будто бы начинает выпрямляться работа с.-д. и здесь. Не станем пророчествовать, не будем закрывать глаза на то, каких еще гро-

мадных трудов стоит сколько-нибудь сносная постанoвка парламентской с.-д. работы в наших условиях, — но отметим то, что в первом номере Ц.О. имеется партийная критика фракции и *прямая резолюция* ЦК о более правильном направлении ее работ. Мы ни в каком случае не считаем данной в Ц.О. критики исчерпывающей все проблемы, мы думаем, например, что с.-д. не следовало голосовать ни за передачу в первую очередь земствам поступающих поземельных сборов, ни за *выкуп* по невысокой цене городской земли, арендуемой беднотой (см. № 1 Ц.О., стр. 36). Но это уже все вопросы, сравнительно говоря, второго порядка. Основное и самое главное то, что превращение фракции в действительно партийную организацию вполне наметилось уже во всей нашей работе и что, следовательно, партия этого достигнет, каких бы трудов это ни стоило, какими бы испытаниями, колебаниями, частными кризисами, личными столкновениями и т. д. путь этот ни оказался еще усеянным.

В ряду тех же признаков выпрямления настоящей социал-демократической, действительно-партийной работы стоит явственно выступающий факт усиления нелегального издательства. «Урал издает восемь газет, — читаем в Ц.О. — Крым — 2, Одесса — одну газету, в Екатеринославе скоро выходит газета. значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций». Помимо двух заграничных с.-д. органов, выпущен в России, несмотря на выходящие из ряду вон полицейские препятствия, Центральный Орган. Готовится областной орган «Рабочее Знамя» в центрально-промыш. районе.

Тот путь, на который твердою ногой вступает с.-д. партия, вырисовывается из всего сказанного выше вполне определенно. Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовиками из самих рабочих, живущими в непосредственной связи с массой. — такова основа, на которой мы строим и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прежние времена, простираться свои

щупальцы, распространять *свое* влияние и через посредство Думы, и в проф. союзах, и в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах.

На первый взгляд, есть замечательное сходство в этой системе партийной работы и той, которая установилась у немцев во времена исключительного закона ⁶² (1878—1890). Тот путь, который германское рабочее движение прошло в тридцать лет после буржуазной революции (1848—1878), — русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905 — 1908). Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее различие. Тридцатилетие, протекавшее после буржуазно-демократической революции в Германии, вполне выполнило объективно необходимые задачи *этой* революции. Она изжила себя и в конституционном парламенте начала 60-х годов, и в династических ⁶⁴ войнах, объединивших большую часть немецких стран, и в создании империи при помощи всеобщего избирательного права. В России не истекшие еще три года после первой великой победы и первого великого поражения буржуазно-демократической революции не только не выполнили ее задач, а, напротив, впервые внесли сознание этих задач в *широкие* массы пролетариата и крестьянства. Изжили себя за эти два с небольшим года конституционные иллюзии и вера в демократичность либеральных лакеев черносотенного царизма.

Кризис на основе неосуществленных объективных задач буржуазной революции в России неминуем. Чисто-экономические, специально-финансовые, внутренне-политические и внешние события, обстоятельства и переипетии * могут сделать его острым. И партия пролетариата, вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полуполитического влияния, чем прежде, — сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года.

«Пролетарий» № 26
от 19 марта (1 апреля) 1908 года.

* — перемены с течением времени.

Об оценке текущего момента.

В порядке дня предстоящей Всероссийской Конференции РС-ДРП поставлен вопрос: «Современное положение и задача партии». Организации нашей партии уже начали — Москва и Петербург стоят в этом отношении впереди всех остальных центров — систематически обсуждать этот вопрос, несомненно имеющий чрезвычайно важное значение. Переживаемый нами период затишья освободительного движения, разгула реакции, измен и уныния в лагере демократии, кризиса и частичного развала с.-д. организации выдвигает особенно остро необходимость учесть прежде всего основные уроки первой кампании нашей революции. Мы говорим не о тактических уроках в тесном смысле слова, а сначала об общих уроках революции, и сообразно этому наш первый вопрос будет таков: каковы те объективные перемены, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 г.? Основные перемены можно свести, на наш взгляд, к следующим пяти:

- 1) Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась; поддержка и укрепление старой общины сменилось политической ускоренной полицейской разрушкой и ограблением ее.
- 2) Представительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов, вместо разрозненных и случайных попыток всероссийского их представительства, имеется единый представительный орган — Государственная Дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее преобладание.

Представительство либеральных профессий — не говоря уже о крестьянстве и пролетариате, — сведено на роль придатка и прivesка в этом, якобы «конституционном» учреждении, долженствующем укрепить самодержавие.

3) Классы в открытой и политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии, открыто и тайно (вернее: наполовину тайно, ибо совершенно «тайных» партий после революции нет в России) существующие теперь, выражают с невиданной прежде точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предыдущие полвека. Черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелко-буржуазная демократия (трудовики с их левым небольшим крылом эс-эров) и пролетарская социал-демократия за это время все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определили — не словами, а фактами и действиями масс — свою натуру.

4) То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим «обществом», или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пропитывающим земства, университеты, всю «порядочную» печать и т. д. и т. д. — все это проявило себя в революции как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех контр-революционную позицию по отношению к массовой борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Контр-революционная и либеральная буржуазия родилась и растет. Этот факт не перестает быть фактом от того, что его отрицает «прогрессивная» легальная печать, или от того, что его замалчивают и не понимают наши оппортунисты, меньшевики.

5) Миллионы населения приобрели практический опыт в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжении их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном зна-

чении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта *массами* — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень «изрядного» возраста. Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая (в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом.

Таковы объективные перемены, вырванные пропасть между дооктябрьской и современной Россией. Таковы *итоги* трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории, — разумеется итоги, так сказать, суммарные, поскольку можно в нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное. Посмотрим же теперь на те выводы в области тактики, к которым обязывают эти итоги.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерства, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. — буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование * монархии, потерявшей свою старую патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать **, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества,

* — влияние.

** — искусно сохранять равновесие при изменении положения.

Прим. сост.

Прим. сост.

с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже редиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому безусловной ошибкой была бы всякая оценка столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (= либеральной) сущности.

Например, наши либералы выражают свое смутное сознание того, что столыпинская аграрная политика есть бонапартизм, нападками на полицейский характер ее, идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь и т. д. и т. д. Но когда к.-д. плачутся по поводу насильственной ломки «исконных» устоев нашего деревенского быта, они становятся *реакционными* нутниками. Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет, — хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — *только* из-за того, будет ли это насилие насилием помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях *неизбежна* буржуазная, а не иная какая-либо аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором — быстрая, широкая и свободная. Борьба рабочей партии за этот второй путь выражена и признана в нашей аграрной программе — не в той ее части, где выдвигается несурфиская «муниципализация», а в той, где говорится о *конфискации всех помещичьих земель*. После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут еще найтись люди,

не видящие связи борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику. Столыпинская аграрная политика, если бы она продержалась очень и очень долгие времена, если бы она пересоздала окончательно на чисто буржуазный лад все деревенские поземельные отношения, могла бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы в буржуазном обществе (до сих пор *даже* меньшевики и даже Черевангны ⁶⁵ среди меньшевиков не дошли до отречения от нашей аграрной программы). Но столыпинская политика никоим образом не может побудить нас теперь изменить нашу тактику. Раз в программе стоит «конфискация всех помещичьих земель», то только младенцы могут не замечать вытекающей отсюда революционной (в непосредственном и узком смысле слова) тактики. И неправильно было бы ставить вопрос так: если столыпинская политика терпит «крах», то значит близок под'ем, и обратно. Крах бонапартистских приемов не есть еще крах политики кулацкого разорения общины. И, наоборот, «успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы *по сути дела* будет больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее, ибо иначе как долгим и очень долгим путем нельзя достигнуть «цели», т.-е. окончательного и полного упрочения *чисто* буржуазного крестьянского хозяйства. «Успех» Столыпина в ближайшие годы мог бы привести в лучшем случае к выделению слоя сознательно контр-революционных, октябристских крестьян, но именно такое превращение зажиточного меньшинства в политически сознательную объединенную силу неминуемо означало бы гигантский толчок к развитию политического сознания и объединения против такого меньшинства демократической массы. Лучшего мы, социал-демократы, не могли бы и желать, как превращения стихийной, разрозненной, слепой борьбы «мироедов» и «общества» в сознательную и открытую борьбу октябристов и трудовиков.

Перейдем к вопросу о Думе. Несомненно, что это черносотенно-«конституционное» учреждение представляет из себя точно также развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма. Все те черты бонапартизма, которые мы отметили выше, совершенно наглядно обнару-

живаются и на современном избирательном законе, и на подделанном большинстве черносотенцев плюс октябристов, и на игре в подражании Европе, и на погоне за займами, расход которых якобы контролируется «представителями народа», и на полном игнорировании самодержавием, его деловой политики, всех прений и решений Думы. Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции» выступает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса. Самодержавие хотело прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм. Нельзя не вспомнить по этому поводу замечательно глубокого указания Энгельса (в письме к Бернштейну от 31 августа 1883 г.) на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время, как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии. «Точно так же, — писал Энгельс, — как борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов^{65а}), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике». Энгельс называет здесь конституционной монархией, между прочим, и Францию 1816 г., когда знаменитая *Chambre Introuvable* *, черносотенная, контр-революционная палата, неистовствовала и бешенствовала в поддержке белого террора против революции, наверное, не меньше нашей Третьей Думы. Что это значит? При-

* — «Бесподобная палата», — так назвал ее король Людовик XVIII.

Прим. сост.

знает ли Энтельс действительно конституционными учреждениями реакционные собрания представителей помещиков и капиталистов, поддерживающие абсолютизм в борьбе с революцией? Нет. Это значит, что бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых революционных кризисов. В первую кампанию нашей революции большинство населения верило еще в возможность примирения действительной конституции с самодержавием: кадеты всю свою политику строили на систематической поддержке в народе этой веры, трудовики по меньшей мере наполовину шли в этом пункте за кадетами. Теперь самодержавие с своей Третьей Думой показывает народу на опыте, с какой «конституцией» может оно «примириться», приближая этим более широкую и более решительную борьбу *против самодержавия*.

Отсюда вытекает между прочим, что замена нашего старого лозунга «долой самодержавие» лозунгом «долой Третью Думу» — была бы совершенно неправильна. При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т. е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архи-реакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие остро-революционного кризиса в стране: лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому ни другому случаю мы не видим у нас. Третья Дума — не соглашательская, а прямо контр-революционная, не прикрывающая самодержавие, а разоблачающая его, не играющая самостоятельной роли ни в каком отношении: никто и нигде не ждет от нее прогрессивных реформ; никто не думает, что источник действительной власти и силы царизма лежит в этом собрании зубров.

Все согласны, что царизм не опирается на него, а пользуется им, — что царизм может вести всю свою теперешнюю политику и при отсрочке созыва такой Думы (подобно «отсрочке» созыва парламента Турцией в 1878 г.), и при замене ее «Земским собором» или чем-нибудь подобным, и т. д. Лозунг «долгой Думу» означал бы сосредоточение главной борьбы как раз на учреждении несамоустоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли. Такой лозунг — неверен. Мы должны сохранить старый лозунг «долгой самодержавие» и да здравствует «Учредительное Собрание», ибо именно самодержавие продолжает оставаться действительной властью, действительной опорой и оплотом реакции. Падение самодержавия неизбежно означает устранение (и при том революционное) Третьей Думы как одного из учреждений царизма; падение III Думы, взятое само по себе, означало бы либо новую авантюру того же самодержавия, либо попытку реформы, обманчивой и видимой только реформы, предпринимаемой тем же самодержавием.

Пойдем дальше. Мы видели, что классовая природа политических партий определилась за три года первой революционной кампании с замечательной силой и выпуклостью. Отсюда следует, что во всех рассуждениях о современном соотношении политических сил, о направлении в изменении этого соотношения и т. д. необходимо считаться с этими конкретными данными исторического опыта, а не с абстрактными «общими рассуждениями». Вся история европейских государств свидетельствует, что именно в периоды непосредственной революционной борьбы закладываются такие глубокие и прочные устои классовых группировок и деления на крупные политические партии, которые держатся потом в течение самых долгих периодов застоя. Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные политические силы неизбежно вновь проявят себя, может быть в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции. Поэтому было бы, например, ве-

личайшей близорукостью полагать, что так как трудови-
ческих организаций нет на местах, а трудовая группа
в III Думе отличается особенной растерянностью и беспомощностью, то поэтому массы демократического крестьянства уже рассыпались совсем и не играют существенной роли в процессе нарастания нового революционного кризиса. Такой взгляд достоин только меньшевиков, все более и более скатывающихся к самому низшему «парламентскому кретинизму» * (возьмите хоть их поистине позорные, ренегатские выходы против нелегальной партийной организации). Марксисты должны знать, что условия представительства не только в нашей черносотенной Думе, но даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и ее отражением в представительном учреждении. Например, либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде кажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности (и в нашей революции оппортунисты с.-д. принимали кадетов за то, чем они кажутся), и, наоборот, очень широкие демократические слои мелкой буржуазии (городской — в эпоху буржуазных революций 1848 года, деревенской — у нас) проявляют себя нередко как чрезвычайно важный фактор в открытой борьбе масс, будучи совершенно ничтожны с точки зрения их представительства в парламентах.

Наше крестьянство вступило в революцию неизмеримо менее сознательным, чем либеральный буржуа, с одной стороны, и социалистический пролетариат, — с другой. Поэтому оно всего более вынесло из революции тяжелых, но полезных разочарований, всего больше горьких, но спасительных уроков. Совершенно естественно, что оно переваривает эти уроки особенно трудно и особенно медленно. Совершенно естественно, что при этом будут терять терпение многие «радикалы» из интеллигенции, махая на все рукой, и некоторые мещане из соц.-дем., у которых проявляется презрительная гримаса на лице при упоминании о какой-то там крестьянской демократии, но зато текут

* — вырождению. Приж. сост.

слионки при одном взгляде на «просвещенных» либералов. Но сознательный пролетариат не вычеркнет из своей памяти так легко того, что он видел и в чем он участвовал осенью и зимой 1905 г. И, учитывая соотношение сил в нашей революции, мы должны знать, что обязательным признаком действительно широкого общественного под'ема, действительно приближающегося революционного кризиса неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве.

Либеральная буржуазия вступила у нас на контр-революционный путь. Отрицать это могут только храбрые Череванины и трусливо отрекающиеся от своего единомышленника и соратника редакторы «Голоса С.-Д.». Но если бы из этой контр-революционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не могут иметь никакого значения в процессе нарастания нового под'ема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение как повод, как переполняющая чашу калля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, что земская кампания и петиции * либералов 1904 года⁶⁶ были предтечей такой своеобразной и чисто-пролетарской «петиции», как 9 января. Не против того спорили большевики по поводу земской кампании, что ее нужно использовать для пролетарской демонстрации, а против того, что эти демонстрации хотели (наши меньшевики) ограничить залами земских собраний. против того, что демонстрации перед земствами объявлялись выс-

* — коллективная просьба, подаваемая главе государства с целью указать на необходимость каких-нибудь реформ.

Прим. сост.

шим видом демонстрации, против того, что планы демонстрации составлялись под углом стремления не запугать либералов. Другой пример: студенческие движения. В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления. Разумеется социал-демократия, ведя самостоятельную классовую политику пролетариата, никогда не будет приспосабливаться ни к студенческой борьбе, ни к новым земским съездам, ни к постановке вопроса поссорившимися фракциями буржуазии, никогда не будет придавать этой семейной ссоре самодовлеющего значения, и т. п. Но именно партия соц.-демократ. есть партия руководящего во всей освободительной борьбе класса, она безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям со своими собственными требованиями и т. д. Во Франции после 1793 года родилась и стала неуклонно расти контр-революционная либеральная буржуазия, но, тем не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он довел до завоевания республики.

Посмотрим теперь вопрос об условиях наступательной борьбы этого руководящего и передового в нашей буржуазно-демократической революции класса, пролетариата. Московские товарищи, обсуждая этот вопрос, совершенно правильно подчеркнули при этом коренное значение промышленного кризиса. Они собрали чрезвычайно интересный материал относительно этого кризиса, учли значение борьбы Москвы с Пудзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления. Остается только пожелать, чтобы материал этот не завял

в комиссиях М.К. * или М.О.К. **, а был обработан и вынесен в печать для обсуждения его всей партией. Мы, со своей стороны, ограничимся несколькими замечаниями о постановке вопроса. Спорным является, между прочим, направление, в котором действует кризис (по общему признанию, в нашей промышленности после очень краткого и небольшого оживления опять царит тяжелая депрессия ***, граничащая с кризисом). Одни говорят: по-прежнему невозможно экономически - наступательная борьба рабочих, следовательно, невозможен близкий революционный подъем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической, и потому неизбежен близкий революционный подъем.

Мы думаем, что в основе рассуждения тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса. Несомненно, что детальное изучение промышленного кризиса имеет самое важное значение. Но несомненно также, что никакие данные о кризисе, даже идеально точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного подъема, ибо подъем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы, это бесспорно. Но раз общая почва есть налицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу рабочих вообще или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и в особенности за состоянием движения и построения широких пролетарских масс. В последнее время, например, ряд сообщений партийных работников из различных концов России, из промышленных и сельских

* М. К. — Московский Комитет РС. ДРП.

** М. О. К. — Московский Окружной Комитет РС. ДРП.

*** — упадок, угнетенное состояние.

Прим. сост.

Прим. сост.

Прим. сост.

ческих местностей, свидетельствует о несомненном оживлении настроения, о притоке новых сил, об усилении интересов к агитации и т. д. Сопоставляя с этим начало массовых студенческих волнений, с одной стороны, попытки воскресить земские съезды — с другой, мы можем констатировать известный поворот, нечто разрушающее полный застой последних полутора лет. Насколько силен этот поворот, служит ли он преддверием новой эпохи открытой борьбы и т. д., — это покажут факты. Все, что мы можем сделать сейчас, все, что мы должны сделать во всяком случае, это напрячь силы для укрепления нелегальной партийной организации и удешевления агитации в массах пролетариата. Только агитация в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих классов или той или иной фракции этих классов с самодержавием, и каждого выступления с. д. в Думе, и каждого нового проявления контр-революционной политики правительства, и т. д., — только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных битв.

Резюмируем. Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены. Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общеполитики как в Думе так и при помощи Думы только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны, — с другой. Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отставание революционно-демократических тре-

Бований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябристская Дума, показывая наглядно и на опыте, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу *против самодержавия*; частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собой и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее сознание безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса. Наша задача теперь не в том, чтобы искусственно сочинять какие-то новые лозунги (вроде лозунга: «долой Думу!» вместо: «долой самодержавие!»); а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

«Пролетарий» № 38
от 1/14 ноября 1988 года.

О фракции сторонников отзовизма и богостроительства*.

Т.т. Богданов ⁶⁷ и Красин ⁶⁸ выпустили особый листок под названием «Отчет тов. большевикам устранившихся членов расширенной редакции „Пролетария“». Горько-прегорько жалуются публике наши устранившиеся на то, какие обиды нанесла им редакция и как она их устранила.

Чтобы показать партии рабочего класса, какого сорта эта публика горько жалующихся устранившихся, рассмотрим прежде всего принципиальное содержание листка. Из № 46 «Пролетария» и из приложения к этому номеру читатели знают, что совещание расширенной редакции «Пролетария» признало тов. Богданова одним из организаторов новой фракции в нашей партии, фракции, с которой большевизм не имеет ничего общего, и сняло с себя «всякую ответственность за все политические шаги т. Богданова». Из резолюций совещания видно, что основой расхождения с отколовшейся от большевиков новой фракцией (или вернее: с отколовшимся Богдановым и его приятелями) является, во-первых, отзовизм ⁶⁹ и ультиматизм ⁷⁰; во-вторых, богостроительство ⁷¹. В трех подробных резолюциях изложен взгляд большевистской фракции на то и на другое течение.

Что же отвечают теперь горько жалующиеся устранившиеся?

I.

Начнем с отзовизма. Устранившиеся подводят итоги парламентского или думского опыта за истекшие годы, оправдывают бойкот Булыгинской и Виттевской Думы,

* Отрывок из статьи т. Ленина того же названия.

Прим. сост.

а также участие во II Думе и продолжают: ... «При острой и усиливающейся реакции все это опять таки изменяется. Партия не может тогда провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства»...

Первая же фраза самостоятельного, не списанного из старых большевистских изданий рассуждения, — и перед нами вся бездонная пропасть отзовистского-политического недомыслия.

Ну, подумайте-ка, любезнейшие, может партия при острой и усиливающейся реакции провести «крупное и яркое» устройство «инструкторских групп и школ» для боевиков, о чем вы говорите на той же самой странице, в том же столбце вашего произведения? Подумайте-ка, любезнейшие, может ли партия получить «достойное себя представительство» в таких школах? Если бы вы умели думать и сколько-нибудь способны были рассуждать политически, о, несправедливо устранившиеся, то вы заметили бы, что выходит у вас величайшая несуразица. Вместо того, чтобы политически *мыслить*, вы цепляетесь за «яркую» вывеску и от этого оказываетесь в положении партийных Иванушек. Вы болтаете об «инструкторских школах» и об «усилении (!) пропаганды в войсках» (там же), потому что вы, как и все политические недоросли из лагеря отзовистов и ультиматистов, считаете такого рода деятельность особенно «яркой», но подумать об условиях действительного (а не словесного) применения этих форм деятельности вы не умеете. Вы *заучили* обрывки большевистских словечек и лозунгов, но *понять* в них вы ровно-ничего не поняли. «При острой и усиливающейся реакции» партии *трудна* всякая работа, но, как ни велики трудности, а добиться достойного парламентского представительства все же *возможно*. Это доказывает, например, и опыт германской социал-демократии в эпоху «острой и усиливающейся реакции» хотя бы времен введения исключительного закона. Отрицая эту возможность, Богданов и К-о обнаруживают только свое полнейшее политическое невежество. Рекомендовать «инструкторские школы» и «усиление пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся реакции» — и в то же время отрицать

возможность для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборник логических нелепостей для учеников низших классов гимназии. И инструкторские школы, и усиление пропаганды в войсках предполагают обязательное нарушение старых законов, прорыв их, — тогда как парламентская деятельность вовсе не обязательно и во всяком случае неизмеримо реже предполагает прорыв старых законов новою общественною силою. Теперь подумайте, любезные, когда легче прорывать старые законы: при острой и усиливающейся реакции или при подеме движения. Подумайте, о, несправедливо устранившиеся, и постыдитесь того вздора, который вы говорите, защищая милых вашему сердцу отзовистов.

Далее. Какого рода деятельность предполагает больший размах энергии масс, большее влияние масс на непосредственную политическую жизнь, — парламентская ли деятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрывающая сразу и прямою орудия материальной силы этой власти?

Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская деятельность в указанном отношении стоит позади. А из этого что следует?

А из этого следует то, что чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах их энергии, другими словами, чем больше можно говорить об «остром и усиливающемся» революционном натиске народа, а не об «острой и усиливающейся реакции», — тем более возможной, тем более неизбежной, тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках, и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сводящиеся к авантюризму оголтелых боевиков. Именно поэтому, о, несправедливо устранившиеся, большевизм умел выдвинуть и боевую деятельность и пропаганду в войсках особенно сильно в период «острого и усиливающегося» революционного подема; именно поэтому большевизм умел проводить (начиная с 1907 года) и окончательно провел к 1909 году отделение своей фракции от того боевизма, который «при острой и усиливающейся реакции» *свелся*, неизбежно *свелся* к авантюризму.

У наших героев, которые заучили обрывки большевистских слов, выходит все наоборот: высшие формы борьбы, неудавшиеся нигде и никогда в мире без непосредственного натиска масс, рекомендуются на первом плане как «возможные» в эпоху острой реакции, а низшие формы борьбы, предполагающие не столько непосредственный прорыв закона борьбой масс, сколько *использование* закона для пропаганды и агитации, *подготавливающей сознание* масс для борьбы, объявляются «невозможными»!!

Отзовисты и их «устраненные» подголоски слышали и заучили, что большевизм считает непосредственную борьбу масс, вовлекающую в движение даже войска (т. е. наиболее заскорузлую часть населения, наименее подвижную, наиболее защищенную от пропаганды и т. д.) и превращающую боевые выступления в действительное начало восстания, — формой движения высшей, а парламентскую деятельность без непосредственного движения масс — формой движения низшей. Отзовисты и их подголоски, вроде Богданова, это слышали и заучили, но не поняли, и потому оскандалились. Высшее — значит «яркое», — думает отзовист и т. Богданов, — ну-ка я закричу «поярче»: наверное выйдет всех революционнее, а разбирать, что к чему, это от лукавого.

Послушайте дальше рассуждение Богданова (мы продолжаем цитату на прерванном месте):

... «Механическая сила реакции разрывает связь уже создавшейся партийной фракции с массами и страшно затрудняет влияние на нее партии, а это приводит к неспособности такого представительства вести достаточно широкую и глубокую организационно-пропагандистскую работу в интересах партии. При ослаблении же самой партии не исключается даже опасность вырождения фракции, ее уклонения от основного пути социал-демократии» ...

Неправда ли, как это бесподобно мило. Когда речь идет о низших, подзаконных формах борьбы, тогда нас начинают запугивать: «механическая сила реакции», «неспособность вести достаточно широкую работу», «опасность вырождения». А когда речь идет о высших, прорывающих старые законы формах классовой борьбы, тогда

«механическая сила реакции» исчезает, никакой «неспособности» вести «достаточно широкую» работу в войсках не оказывается, ни о какой «опасности вырождения» инструкторских групп и школ не может быть, изволите видеть, и речи!

Вот — наилучшее оправдание редакции «Пролетария», почему она должна была *устранить* политических деятелей, несущих *такие* идеи в массы.

Зарубите-ка себе на носу, о, несправедливо устраненные:

Когда имеются налицо действительные условия острой и усиливающейся реакции, когда механическая сила этой реакции действительно разрывает связь с массами, затрудняет достаточно широкую работу и ослабляет партию, именно тогда специфической задачей партии становится овладение парламентским оружием борьбы; и это не потому, о, несправедливо устраненные, что парламентская борьба выше других форм борьбы; нет, это именно потому, что она *ниже* их, ниже, например, такой борьбы, которая втягивает в массовое движение *даже* войско, которая создает массовые стачки, восстания и проч. Каким же образом овладение низшей формы борьбы может стать специфической (т.-е. отличающей данный момент от других моментов) задачей партии? А таким образом, что, чем сильнее механическая сила реакции и чем более ослаблена связь с массами, тем больше выдвигается на очередь задача подготовки сознания масс (а не задача прямого действия), тем больше выдвигается на очередь *использование созданных старой властью* путей пропаганды и агитации (а не непосредственный натиск масс против самой старой власти).

II.

Для всякого марксиста, который хотя сколько-нибудь вдумывался в миросозерцание Маркса и Энгельса, для всякого социал-демократа, который хоть сколько-нибудь знаком с историей международного социалистического движения, это превращение одной из низших форм борьбы в специфическое орудие борьбы особого исторического момента не представляет из себя ровно ничего уди-

вительного. Анархисты этой нехитрой вещи абсолютно и никогда понять были не в состоянии. Теперь наши отзовисты и их устранившиеся подголоски пытаются перенести в русскую социал-демократическую среду методы мышления анархизма, крича (подобно Богданову и К-о), что у «пролетария» господствует теория «парламентаризма во что бы то ни стало».

Чтобы раз'яснить, до какой степени неумны и не социал-демократичны эти крики Богданова и К-о, приходится опять таки начать с азов. Подумайте-ка, о, несправедливо устранившиеся, что составляет специфическое отличие политики и тактики немецкой социал-демократии по сравнению с социалистическими рабочими партиями других стран. Использование парламентаризма; превращение буржуазно-юнкерского (по-русски, примерно-октябристско-черносотенного) парламентаризма в орудие социалистического воспитания и организации рабочих масс. Значит ли это, что парламентаризм есть высшая форма борьбы социалистического пролетариата? Анархисты всего мира думают, что значит.

Значит ли это, что немецкие социал-демократы стоят на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало? Анархисты всего мира думают, что значит, а потому нет у них врага, более ненавистного, чем немецкая социал-демократия, нет для них мишени, более излюбленной, чем немцы социал-демократы. И в России, когда наши социал-революционеры начинают заигрывать с анархистами и рекламировать свою «революционность», они обязательно пытаются вытащить те или иные действительные или мнимые промахи немецких социал-демократов и сделать отсюда выводы против социал-демократии.

Теперь пойдем дальше. В чем ошибка рассуждения анархистов? В том, что они, в виду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обуславливающих специфическое значение *для известного периода времени* то одного, то другого средства борьбы. На самом деле немецкая социал-демократия не только не стоит на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало, но

только не подчиняет все и вся парламентаризму, напротив: как раз она всего лучше в международной армии пролетариата развернула такие внепарламентские орудия борьбы, как социалистическую печать, как профессиональные союзы, как систематическое использование народных собраний, как воспитание молодежи в социалистическом духе и т. д. и т. п.

В чем же тут суть? В том, что совокупность целого ряда исторических условий сделала для Германии *известного периода* парламентаризм *специфическим* орудием борьбы, не главным, не высшим, не крупным, не существенным по сравнению с другими, а именно специфическим, наиболее характерным по сравнению с другими странами. Уменьше использовать парламентаризм *оказалось* поэтому *симптомом* * (не условием, а симптомом) образцовой постановки *всего* социалистического дела, во *всех* его, вышеперечисленных нами, разветвлениях.

Перейдем от Германии к России. Те, кто вздумал бы целиком приравнять условия той или другой страны, впали бы в целый ряд крупнейших ошибок. Но попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента? Мы должны сохранить и укрепить нелегальную партию, — как и до революции. Мы должны неуклонно готовить массы к новому революционному кризису, — как и в 1897—1903 годах. Мы должны всячески укреплять связь партии с массой, развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации, — как и всегда и везде все социал-демократические партии ⁷². Специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристско-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для социал-демократов является использование этой Думы в *своих* целях, в целях распространения идей революции и идей социализма.

* — показателем. Прим. сост.

Не в том суть, чтобы эта специфическая задача была особенно высока, чтобы она открывала широкие перспективы, чтобы она равнялась или хотя бы приближалась по своему значению к тем задачам, которые возникали перед пролетариатом, например, в 1905—1906 годы. Нет. Суть в том, что это — особенность тактики сегодняшнего момента, отличие ее от периода миновавшего и от периода грядущего (ибо этот грядущий период, *наверное*, принесет нам специфические задачи более сложные, более высокие, более интересные, чем задачи использования III Думы). Нельзя овладеть современным моментом, нельзя решить всей совокупности тех задач, которые он ставит перед социал-демократической партией, не решив этой специфической задачи момента, не превратив черносотенно-октябристской Думы в *орудие* социал-демократической агитации.

Отзовистские пустомели болтают, например, вслед за большевиками об учете опыта революции. Но они не понимают, что они говорят. Они не понимают, что в учет опыта революции *входит* отстаивание идеалов и задач, и методов революции *изнутри* Думы. Не суметь изнутри Думы, через наших партийных рабочих, которые могут пройти и которые прошли в эту Думу, *отстоять* эти идеалы, задачи и методы—значит не уметь сделать *первого* шага в деле политического учета опыта революции (ибо речь идет здесь, конечно, не об учете опыта теоретическом, в книгах и в исследованиях). Этим первым шагом наша задача отнюдь и ни в коем случае не исчерпывается. Несравненно важнее, чем первый шаг, будут шаги второй и третий: т.-е. превращение уже учтенного массами опыта в идейный багаж для нового исторического действия. Но если же сами эти отзовистские пустомели говорят о «межреволюционной» эпохе, то они должны бы были понять (если бы они умели думать, умели рассуждать по социал-демократически), что «межреволюционный» как раз и значит *выдвигающий элементарные, предварительные задачи на очередь дня*. «Межреволюционный» есть характеристика неустойчивого, неопределенного положения, когда старая власть, убедившись в невозможности править при помощи одних только старых орудий, *пытается* ис-

пользовать *новое* орудие в общей обстановке старых порядков. Это внутренне-противоречивая невозможная попытка, на которой самодержавие опять идет, неминуемо идет к краху, опять ведет нас к повторению славной эпохи и славных битв 1905 года. Но оно идет *не так*, как шло в 1897—1903 годах, *ведет* народ к революции не так, как вело до 1905 года. Вот это «не так» надо уметь понять. Надо уметь видоизменить свою тактику, *прибавляя* ко всем основным, всеобщим, первостепенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии еще одну, не очень крупную, но специфическую задачу данного момента, нового момента: задачу революционно-социал-демократического использования черносотенной Думы.

Как всякая новая задача, эта задача кажется труднее других, ибо она требует от людей не простого повторения заученных лозунгов (у отзовистов и Богданова дальше этого повторения ума не хватает), а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над *оригинальной* исторической задачей.

Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента. В эпоху «острой и усиливающейся реакции» решить задачу — действительно серьезной постановки «инструкторских школ и групп», т.-е. такой постановки, при которой бы они были действительно связаны с массовым движением, действительно подчинены ему, — *вовсе нельзя*, ибо задача поставлена глупо, поставлена людьми, *списавшими* формулировку этой задачи с хорошей брошюры, учитывающей условия *другого* момента. А решить задачу подчинения массовой партии и интересам массы речей, выступлений, политики социал-демократов в III Думе *можно*. Не легко, если считать «легким» делом повторение заученного, но *осуществимо*. Как бы мы ни напрягали сейчас всех сил партии, мы не можем решить задачи социал-демократической (а не анархистской) постановки «инструкторских школ» в данный «межреволюционный» момент, ибо для разрешимости этой задачи нужны совсем

другие исторические условия. Наоборот, напрягая все силы, мы решим (и мы уже *начинаем решать*) задачу революционно-социал-демократического использования III Думы, — решим ее не для того, о, обиженные устранением и обиженные богом отзовисты и ультиматисты, чтобы возвести парламентаризм на какой-то высокий пьедестал, чтобы провозгласить «парламентаризм во что бы то ни стало», а для того, чтобы *после* решения «межреволюционной» задачи, соответствующей сегодняшнему «межреволюционному» моменту, *перейти* к решению более высоких революционных задач, которые будут соответствовать завтрашнему, более высокому, т.-е. более революционному моменту.

III.

Особенно курьезны эти глупенькие крики Богданова и К-о о «парламентаризме во что бы то ни стало» у большевиков с точки зрения действительной истории отзовизма. Курьезно то, что о преувеличении парламентаризма закричали *как раз* те люди, которые создали и создают особое направление *исключительно* на вопросе о своем отношении к парламентаризму.

Как вы себя сами зовете, любезнейшие Богданов и К-о? Вы зовете себя «отзовистами», «ультиматистами», «бойкотистами». Богданов до сих пор не может налюбоваться на себя, как на бойкотиста III Думы, и свои редкие партийные выступления обязательно сопровождает подписью: «докладчик бойкотистов на Июльской конференции 1907 года». Один писатель подписывался в старину «действительный статский советник и кавалер». Богданов подписывается «докладчик бойкотистов» — тоже ведь кавалер!

При том политическом положении в июне 1907 года, когда Богданов защищал бойкот, ошибка была еще совсем, совсем невелика. Но, когда в июле 1909 г., выступая с своего рода манифестом, Богданов продолжает любоваться на свой «бойкотизм» по отношению к III Думе, то это уже совсем глупо. И бойкотизм, и отзовизм, и ультиматизм — *одни* уже эти выражения означают создание *направления* из вопроса об отношении к парламен-

таризму, и *только* из этого вопроса. А выделить себя по этому вопросу, продолжать (два года спустя после решения дела в принципе партией!) выделять себя по этому вопросу — это признак беспредельного узкокобия. Именно те, кто поступает так, т.-е. и «бойкотисты» (1909 г.), и отзовисты, и ультиматисты доказывают *тем самым*, что мыслят они не по социал-демократически, что парламентаризм они возводят на особый пьедестал, что совершенно аналогично анархистам, они создают *направление* из отдельных рецептов: бойкотировать такую-то Думу; отозвать из такой-то Думы, поставить ультиматум такой-то фракции в Думе. Поступать так и значит быть карикатурным большевиком. У большевиков направление определяется *общим* взглядом их на русскую революцию, и тысячу раз подчеркивали большевики (как бы заранее предостерегая политических недорослей), что отождествлять большевизм с бойкотизмом или с боевизмом есть нелепое искажение и опoшление взглядов революционной социал-демократии. Наш взгляд на обязательность участия социал-демократов в III Думе, например, вытекает с *неизбежностью* из нашего взгляда на современный момент, на попытки самодержавия сделать шаг вперед по пути создания буржуазной монархии, на значение Думы как организации контр-революционных классов в представительном учреждении общенационального масштаба. Как анархисты обнаруживают парламентский кретинизм наизнанку, когда они *выделяют* вопрос о парламенте из всего цельного вопроса о буржуазном обществе вообще и пытаются создать направление из выкриков, направляемых против буржуазного парламентаризма (хотя критика буржуазного парламентаризма в принципе однородна с критикой буржуазной прессы, буржуазного синдикализма и т. п.), — так наши отзовисты-ультиматисты-бойкотисты обнаруживают совершенно такой же меньшевизм наизнанку, когда они *выделяются* в направление по вопросу об отношении к Думе, по вопросу о средствах борьбы с уклонениями социал-демократической думской фракции (а не с уклонениями буржуазных литераторов, мимоходом забегающих в социал-демократию и т. п...).

IV.

В вопросе о богостроительстве эти люди также показали себя. Расширенная редакция «Пролетария» приняла и опубликовала две резолюции по этому вопросу: одну по существу дела, другую специально по поводу протеста Богданова. Спрашивается, что же говорит теперь этот Богданов в своем «Отчете». Он пишет «отчет» для того, чтобы замести следы — совершенно в духе того дипломата, который говорил, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Распространяются какие-то «неверные сведения» о «якобы богостроительском» направлении богдановской компании, только и всего.

«Неверные сведения», — говорите вы. О нет, любезнейший, вы именно потому замечали тут следы, что прекрасно знаете полную верность «сведений» относительно богостроительства, имеющихся у «Пролетария». Вы прекрасно знаете, что эти «сведения», как то и изложено в оглашенной резолюции, относятся прежде всего к литературным произведениям, исходящим из *вашей* литературской компании. Эти литературные произведения *указаны* с полнейшей точностью в нашей резолюции; в ней не добавлено только — не могло быть добавлено в резолюции, — что около полутора лет сильнейшее недовольство «богостроительством» ваших соратников высказывается среди руководящих кругов большевиков, и что именно на этой почве (кроме почвы, указанной выше) новая фракция карикатурных большевиков отравляла нам всякую возможность работы увертками, хитростями, придирками, претензиями, кляузами. Одна из наиболее замечательных из этих кляуз особенно хорошо известна Богданову, ибо это есть написанный и формально внесенный в редакцию «Пролетария» *протест* против помещения статьи «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария»⁷³). Может быть это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный? Может быть это тоже был «якобы-протест»?

Нет, знаете ли, политика заматывания следов не всегда удается, а в нашей партии она вам никогда не удастся. Нечего играть в прятки и пытаться жеманно сделать се-

крет из того, что известно всякому интересующемуся русской литературой и русской социал-демократией.

Есть литературская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Богданов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контр-революционных целях *понадобилось* оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контр-революции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды — шутка сказать! — из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков». И когда официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму *не по дороге* с подобной проповедью (это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди), — тогда тов. Богданов подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария». Он, Богданов, выбран Лондонским съездом, и поэтому его «приобретенное право» нарушено теми, кто посмел официально отречься от позорной проповеди богостроительства.

«Да что же наша фракция — в кабале, что ли, у богостроительских литераторов!» Это замечание вырвалось во время бурной сцены в редакции у т. Марата⁷⁴ — да, да у того самого тов. Марата, который так скромен, благожелателен, примирителен, добросердечен, что до сих пор не может хорошенько решить, идти ли ему с большевиками или с божественными отзовистами.

Или, может быть, все это тоже «неверные сведения», о несправедливо устранившемся Богданов? Нет никакой компании богостроительских литераторов, не было никакой защиты их вами, не было вашего протеста против статьи «Не по дороге»? а?..

... Два ликвидаторские течения обрисовались теперь вполне ясно у русских социал-демократов: потресовское⁷⁵ и богдановское. Потресов вынужден бояться социал-демократической партии, ибо в ней безнадежно отныне проведение *его линии*. Богданов вынужден бояться социал-демократической партии, ибо в ней безнадежно теперь проведение *его* линии. И тот, и другой будут подерживать и прикрывать всеми правдами и неправдами проделки особых литераторских кружков с их своеобразными видами ревизионизма в марксизме. И тот, и другой будут цепляться, как за последнюю тень надежды, за сохранение духа кружковщины против партийности, ибо Потресов может еще иногда побеждать в отборной компании заскорузлых меньшевиков, Богданова могут еще иногда увенчать лаврами отборно заскорузлые кружки большевиков, но ни тому, ни другому никогда не занять прочного места ни среди марксистов, ни в действительно социал-демократической рабочей партии. И тот, и другой представляют два противоположные, но взаимно друг друга пополняющие, одинаково ограниченные мелкобуржуазные тенденции в социал-демократии.

VII *.

Мы показали, каков штаб новой фракции. Откуда может рекрутироваться ее армия? Из буржуазно-демократических элементов, примкнувших к рабочей партии во время революции. Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с ней тысячами переходных ступеней, граней, оттенков. Когда рабочая партия растет особенно быстро (как это было у нас в 1905—1906 годах), проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелко-буржуазным духом, неизбежно. И в этом нет ничего худого. Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они

* Заключительная глава статьи.

Прим. сост.

на него. Очень многие «социал-демократы дней свободы», впервые став социал-демократами в дни увлечения, праздника, в дни ярких лозунгов, в дни побед пролетариата, круживших головы даже чисто буржуазной интеллигенции, стали *учиться серьезно*, учиться марксизму, учиться выдержанной пролетарской работе, — они всегда останутся социал-демократами и марксистами. Другие не успели или не умели перенять от пролетарской партии ничего, кроме нескольких заученных слов, зазубренных «ярких» лозунгов, пары фраз о «бойкотизме», «боевизме» и т. п. Когда такие элементы вздумали навязывать свои «теории», свое мирозерцание, т.-е. свою ограниченность, рабочей партии, раскол с ними стал неизбежен.

Судьба бойкотистов III Думы превосходно показывает на наглядном примере различие тех и других элементов.

Большинство большевиков, искренно увлеченное желанием непосредственной и немедленной борьбы с героями 3-го июня, склонилось к бойкоту III Думы, но очень быстро сумело справиться с новым положением. Они не твердили заученных слов, а внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе, работали головой, а не только языком, они вели серьезную и выдержанную пролетарскую работу и они быстро поняли всю глупость, все убожество «отзовизма».

Другие уцепились за слова, стали сочинять из непереваренных слов «свою линию», стали кричать о «бойкотизме, отзовизме, ультиматизме», стали заменять этими криками пролетарско-революционную работу, предписанную данными историческими условиями, стали подбирать новую фракцию из всех и всяческих незрелых элементов большевизма. Скатертью дорога, любезные! Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа, и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мещанскими методами политики и тактики.

Приложение к № 47—48 «Пролетария»
от 11 (24) сентября 1909 г.

К единству*.

Ровно год тому назад, в феврале 1909 года, в № 2 «Социал-Демократа» мы характеризовали работы партийной конференции Р.С.-Д.Р.П.⁷⁶, как выводящие партию «на дорогу» после «года развала, года идейно-политического разброда, года партийного бездорожья» (статья: «На дорогу»⁷⁷). Мы указывали там, что тяжелый кризис, переживаемый нашей партией, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический. Мы усматривали залог успешной борьбы партийного организма с разлагающими влияниями контр-революционного периода прежде всего в том, что тактические решения конференции верно решили основную задачу: полное подтверждение рабочей партией ее революционных целей, вынесенных из недавнего времени бури и натиска, ее революционно-социал-демократической тактики, подтвержденной опытом непосредственной борьбы масс, и в то же время учитывание громадных экономических и политических изменений, происходящих у нас перед глазами, попытки самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, сорганизоваться в буржуазную монархию, обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков путем открытого, широко и систематически проводимого союза с буржуазными верхами деревни и с воротилами торгово-промышленного капитализма. Мы отмечали организационную задачу партии, связанную с новым историческим моментом, — задачу использования нелегальной партией всевозможных легальных учреждений — и думской со-

* Отрывки из статьи т. Ленина того же названия.

Прим. сост.

.....

циал-демократической фракции в том числе, для создания опорных пунктов революционной социал-демократической работы в массах. Указывая сходство этой организационной задачи с той, которую решили наши немецкие товарищи в эпоху исключительного закона, мы говорили о «печальном уклонении от выдержанной пролетарской работы» в виде отрицания думской работы социал-демократии или отказа от прямой и открытой критики линии нашей думской фракции, в виде отрицания или принижения нелегальной социал-демократической партии, попыток заменить ее бесформенной нелегальной организацией, укоротить наши революционные лозунги и т. д.

Бросив этот взгляд назад, мы можем правильное оценить значение недавно состоявшегося пленума Центрального Комитета ⁷⁸ нашей партии. Читатели найдут в другом месте настоящего номера текст важнейших резолюций, принятых пленумом. Значение этих резолюций — крупный шаг к фактическому единству партии, к сплочению всех партийных сил, к *единогласному* признанию тех основных положений относительно тактики партии и ее организации, которые определяют *дорогу* социал-демократии в наше трудное время. Эта дорога была указана год тому назад *верно*, и на нее вступает теперь *вся* партия, в ее верности убедились *все* фракции в партии. Пережитый год был годом новых фракционных дроблений, новой фракционной борьбы, годом обострения опасности *развала* партии. Но условия работы на местах, трудное положение социал-демократической организации, неотложные задачи экономической и политической борьбы пролетариата, — все это толкало к сплочению социал-демократических сил всей фракции. Чем больше укреплялась, нагнетала и неистовствовала контр-революция, чем шире распространялось подлое ренегатство и отречение от революции в либеральных и мелкобуржуазно-демократических слоях, тем сильнее была тяга к *партии* у всех социал-демократов. Крайне характерно, что под влиянием всей этой совокупности условий во второй половине 1909 года за партийность высказывались столь далеко между собой расходящиеся члены нашей партии, как меньшевик товарищ Плеханов, с одной стороны, и группа «Вперед»

(группа большевиков, отошедших от ортодоксального большевизма), — с другой. Первый решительно выступил в августе 1909 года против раскола и линии раскола партии с лозунгом: «борьба за влияние в партии». Вторая выпустила платформу, в которой говорится, правда, в начале о «борьбе за восстановление единства большевизма», но в конце решительно осуждается фракционность, «партии в партии», «обособленность и замкнутость фракций», решительно требуется их «растворение» в партии, их «слияние», превращение фракционных центров в центры, «действительно лишь идейные и литературные» (стр. 18 и 19 брошюры: «Современное положение и задачи партии»).

Ясно намеченную большинством партии дорогу признали теперь — разумеется, не в деталях, а в *основном* — единогласно все фракции. Год обостренной фракционной борьбы привел к решительному шагу в пользу уничтожения *всех* фракций и *всякой* фракционности, в пользу единства партии. Решено сплотить все силы на неотложных задачах экономической и политической борьбы пролетариата; объявлено о закрытии фракционного органа большевиков⁷⁹; единогласно принято решение о необходимости закрытия «Голоса Социал-Демократа», т.-е. фракционного органа меньшевиков. Единогласно принят ряд резолюций, из которых мы должны особо выделить здесь, как наиболее важные, резолюцию о положении дел в партии и о созыве ближайшей партийной конференции. Первая из этих резолюций, будучи, так сказать, платформой объединения фракций, заслуживает особенно обстоятельного разбора.

Она начинается словами: «в развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 года»... Мы привели выше эти основные положения трех главных резолюций декабрьской конференции 1908 года: об оценке момента и о политических задачах пролетариата, об организационной политике партии и об отношении ее к думской социал-демократической фракции. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что в партии нет единогласия относительно каждой детали, относительно каждого пункта этих резолюций, что для их критики, для

их переработки соответственно указаниям опыта и урокам усложняющейся экономической и политической борьбы должны быть широко открыты двери партийной печати, что эту работу критики, применений, улучшений, должны рассматривать отныне *все* фракции, вернее: все *течения* в партии, как дело своего собственного самоопределения, как дело уяснения своей собственной линии. Но работа критики и исправления партийной линии не должна мешать единству партийного *действия*, которое не может приостановиться ни на минуту, которое не может быть колеблющимся, которое должно *во всем* направляться сообразно основным положениям указанных резолюций.

Развивая эти положения, первый пункт постановления Центрального Комитета напоминает «принципиальные основы» социал-демократической тактики, которая, согласно методу всей международной социал-демократии, не может быть рассчитываема — особенно в такую эпоху, какую переживаем мы, — «на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента», а должна быть рассчитана на различные пути, на все возможные ситуации, и на случай «быстрой ломки» и на случай «сравнительной неподвижности обстановки». Пролетариату впервые открывается возможность планомерно и последовательно применять этот тактический метод. Тактика нашей партии должна в одно и то же время, в одном и том же действии пролетариата, в одной и той же сети организационных ячеек «делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии, мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предписываемого каждой черточкой современной экономической и политической обстановки), — и «давать пролетариату возможность использовать *для себя* все противоречия неустойчивого режима контр-революции» (без этого наша революционность превратилась бы в фразу, в *повторение* революционных слов вместо *применения* всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии к *каждому* практическому действию, к использованию *каждого* про-

тиворечия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных партий)⁸⁰.

Второй пункт резолюции дает характеристику того перелома, который переживает рабочее движение в России. Сплотимся и пойдем на помощь новому поколению социал-демократических рабочих, чтобы оно смогло решить свою историческую задачу, обновить партийную организацию, выработать новые формы борьбы, несколько не отказываясь от «задач революции и методов ее», а, напротив, отстаивая их, готовя более широкую и более прочную базу для более победоносного применения этих методов в грядущей новой революции.

Третий пункт резолюции обрисовывает те условия, которые вызвали повсюду у сознательных рабочих «тягу к концентрации * партийных социал-демократических сил, к укреплению партийного единства». Во главе этих условий стоит широкое контр-революционное течение. Враг сплачивается и наступает. К старым врагам — царизму, произволу и насилию чиновников, к угнетению и бесстыдному надругательству со стороны помещиков-крепостников — присоединяется новый враг: все более объединяющаяся на сознательной, собственным опытом подкрепленной, вражде к пролетариату буржуазия. Революционеров истребляют, пытаются и мучат, как никогда. Революцию стараются оплевать, опозорить, вытравить из памяти народа. Но рабочий класс ни в одной стране никогда не давал еще врагам отнять главное завоевание всякой, сколько-нибудь заслуживающей этого названия, революции, именно: опыт массовой борьбы, убеждение миллионов трудящихся и эксплуатируемых в ее необходимости для всякого серьезного улучшения в своем положении. И рабочий класс России через все испытания вынесет, ту готовность к революционной борьбе, тот героизм массы, с которым он побеждал в 1905 году и сумеет победить еще не раз.

Нас сплачивает не только гнет контр-революции и разгул контр-революционных настроений. Нас сплачивает и каждый шаг скромной, повседневной практической ра-

* сплочению.

боты. Думская работа социал-демократии идет неуклонно вперед, освобождаясь от ошибок, неизбежных вначале, преодолевая скептицизм * и равнодушие, выковывая ценное всеми социал-демократами орудие революционной пропаганды, агитации, организованной классовой борьбы. И всякий легальный съезд, в котором участвуют рабочие, всякое легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии, — ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом. Никакие преследования правительства, никакие ухищрения его черносотенных и буржуазных союзников не в силах уничтожить проявлений пролетарской борьбы в самых различных и подчас неожиданных формах, ибо самый капитализм каждым шагом своего развития обучает и сплачивает, умножает ряды и усиливает возмущение своих могильщиков.

В том же направлении (тяга к партийности) действует разрозненность социал-демократических групп и «кустарничество» в работе, от которых так страдает наше движение в течение последних полутора—двух лет. Практическую работу становится невозможным поднять без концентрации сил, без создания руководящего центра. Центральным Комитетом принят ряд решений об организации и функционировании этого центра, о расширении его состава практическими силами, о более тесном соединении его работы с работой на местах и т. д. Теоретические интересы, которые неизбежно выдвигаются вперед во времена застоя, равным образом требуют сплочения на защите социализма вообще и марксизма, как единственно научного социализма, в особенности пред лицом буржуазной контрреволюции, которая мобилизует все силы для борьбы против идей революционной социал-демократии.

Наконец, последний пункт резолюции говорит об идеино-политических задачах социал-демократического движения. Острый процесс внутри социал-демократического движения в 1908—1909 годах привел к тому, что и эти задачи ставились до сих пор чрезвычайно остро и решались

* — недоверие. *Прим. сост.*

самой ожесточенной борьбой фракций. Это было не случайностью, а необходимым явлением в обстановке кризиса и развала партийных организаций. Но это именно было необходимостью, и единогласное принятие разбираемой резолюции показало наглядно общее стремление пойти вперед, от борьбы за спорные основные положения перейти к признанию их бесспорными и к дружной усиленной работе на почве этого признания.

Резолюция признает, что двоякого рода отклонения в сторону от правильного пути порождаются неизбежно современной исторической обстановкой и буржуазным влиянием на пролетариат. Одно из этих отклонений *, по сути дела, характеризуется следующими чертами: «отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.». Понятна связь этих ошибок внутри социал-демократии с контр-революционным буржуазным потоком вне ее. Ничто так ненавистно буржуазии и царизму, как нелегальная социал-демократическая партия, своей работой доказывающая свою верность заветам революции, свою непреклонную готовность к беспощадной борьбе с основами столыпинской «легальности». Ничто так ненавистно буржуазии и слугам царизма, как революционные задачи и лозунги социал-демократии. Отстаивание того и другого есть наша безусловная задача, и именно сочетание нелегальной и легальной работы особенно требует от нас борьбы со всяким «принижением роли и значения» нелегальной партии. Именно необходимость на более мелких вопросах, в более скромных размерах, по частным поводам, в легальных рамках защищать партийную позицию особенно требует наблюдения за тем, чтобы эти задачи и лозунги не *укорачивались*, чтобы изменение формы борьбы не ликвидировало ее содержания, не ослабляло ее непримиримости, не уродовало исторической перспективы и исторической цели пролетариата: вести всех трудящихся и эксплуати-

* Речь идет о ликвидаторстве.

руемых, вести все массы народа через ряд буржуазных революций, завоевывающих демократическую республику, к пролетарской революции, ниспровергающей самый капитализм.

Но, с другой стороны, — и здесь мы переходим к характеристике другого уклонения * — нельзя вести на практике повседневно-революционной социал-демократической работы, если не научиться видоизменять ее формы, приспособляя их к своеобразию каждого нового исторического момента. «Отрицание думской социал-демократической работы или использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого» представляет из себя как раз такое уклонение, при котором на деле ведение классовой социал-демократической политики становится невозможным. Новый этап исторического развития России ставит перед нами новые задачи: это не значит, чтобы старые задачи уже были решены, чтобы от них позволительно было отречься; нет, но это значит, что нужно учесть эти новые задачи, найти новые формы борьбы, выработать соответствующие им тактику и организацию.

Раз в партии начало устанавливаться согласие относительно этих основных вопросов, согласие относительно необходимости «преодолеть», главным образом, путем расширения и углубления социал-демократической работы оба указанные уклонения, — главное для правильного определения «идейно-политических задач социал-демократического движения» достигнуто. Надо теперь систематически провести это достигнутое в жизнь, добиться полной ясности понимания этих задач всеми кругами партии, всеми местными работниками, довести до конца разъяснение опасности обоих уклонений во *всех* областях работы, поставить работу так, чтобы *сделать невозможными* шатания в ту или другую сторону. Практические шаги по осуществлению принятых решений, потребности самой экономической и политической борьбы покажут затем сами собой, что и как тут остается доделать.

* Речь идет об отзовизме.

Прим. сост.

В числе этих потребностей есть одна, входящая в обычный ход партийной жизни (когда есть этот «обычный ход»). Мы говорим о партийной конференции, которая бы свела вместе действительно занятых работой на местах представителей партийных социал-демократических организаций и групп со всех концов России. Как ни скромна эта задача, но современный развал страшно затруднил ее. Резолюция Центрального Комитета учитывает новые трудности (выбор областных делегатов отдельными местными ячейками, а не областными конференциями, разрыв таковых невозможен) и новые задачи (привлечение с совещательным голосом партийных деятелей из легального движения).

Объективные условия требуют того, чтобы в основе организации партии лежали скромные по размеру и по теперешним формам работы нелегальные рабочие ячейки. Но чтобы научиться вести революционную социал-демократическую работу систематически, неуклонно, планомерно при современной тяжелой обстановке, — от них требуется гораздо больше инициативы и самостоятельности, чем прежде, тем более, что помощи от опытных, старых товарищей в массе случаев им не дожидаться. И эти ячейки не могут решить задачи постоянного влияния на массы и взаимодействия с массами без создания, во-первых, прочной связи друг с другом, а, во-вторых, без создания опорных пунктов в виде всяческих и всевозможных легальных учреждений. Отсюда необходимость конференции делегатов этих нелегальных ячеек. — в первую голову; прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало. Отсюда необходимость привлечения *партийцев* социал-демократов из легального движения, привлечение представителей «от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами». Кто действительно, на деле, а не на словах только, партийца из наших легальных социал-демократов, кто из них действительно понял отмеченные выше новые условия работы и сочетание с ними старых задач революционной социал-демократии, кто искренно готов работать над выполнением этих задач, какие группы действительно готовы установить

.....

прочную организационную связь с партией, — это может быть определено только на местах, в самом ходе повседневной нелегальной работы.

Будем надеяться, что на этой работе сплотятся теперь все социал-демократические силы, что за подготовку конференции возьмутся со всей энергией партийные работники в центре и на местах, что эта конференция поможет окончательно закрепить наше партийное единство и дружно двинуть вперед создание более широкой, более прочной, более гибкой пролетарской базы для грядущих революционных битв.

«Социал-Демократ» № 11
от 13 (26) февраля 1910 г.

Развязка партийного кризиса.

Два года тому назад в с.-д. печати можно было встретить речи об «объединительном кризисе» партии ⁸¹. Развал и распад контр-революционной эпохи вызвали новые перегруппировки и расколы, новое обострение заграничной борьбы, и немало маловеров или слабонервных людей падало духом при виде тяжелого внутреннего положения с.-д. рабочей партии. Теперь, с образованием Российской Организационной Комиссии (Р.О.К.) ⁸² наступает, явным образом, если не конец кризиса, то во всяком случае новый и решительный перелом к лучшему в развитии партии. Поэтому своевременно будет попытка бросить общий взгляд на пройденный этап внутри партийной эволюции и на перспективы ближайшего будущего.

Революция оставила после себя РС-ДРП в виде трех отдельных, автономных, национальных с.-д. организаций и двух фракций российских в тесном смысле ⁸³. Глубокие корни этих фракций в тенденциях развития пролетариата, в обстановке его жизни в данную эпоху буржуазной революции, доказаны опытом величайших по богатству событий 1905, 1906 и 1907 годов. Контр-революция сбросила нас опять с горы, на которую мы уже высоко взобрались, в долину. Пролетариат должен был перестраивать ряды и собирать силы заново в обстановке столыпинских виселиц и веховских иеремиад *.

Новая обстановка вызвала новую группировку тенденций внутри с.-д. партии. От обеих новых фракций стали отделяться — под тяжелым гнетом безвременья — наименее устойчивые с.-д. элементы, всякого рода *буржуазные попутчики* пролетариата. Два течения рельефнее

* — покаянных речей. Прим. сост.

всего выразили этот *уход* от социал-демократии: ликвидаторство и отзовизм. Они же породили неизбежно тенденцию к сближению остающихся верными марксизму основных ядер обеих фракций. Таково было положение дел, из которого родился пленум января 1910 года — исходный пункт плюсов и минусов, шагов вперед и шатаний назад в дальнейшем развитии с.-д. партии.

Неотъемлемую идейную заслугу дела, совершенного пленумом, и громадную «примиренческую» ошибку, допущенную им, многие не поняли хорошенько до сих пор. А не поняв этого, нельзя понять ровно ничего и в теперешнем положении партии. Поэтому еще и еще раз мы должны остановиться на выяснении исходного пункта теперешнего кризиса.

Следующая цитата из статьи «примиренца», писанной перед самым пленумом и напечатанной тотчас после него, может помочь этому выяснению больше, чем длинные рассуждения или цитаты из более непосредственных и более многочисленных «документов». Один из главарей господствовавшего на пленуме «примиренчества», т. Ионов⁸⁴, бундовец, писал в статье: «Возможно ли партийное единство?» в № 1 «Дискуссионного Листка» (19 марта 1910 года; на стр. 6 примечание редакции: «статья написана до пленума») следующее:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции, кажется, вне сомнения. Патология * знает двойного рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм — по отношению к большевизму».

Вот оценка дела, данная «примиренцем» во время пленума и обрисовывающая *точно* психологию и идеи во-

* — наука о болезненных процессах.

Прим. сост.

сторжествовавшего на пленуме примиренчества. В приведенной цитате верна, тысячу раз верна основная мысль, и именно потому, что она верна, большевики (еще до пленума вполне развернувшие борьбу и с ликвидаторством, и с отзовизмом) *не могли* разойтись с примиренцами на пленуме. Не могли потому, что в основной мысли было согласие; расхождение касалось формы проведения ее в жизнь; форма подчинится содержанию — думали большевики, и они оказались правы, хотя это «приспособление формы к содержанию» отняло у партии, благодаря ошибке примиренцев, *два года* жизни почти «задаром».

В чем состояла эта ошибка? В том, что вместо узаконения тех и только тех течений, которые очищаются (и лишь в мере, в какой они очищаются) от «нарывов», примиренцы узаконили всех и вся на основании голого обещания очиститься. И впередовцы, и голосовцы, и Троцкий ⁸⁵ «подписали» резолюцию против отзовизма и ликвидаторства, — значит обещали «очиститься». — и баста. Примиренцы «поверили» обещанию и запутали партию с непартийными, «нарывными», по их собственному признанию, группками. Это было ребячеством с точки зрения практической политики и безыдейностью, беспринципностью, интриганством с более глубокой точки зрения: в самом деле, кто был серьезно убежден, что ликвидаторство и отзовизм-ультиматизм суть нарывы, тот не мог бы не понять, что нарывы, назревая, должны *оттягивать* от организма вредные элементы, должны выводить их прочь из организма. Тот не мог бы помогать отравлению организма попытками загнать внутрь «нарывные» яды.

Первый год, прошедший после пленума, разоблачил на деле безыдейность примиренцев. Фактически работу партийную (очищение, оздоровление от нарывов) вели большевики и плехановцы за весь этот год. И «Социал-Демократ» и «Рабочая Газета» ⁸⁶ (после изгнания Троцким представителя ЦК ⁸⁷) доказывают этот факт. Некоторые, всем известные легальные издания 1910 года, тоже доказывают этот факт. Тут не слова, а именно факты: совместная работа в руководящих органах партии.

И голосовцы и «впередовцы», и Троцкий фактически за этот год (1910-ый) отошли от партий как раз к ликви-

даторству и к отзовизму-ультиматизму. «Доброкачественные нарывы» оставались нарывами, которые вели себя недоброкачественно постольку, поскольку «вредные элементы» не удалялись ими из организма партии, а продолжали заражать этот организм, держать его в болезненном состоянии, делать его неспособным к партийной работе. Эту партийную работу (в литературе, открытой для всех) вели большевики и плехановцы *вопреки* «примиренческим» резолюциям и коллегиям, созданным пленумом, *против* голосовцев и впередовцев, а не вместе с ними (ибо нельзя было работать вместе с ликвидаторами и отзовистами-ультиматистами).

А русская работа? За год ни единого собрания ЦК! Отчего? Оттого, что русские цекисты (примиренцы, удостоившиеся поделом попелуев «Голоса ликвидаторов») всё «приглашали» ликвидаторов, да так за год, за год с четвертью, ни разу не смогли «пригласить» их! Институт «насильственного привода» в ЦК не был, к сожалению, предусмотрен на пленуме нашими добрыми примиренцами. Получилось именно то абсурдное, позорное для партии положение, которое предсказывали большевики на пленуме, борясь против доверчивости и наивности примиренцев: русская работа стоит, партия связана, а со страниц «Нашей Зари»⁸⁸ и «Вперед»⁸⁹ льется отвратительный поток либеральных и анархистских нападок на партию! Михаил, Роман и Юрий⁹⁰, с одной стороны, отзовисты и богостроители, с другой, из всех сил *разоряют* с.-д. работу⁹¹, а цекисты-примиренцы «приглашают» ликвидировать и «ждут» их!

«Заявкой» 5 декабря 1910 года большевики открыто и формально заявили, что договор со всеми остальными фракциями они расторгают. Срыв «мира», на пленуме заключенного, срыв его «Голосом», «Впередом», Троцким стал окончательно признанным фактом.

Около полугода (до июня 1911 г.) прошло в попытках созвать заграничный пленум, обязательный по договору в срок не более трех месяцев. Ликвидаторы (голосовцы — бундовцы — Шварц⁹²) сорвали и заграничный пленум. Тогда блок трех групп — большевиков, поляков и «примиренцев» — делает последнюю попытку спасти дело: со-

звать конференцию, создать Российскую Организационную Комиссию... Большевики попрежнему имеют меньшинство: с января 1910 года по июнь 1911 года преобладание в руках ликвидаторов (в З.Б. ЦК голосовы — бундовец — Шварц; в России «приглашающие» ликвидаторов «примиренцы»); с июня 1911 по 1 ноября 1911 года (срок, установленный третейским судом держателей) преобладание у примиренцев, к которым перешли поляки.

Вопрос встал так: и деньги, и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли во-всю, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» (кто хочет и может работать по социал-демократически, тот в приглашениях не нуждается!) или продолжать торги и пережитки с Троцким, «Впередом» и т. д. Большевики выбрали новый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цекистов в Париже. Тышко с К-о выбрал (и навязал и Технической Комиссии и Загр. Организационной Комиссии) второй путь, объективно сводившийся — как было подробно показано в фельетоне № 24 «С.-Д.» — к пустому и жалкому интриганству.

Результаты теперь у всех перед глазами. К 1-му ноябрю *Российская Организационная Комиссия* была образована. На деле создали ее большевики и русские меньшевики-партийцы. «Союз двух сильных (сильных своей идейной прочностью, своей работой очищения от «нарывов») фракций», против которого так бесновались слабоголовые люди на пленуме и после пленума (см. «Голос», «Вперед», «Отклики Бунда»⁹³, «Правду» и т. д.), оказался фактом. В таких образцовых передовых для России 1910 и 1911 годов с.-д. организациях, как бакинская и киевская, этот союз, к величайшей радости большевиков, превращался почти в полное слияние, в единый неразрывный организм с.-д. партийцев.

Хныканье о распушении «всех» фракций оказалось, после проверки двухлетним опытом, жалкой фразой пустоголовых людей, которых дурачили г.г. Потресовы и г.г. отзовисты. «Союз двух сильных фракций» сделал свое дело

и подошел — в лице указанных передовых коллективов — вплотную к полному слиянию в единую партию. Колебания заграничных меньшевиков-партийцев уже бессильны изменить этот совершившийся факт.

Два года после пленума, которые кажутся многим маловерам или дилетантам * в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний. 1910 год дал нам совместную работу большевиков и партийцев-меньшевиков во *всех* руководящих (и официальных и неофициальных, легальных и нелегальных) органах партии: это был первый шаг «союза двух сильных фракций», шаг идейной подготовки, собирания сил под одним знаменем, антиликвидаторским и анти-отзовистским. 1911 год дал второй шаг: создание Российской Организационной Комиссии. Председательство партийца-меньшевика на первом собрании ее есть знаменательный факт: второй шаг, создание практически действующего, русского центра теперь сделан. Паровоз поднят и поставлен на рельсы.

Впервые после *четырёх* лет развала и разброда собрался — вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti ** — русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целю охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, — ибо Р.О.К. собралась *после* объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место *рядом* с восстановлением П.К. и устраивала им ряд рабочих митингов с резолюциями московских районов за партию и т. д.

Конечно, было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще

* — знающим обо всем понемногу и ничего основательно.

** — им подобных.

Прим. сост.

Прим. сост.

гигантские; полицейская травля удесятерилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра: возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контр-революционной атакой!..

Пусть учатся, вдумываясь в значение истории партии за эти два года, те, кто колеблется теперь, жалея об «изоляции» большевиков. О, мы чувствуем себя лучше, чем когда-либо, от *такой* изоляции, когда мы отрезали заграничные интриганские коллекции нулей, и когда мы помогли сплочению русских с.-д. рабочих Петербурга, Москвы, Урала, Поволжья, Кавказа и Юга.

Кто сетует насчет изоляции, тот ровно ничего не понял ни в идейном великом деле пленума, ни в его примиренческой ошибке. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в России. Полгода или треть года в 1911 году сделали то, что максимальная кажущаяся изоляция большевиков впервые двинула с места русскую с.-д. работу, впервые восстановила российский с.-д. центр.

Кто все еще не разобрал идейной гнилости и мертвенности таких «нарывов», как ликвидаторство и отзовизм, того доучит теперь история бессильной склоки и жалкого интриганства, до которого опустились группки «Голоса», и «Впереда»; увлекая за собой — в свое падение — всех и всякого, пробовавшего защищать их.

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками. Сплачивайтесь вокруг Р.О.К. *, помогайте ей созвать конференцию и укрепить работу на местах. РС-ДРП пережила тяжкую болезнь: кризис кончается.

Да здравствует единая, нелегальная, революционная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

«Социал-Демократ» № 25
от 8 (21) декабря 1911 г.

* Российская Организационная Комиссия. Прим. сост.

Либерализм и демократия.

I.

Конференция трудовиков ⁴¹, о которой мы уже говорили и о которой были сообщения в нескольких газетах (между прочим в «Речи» от 28 марта), представляет из себя особую важность с точки зрения партийной определенности всей выборной кампании в IV Думу. После блока * умеренных либералов (кадетов и «беспартийных прогрессистов») и после решения рабочей демократии о ее тактике на выборах оставалось «определиться» еще только трудовикам, чтобы картина была полной.

Теперь все классы русского общества в лице всех сколько-нибудь серьезных и заслуживающих внимания политических партий определили свою позицию в выборной кампании. И если для буржуазных партий, особенно для тех, которые «прочно» устроились в здании третьеиюньского режима, выборы являются по преимуществу временем усиленной рекламы, то для рабочей демократии, для марксистов главная задача избирательной кампании — *разъяснение* народу того, в чем *сущность* разных политических партий, *кто и за что* стоит. какие действительные жизненные интересы руководят той или иной партией, какие *классы* общества прячутся за той или иной вывеской.

С этой точки зрения нам придется *неоднократно* останавливаться на конференции трудовиков, и особенное внимание мы должны в интересах рабочего класса, уделять как раз указанному сейчас принципиальному во-

* — союза, сговора для проведения определенных целей.
Прим. сост.

просу. И черносотенные, правые, партии, и либералы (кадеты) лишь замалчивают этот вопрос, либо на тысячу ладов извращают его постановку и его решения, при чем делается это не по неразумию или злему умыслу отдельных лиц, а потому, что *классовые* интересы помещиков и буржуазии заставляют их извращать сущность партий крестьянских и рабочих.

В свою очередь трудовики, партия по преимуществу крестьянская, не заинтересованы в замалчивании вопроса хотя бы о том, чем отличается либерализм от демократии, но решают этот вопрос неверно. С точки зрения крестьянина, то-есть мелкого хозяйчика, и нельзя его решить правильно, только с точки зрения наемного рабочего вопрос этот *решен* — об этом свидетельствует не только теория, наука, но и *опыт* всех европейских стран, вся экономическая и политическая история европейских партий в течение особенно XIX века.

Посмотрите хотя бы на то, как либералы говорят о трудовиках и трудовики сами о себе. Либеральная «Речь», главный орган партии к.-д., говорит, что трудовики более всех пострадали от изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., что их тактика «не может сколько-нибудь заметно отличаться» от тактики к.-д.,—ибо кадеты, извольте видеть, могут «повторить» и повторяют почти все, сказанное трудовиками. «Наконец, соглашения на выборах с трудовиками могут понадобиться,—пишет «Речь,—разве только в отдельных местностях, весьма притом немногочисленных».

Вдумайтесь в эту оценку, и вы увидите, что это — оценка либерального буржуа, которого закон 3 июня отеснил от главенства (бывшего за ним по закону 11 декабря 1905 г.), но вместе с тем дал ему внушительное оппозиционное местечко, *огражденное* от демократии. Вы для нас неважны, господа трудовики, и мы с вами серьезно не считаемся, — вот действительный смысл заявления «Речи». Почему не важны? Потому, что закон 3 июня вас обессилил на выборах.

Для всякого демократа, в особенности для всякого рабочего, важны не те партии, которые пользуются монополией или привилегией по данному избирательному

закону, а те, которые представляют широкие массы населения, в частности, трудящегося и эксплуатируемого населения. Либерального же буржуа как раз от этих масс и защитил закон 3 июня, и потому ему эти массы не важны. Либеральным адвокатам и журналистам нужны места в Думе, либеральным буржуа нужен раздел власти с Пуришкевичами⁹⁴, — вот что им нужно, а развитие самостоятельной политической мысли крестьянских масс, развитие их самостоятельности, как класса, либералу не только не нужно, а прямо таки опасно. Либералам нужен избиратель, либералам нужна доверяющая им и идущая за ними толпа (чтобы заставить потесниться Пуришкевичей), но политической самостоятельности толпы либерал боится.

Почему же он не боится трудовиков, которые в качестве «самостоятельной» партии, особенно близкой к крестьянству, т.е. громадному большинству населения, представляет из себя не либерализм, а буржуазную демократию? Именно потому, что трудовики суть демократы, *недостаточно* самостоятельные по отношению к либералам, *не умеющие* бороться с либералами за влияние на массы! Нельзя не останавливаться сотни и сотни раз на этом важнейшем вопросе современной политики в России, если брать эту политику серьезно, добросовестно, принципиально, а не в шарлатанском (либеральном тож) смысле погони за мандатами. Пока исторической задачей эпохи в России останется политическое преобразование ее в демократическом направлении до тех пор *весь гвоздь* вопроса об этом преобразовании неизбежно будет состоять в том, чтобы *очень* широкие, самые широкие массы населения стали сознательно демократами, т.е. вполне определенными, последовательными, решительными противниками какой-то бы то ни было узости, ограниченности, половинчатости, трусости либерализма. И тот рабочий не есть еще сознательный рабочий, который не понял, что нельзя быть последовательным борцом за уничтожение наемного рабства без усвоения и воплощения в жизнь этой политической задачи нашего времени.

Когда либералы, кадеты, говорят, что их «тактика» не отличается «сколько-нибудь заметно» от трудовической,

то это самое вопиющее невежество или самая бесстыдная ложь. Каждая страница политической истории России за последнее десятилетие содержит сотни и тысячи опровержений этой лжи. Новейшая история России показывает нам на нашем, русском *опыте*, что разница между либерализмом и крестьянской демократией неизмеримо глубже каких бы то ни было вопросов о «тактике», — ибо эта разница всплывала всегда и без исключения за последние, скажем, восемь лет, несмотря на то, что ход событий вызывал неоднократно самые крутые переломы «тактики», — эта разница лежит неизмеримо глубже всяких «программ», ибо программы выражают только то, что *думают* передовые люди класса о его задачах и его положении. Не мнения передовых людей, а действия миллионных масс показали нам коренную разницу в современном экономическом и политическом положении либеральной буржуазии, с одной стороны, и буржуазно-демократического крестьянства, с другой. Отсюда коренная разница классовых *интересов* по отношению к «командующим силам» теперешней России. Отсюда — коренное различие во всех исходных пунктах и во всем размахе политической активности.

И либералу, и трудовику может казаться, что они политические единомышленники, ибо оба «против Пуришкевича». Но спуститесь чуточку поглубже от этих *мнений* политических деятелей к *классовому положению* масс, и вы увидите, что либеральная буржуазия в жизни делит политические привилегии вместе с Пуришкевичами, и спорят они *только* из-за того, Пуришкевичам ли обладать двумя третями этих привилегий, а Милюковым — одной третьей, или наоборот. Возьмите «Жизнь», возьмите экономическое положение современного русского крестьянства, как слоя мелких хозяев в земледелии, и вы увидите, что речь идет вовсе не о дележе политических привилегий, вовсе не о политических привилегиях, что здесь слово «*жизнь*» приходится брать в кавычки, ибо самое существование Пуришкевичей означает *голодную смерть* миллиона таких хозяйчиков.

В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перзрелых капиталистов, ко-

торые в лице октябриста и кадета заняты *на деле* тем, что делают между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии. Слово теперешние надо понимать довольно широко, включая сюда, например, и те привилегии, которые охраняет закон 3 июня 1907 года сегодня, и те, которые охранял закон 11 декабря 1905 года вчера.

Другая буржуазия, это очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым *на деле* приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода от Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмещивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом.

Именно к этому сводятся также и те вопросы, которые не могла не затронуть конференция трудовиков. Об этих вопросах мы будем говорить подробно в следующих статьях. Теперь же подведем маленький итог сказанному. Вопрос о трудовиках и кадетях есть один из величайших вопросов всего политического освобождения России. Нет ничего пошлее, как сводить этот вопрос к «силе» тех и других партий в системе 3 июня, к «расчетливости» тех или иных соглашений на выборах по этой системе. Наоборот, частный вопрос о соглашениях, перебаллотиров-

ровках * и т. д. может быть решен правильно с точки зрения наемного рабочего лишь в том случае, если поняты классовые корни той или другой партии, буржуазных демократов (трудовики) и буржуазного либерализма (к.-д., «прогрессисты» и т. п.).

II.

Конференция трудовиков поставила целый ряд очень интересных и поучительных политических вопросов. В настоящее время мы имеем прекрасный комментарий к ее решениям — статью г. В. Водовозова ⁹⁵ об «Избирательной программе трудовой группы» в № 13 петербургского еженедельника «Запросы Жизни», издаваемого при ближайшем участии гг. Ковалевского ⁹⁶ и Бланка ⁹⁷. «Прекрасным» комментарий ⁹⁸ г. Водовозова является, конечно, не с нашей точки зрения, а потому, что он правильно передает взгляды и стремления трудовиков. Всякий, интересующийся значением демократических общественных сил России, должен со всем вниманием отнестись к статье г. Водовозова.

Трудовая группа, — пишет он, — исходит из убеждения, что в настоящий исторический момент интересы крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но почти тождественны; поэтому одна партия вполне могла бы обслуживать интересы этих трех общественных классов. Но в силу исторических условий рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства. Она и была таковой.

Тут сразу видна основная ошибка, разделяемая всеми народниками вплоть до самых «левых». Они исходят из такого «убеждения», которое противоречит всем истинам экономической науки и всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России. Они

* — переизбраниях.

** — пояснение.

Прим. сост.
Прим. сост.

продолжают держаться этих «убеждений» даже тогда, когда опыт русской истории вынуждает их сознаться, что и на нашей почве эти убеждения опровергаются ходом событий.

Вторая фраза у трудовиков побивает первую. Если бы одна партия могла обслуживать интересы и рабочего класса, и крестьянства, то откуда же взялась бы особая партия рабочего класса? А если она создавалась и упрочилась в особенно важный, особенно критический период русской истории (1905 г.), если даже трудовики должны сказать сами себе, что рабочий класс «нашел» свою партию «в силу исторических условий», то значит «убеждения» трудовиков *опровергнуты* «силой исторических условий».

Если трудовики *оказались* партией крестьянства, а по убеждениям их они не должны бы быть только крестьянской партией, значит убеждения их неверны, представляют из себя иллюзию *. И эта иллюзия именно такова, какова была иллюзия *всех* буржуазно-демократических партий Европы в периоды борьбы с феодализмом и абсолютизмом. В той или иной форме преобладала идея «внеклассовых партий», при чем «сила исторических условий» неизменно опровергала эту идею, разрушала эту иллюзию. Попытки или потуги обнять разные классы «одной партией» свойственны как раз буржуазному демократизму той эпохи, когда он должен был видеть главного своего врага позади, а не впереди, в крепостниках, а не в пролетариате.

Претензия «обнять» разные классы сближает трудовиков с кадетами: те тоже хотят быть партией *надклассовой*, те тоже уверяют, что «почти тождественны интересы» рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Под трудовой интеллигенцией они понимают и гг. Маклаковых! ⁹⁶. Сознательный рабочий будет всегда бороться против всяких идей о надклассовых партиях, против всякого затушевывания классовой пропасти между наемными рабочими и мелким хозяйчиком.

Но если сходство трудовиков с кадетами состоит в том, что и те и другие разделяют буржуазные предрассудки

* — обманчивое представление. Прим. сост.

о возможности слияния разных классов, то разница между ними состоит в том, к *какому* классу ход событий влечет ту или другую партию вопреки ее желаниям, иногда вопреки сознанию отдельных ее членов. Трудовиков история научила быть ближе к правде, говорить, что они — партия крестьянская. Кадеты продолжают называть себя демократами, будучи на деле контр-революционными либералами.

К сожалению, эта последняя истина далеко не отчетливо сознается трудовиками, — настолько неотчетливо, что в официальных решениях их конференции *нет* характеристики кадетов вовсе. В официальных решениях говорится только о соглашениях «*в первую очередь с социал-демократами, а затем с кадетами*». Этого мало. Вопрос об избирательных соглашениях может быть решен правильно, последовательно, принципиально *только* при полном выяснении того, какова классовая природа соглашающихся партий, в чем основное расхождение между ними и временное совпадение интересов.

Об этом говорится лишь в комментарии г. Водовозова. «Речь», отмечая и обсуждая его статью, *как раз эти* пункты постаралась совершенно *скрыть* от читателей. Мы полагаем, что на этих пунктах обязательно * остановиться со вниманием.

«Трудовая группа, — пишет г. Водовозов, — хорошо понимала, что современный российский строй есть строй абсолютизма и произвола, и потому относилась с решительным осуждением ко всем выступлениям, которыми кадетская партия желала оповестить *urbi et orbi* ** о существовании в России строя конституционного, и относилась отрицательно к торжественным встречам, устраиваемым представителям английского и французского парламентов для манифестирования русского конституционализма. Для Тр. Гр. не подлежало сомнению, что только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития; поэтому она с сочувствием относилась ко всем проявлениям в нашей общественной

* В оригинале пропущено слово «необходимо». *Прим. сост.*

** — всем и каждому, на всех перекрестках. *Прим. сост.*

жизни такого убеждения. Именно, это убеждение полагало глубокую пропасть между ней и партией кадетов»... и несколько дальше повторяется та же мысль о «мирном эволюционизме» кадетов и созданной этим эволюционизмом тактике к.-д., всегда более отдалявшей трудовиков от к.-д., чем от с.-д.».

Понятно, почему кадетская «Речь» должна была позаботиться о сокрытии этого рассуждения от своих читателей. Здесь явно выражено желание провести грань между демократизмом и либерализмом. Грань, несомненно, есть, но г. Водовозов, хотя и говорит о «глубокой пропасти», понимает эту грань слишком неглубоко. У него выходит, что различие собственно тактическое и в оценке момента: трудовики — за коренной переворот, кадеты — мирные эволюционисты; трудовики считают, что у нас строй абсолютизма, а кадеты, что есть, слава богу, конституция. Подобное различие возможно между правым и левым крылом одного и того же класса!

Ограничивается ли этим различие между трудовиками и кадетами? Не признал ли сам г. Водовозов, что трудовики — партия крестьянства? Нет ли в *классовом положении* крестьянства хотя бы по отношению к Пуришкевичу и пуришкевичевщине черт отличия от положения либеральной буржуазии?

Если нет, тогда разница между трудовиками и кадетами неглубока даже с точки зрения отношения к феодализму и абсолютизму. Если есть, то надо выдвинуть на первый план именно различие *классовых интересов*, а не различие «взглядов» на абсолютизм и конституцию или на мирную эволюцию.

Трудовики хотят быть радикальнее кадетов. Это очень хорошо. Но их радикализм был бы последовательнее и глубже, если бы они ясно понимали классовую сущность либерально-монархической буржуазии, если бы они прямо говорили в своей платформе о контр-революционном либерализме кадетов.

Напрасно поэтому «оправдывается» г. Водовозов ссылкой на внешние препятствия, в силу которых-де тру-

* — постепенном развитии.

Прим. сост.

довикам, «пришлось выработать резолюцию, в которой самые существенные пункты были скрыты за не совсем ясной для большинства читателей ссылкой на малодоступную им „платформу трудовой группы“». Во-первых, трудовики не обязаны были ограничиваться ареной, оными препятствиями огражденной; ограничиваясь ею, они, точь-в-точь как наши ликвидаторы, обнаруживают этим недостаточную глубину своего отличия от кадетов. Во-вторых, была полнейшая возможность на какой угодно арене формулировать классовую сущность к.-д. либерализма и его контр-революционность.

Мы видим, следовательно, что колебания трудовиков между кадетами и социал-демократами не случайны, а вытекают из очень глубоких и коренных условий, в которые поставлено крестьянство. Межеумочное положение в сторонке от прямой борьбы буржуа и пролетария питает иллюзии о внеклассовой или надклассовой партии. Общие буржуазные предрассудки, свойственные хозяину и хозяйчику, сближают трудовиков и кадетов. Отсюда недостаточная последовательность трудовиков, как буржуазных демократов, даже и в их борьбе с основами власти Пуришкевичей.

Задача сознательных рабочих помочь сплочению крестьянской демократии, возможно менее зависимой от либералов и поддающейся возможно менее их влиянию, возможно более последовательной и решительной. Положение громадных масс крестьянства таково, что формулированные г. Водовозовым страдания к «коренному и глубокому перевороту» имеют чрезвычайно солидные, широко разветвленные и далеко уходящие в почву корни.

«Звезда», №№ 27 (63) и 32 (68),
от 8 и 19 апреля 1912 года.

Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии.

Политические стачки и начало демонстрации по поводу ленского побоища⁹⁹ показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России. И на задачи партии, и на ее роль в избирательной кампании это сгущение революционной атмосферы бросает яркий свет.

Кризис нарастает в новой обстановке. Черная Дума, дающая помещикам власть, буржуазии — арену для сделки, пролетариату — маленькую трибуну, составляет необходимую принадлежность этой обстановки. Нам нужна эта трибуна, нам нужна избирательная кампания для революционной работы в массах. Нам нужна нелегальная партия для *руководства* всей этой работой в ее целом, и в Таврическом дворце, и на Казанской площади, и на рабочей массовке, и во время стачки, и на районном собрании рабочих социал-демократов, и на открытом собрании профессионального союза. Только безнадежно слепые люди могут не видеть даже теперь всей вздорности, всей гибельности для рабочего класса отзовизма и ликвидаторства, этих плодов распада и развала эпохи торжества контр-революции. Пример народников наглядно показал нам, какой скандальный *ноль* получается от сложения ликвидаторства «трудовиков», а равно легальных литераторов «Русского Богатства» и «Современника» и отзовизма «партии» социал-революционеров.

Подведем общий итог тому, что показала предвыборная мобилизация политических сил. Три лагеря показали себя ясно: 1) *Правые* за правительство — от Пуринкевича до Гучкова. Черносотенный помещик и старозаветный купец горой за правительство. 2) *Либеральные*

* Речь идет об отзовизме — эсеров максималистов.

буржуа — «прогрессисты» и кадеты вместе с группами разных «националов» — против правительства и *против* революции. В контр-революционности либерализма — одна из главных особенностей данного исторического момента. Кто не видит этой контр-революционности «культурной» буржуазии, тот все забыл и ничему не научился, тот все приемлет имя демократа, не говоря уже о социалисте. А трудовики и «наши» ликвидаторы плохо видят и плохо понимают! 3) Лагерь демократии, в котором только революционные социал-демократы, антиликвидаторы, сплоченно, организованно, твердо, ясно развернули свое знамя революции. Трудовики и наши ликвидаторы колеблются между либерализмом и демократией, между легальной оппозицией и революцией.

Классовые корни, разделившие первый и второй лагерь, ясны. Но либералам удалось сбить с толку многих, от Водовозова до Дана, насчет классовых корней, разделивших второй лагерь от третьего. «Стратегия» либерала, наивно выболтанная Бланком в «Запросах Жизни», не хитра: кадеты — оппозиционный центр, коренник; пристяжки («фланги») — прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева. На этой «тройке» г.г. Миллюковы надеются «ехать» к триумфу в роли «ответственной оппозиции».

Гегемония либералов в русском освободительном движении всегда означала и всегда будет означать его поражение. Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во *всякий* серьезный момент. Задача революции — использовать борьбу либералов с правительством и *нейтрализовать* колебания и измены либерализма.

Попугать революцией и таким путем поделить власть с Пуришкевичем и Романовым, давая вместе революцию, — вот политика либералов. И руководит этой политикой классовое положение буржуазии. Отсюда игра в дешевенький «демократизм» у кадетов и их *реальное* слияние с умереннейшим «прогрессизмом» Ефремовых¹⁰⁰, Львовых¹⁰¹, Рябушинских¹⁰² и К-о.

Использовать борьбу либералов с Пуришкевичами из-за дележа власти, *отнюдь не* давая в народе сложиться

«вере» в либерала, — для того, чтобы развить, усилить, укрепить революционный натиск масс, свергающий монархию, уничтожающий Пуришкевичей и Романовых дотла, такова тактика пролетарской партии. На выборах: сплотить демократию *против* правых и *против* кадетов, «используя» на перебаллотировках, в печати, на собраниях борьбу либералов с правыми. Отсюда — необходимость революционной платформы, выходящей теперь же из рамок «легальности». Отсюда — лозунг республики, в противовес либеральной игре в «конституционные» лозунги, лозунги «распутинско-трещенковской»¹⁰³ конституции». Наше дело — готовить армию революционных борцов везде, всегда и повсюду, во всех формах работы, на всех поприщах деятельности, при всех поворотах, на какие бы нас ни осуждала победа реакции или измена либерализма или затяжка кризиса и т. д.

Посмотрите на трудовиков. Это — народнические ликвидаторы *sans phrases* *. Мы — революционеры, «намекает» г. Водовозов, *и о...* нельзя же против 129-й¹⁰⁴ статьи, добавляет он. Сто лет спустя после рождения Герцена, «партия» многомиллионного крестьянства не умеет даже издать листка — хотя бы гектографированного, — вопреки 129-й статье!! Тяготея к блоку «в первую очередь» с социал-демократами, трудовики не умеют сказать ясно про контр-революционность кадетов, не умеют положить начала *республиканской* крестьянской партии... А урок 1905—1907 и 1908—1911 годов именно так поставил вопрос: бороться за республику или лизать сапог Пуришкевича, лежать под розгой Маркова¹⁰⁵ и Романова. Иного выбора нет крестьянам.

Посмотрите на ликвидаторов. Как ни виляют, как ни вертятся Мартыновы¹⁰⁶, Мартовы и К-о, а всякий добросовестный и толковый читатель признает, что Р-ков ** *именно их* взгляды подытожил, когда сказал: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма». *Объективный* смысл этого крылатого слова: революция — иллюзии: под-

* — без лишних слов.

** Рожков — сторонник ликвидаторов.

Прим. сост.

держака «прогрессистов» — реальность. Ну, неужели же не видит теперь всякий, кто не закрывает нарочно глаза, что *именно* это говорят чуточку иными словами Даны и Мартовы, когда бросают лозунг: «вырывание Думы (Четвертой Думы, помещичьей Думы) из рук реакции»? когда сбиваются сотни раз на идею двух лагерей? когда кричат «не срывайте» прогрессивной работы либеральных буржуа? когда воюют против «левого блока»? когда самодовольно плюют в «Живом Деле»¹⁰⁷ на «никем не читаемую заграничную литературу»? когда удовлетворяются *на деле* легальной платформой, легальными покушениями на организацию? когда создают ликвидаторские «инициативные группы», разрывая с революционной РС-ДРП? Неужели не ясно, что ту же песенку поют и Левицкие¹⁰⁸, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские¹⁰⁹ с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, *от демократизма к либерализму*, и Смирновы, делающие глазки «прогрессизму», и все прочие рыцари «Нашей Зари» и «Живого Дела»?

В действительности демократы и социал-демократы не могли бы никогда, даже если бы хотели, «сорвать» победы «прогрессистов» среди помещиков и буржуа. Это совсем пустые фразы. Серьезные разногласия не тут. Различие *либеральной и социал-демократической* рабочей политики не в этом. «Поддерживать» прогрессистов, видя в их «победах» «приближение к власти культурного буржуа», это — либеральная рабочая политика.

Мы, социал-демократы, видим в «победе» прогрессистов *косвенное* выражение демократического под'ема. Использовать стычки прогрессистов с правыми надо, голый лозунг поддержки прогрессистов не годится. Наше дело — развивать демократический под'ем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию. Не сумеет она окрепнуть и победить вопреки либералам, — тогда *никако* «торжество» прогрессистов и кадетов на выборах ничего серьезного не изменит на деле в положении в России.

Что демократический под'ем налицо, это теперь неоспоримо. Он идет труднее, медленнее, сложнее, чем мы

могли бы желать, но он идет. Его надо «поддерживать» и развивать и выборной, и всякой иной работой. Организовывать революционную демократию, — ковать беспощадной критикой народнического ликвидаторства и народнического отзовизма республиканскую крестьянскую партию, — а прежде всего и больше всего очищаться «у себя дома» от ликвидаторства и отзовизма, укреплять революционную социал-демократическую работу в пролетариате и нелегальную Социал-Демократическую Рабочую Партию, — такова наша задача. Как сложится развязка растущего революционного кризиса, — зависит не от нас, а от тысячи причин, от революции в Азии и от социализма в Европе; но от нас зависит ведение последовательной и неуклонной работы в массах в духе марксизма, и только одна эта работа не проходит *никогда* бесследно.

«Социал-Демократ» № 25
от 25 апреля (8 мая) 1912 года.

Политические партии в России.

Выборы в Государственную Думу заставляют все партии усиливать свою агитацию, собирать свои силы для проведения наибольшего числа депутатов «своей» партии.

При этом и у нас, как и во всех других странах, разворачивается самая бесцеремонная предвыборная реклама. Все буржуазные партии, то-есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов, рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары. Посмотрите на торговые объявления в любой газете — вы увидите, что капиталисты выдумывают самые «эффектные», кричащие, модные названия для своих товаров и расхваливают их, не стесняясь абсолютно ничем, не останавливаясь решительно ни перед какой ложью и выдумкой.

Публика, — по крайней мере, в больших городах и в торговых местностях, — давно привыкла к торговой рекламе и знает ей цену. К сожалению, политическая реклама сбивает с толку несравненно больше народа, разоблачение ее гораздо труднее, обман держится здесь много прочнее. Клички партий — и в Европе и у нас — выбираются иногда с прямой рекламной целью, «программы» партий пишутся сплошь да рядом исключительно ради надувания публики. Чем больше политической свободы в капиталистической стране, тем больше демократизма, т.-е. власти народа и народных представителей, тем беззастенчивее разворачивается зачастую партийная реклама.

Как же разобраться, при таком положении дел, в партийной борьбе? Не означает ли эта борьба, с обманом и рекламой, что вообще бесполезны и даже вредны представительные учреждения, парламенты, собрания народ-

ных представителей, как стараются уверить дикие реакционеры, враги парламентаризма? Нет. При отсутствии представительных учреждений обмана, политической лжи, всяческих мошеннических проделок *еще гораздо больше*, и у народа в руках гораздо меньше средств разоблачить обман, доискаться правды.

Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающие жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и т. д.

Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и *учиться политике*, т.-е. разоблачать обман и доискиваться правды.

Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких потрясающих всю страну кризисов. Правительства бывают вынуждены тогда искать опоры в различных классах общества; серьезная борьба отбрасывает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все силы, обращаясь к *массам* народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса.

Эпохи таких кризисов всегда определяют на много лет и даже десятилетий партийную группировку общественных сил данной страны. В Германии, например, таким кризисом были войны 1866 и 1870 годов ^{189-а}; в России — события 1905 года. Нельзя понять сущность наших политических партий, нельзя уяснить себе, какие *классы* представляет та или иная партия в России, не возвращаясь к событиям этого года.

Начнем наш краткий очерк политических партий в России с крайних правых партий.

Мы встречаем на крайнем правом фланге союз русского народа.

Программа этой партии излагается следующим образом в вестнике союза русского народа ¹¹⁰ «Русском Знамени», издаваемым А. И. Дубровиным.

Союз русского народа, удостоившийся 3 июня 1907 года с высоты престола царского призыва быть ему надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка, исповедует, что царская воля может осуществляться только: 1) при полном проявлении силы царского самодержавия, неразрывно и жизненно связанного с российской православной церковью, канонически устроенною; 2) при господстве русской народности не только во внутренних губерниях, но и на окраинах; 3) при существовании Государственной Думы, составленной исключительно из русских людей, как главной помощницы самодержцу в его трудах по государственному строительству; 4) при полном соблюдении основных положений СРН. ^{**}относительно евреев, и 5) при удалении с государственной службы чиновников, принадлежавших к противникам царской самодержавной власти.

Мы скопировали в точности эту торжественную декларацию *правых*, с одной стороны, для ознакомления читателя с оригиналом непосредственно, а с другой, в виду того, что основные мотивы, здесь приложенные, сохраняют свою силу для всех партий большинства III Думы, т.-е. и для «националистов», и для октябристов. Это будет видно из дальнейшего изложения.

Программа союза русского народа повторяет, в сущности, старый лозунг времен крепостного права — православие, самодержавие, народность. По тому вопросу, по которому обыкновенно отделяют союз русского народа от следующих за ним партий, именно: признание или отрицание «конституционных» начал в русском государственном строе, особенно важно отметить, что союз русского народа *вовсе* не против представительных учреждений вообще. Из выписанной программы видно, что союз

* — т.-е. согласно с древними церковными правилами.

** — союз русского народа.

Прим. сост.
Прим. сост.

русского народа стоит за существование Государственной Думы в роли «помощницы».

Своеобразие русской, если можно так выразиться, конституции выражено дубовинцем и правильно, т.е. соответственно фактическому положению вещей. И националисты, и октябристы в своей действительной политике стоят именно на этой позиции. Спор о «конституции» между этими партиями в значительной степени сводится к спору о словах: «правые» не против Думы, подчеркивая лишь с особым усердием, что она должна быть «помощницей» без всякого определения ее прав, националисты и октябристы ни на каких строго определенных правах, со своей стороны, не настаивают, отнюдь и не помышляя о реальных гарантиях права. И «конституционалисты» октябризма вполне мирятся с «противниками конституции» на третьейюньской конституции.

Травля инородцев вообще и евреев в особенности представлена прямо, ясно, определенно в программе черносотенцев. Как и всегда, они выказывают здесь грубее, бесцеремоннее, зазорнее то, что остальные правительственные партии более или менее «стыдливо» или дипломатически прячут.

На деле, как это известно всем и каждому, скольконибудь знакомому с деятельностью III Думы, с печатью вроде «Нового Времени» ¹¹¹, «Света», «Голоса Москвы» ¹¹² и т. п., в травле инородцев участвуют и националисты и октябристы.

Спрашивается, в чем же социальная основа партий правых? Какой класс она представляет? Какому классу она служит?

Возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого, средневекового в русской жизни, полная удовлетворенность третьейюньской—помещичьей—конституцией, защита привилегий дворянства и чиновничества, всё это дает ясный ответ на наш вопрос. Правые — партия крепостников-помещиков, совета объединенного дворянства. Недаром ведь именно этот совет сыграл такую видную, более того, руководящую роль в разгоне Второй Думы, в изменении избирательного закона и перевороте 3 июня.

Чтобы выяснить экономическую силу этого класса в России, достаточно привести следующий основной факт, доказываемый цифрами *правительственной*, министерством внутренних дел изданной, поземельной статистики 1905 года.

В Европейской России менее чем 30.000 помещиков имеют 70.000.000 десятин земли; *столько же* имеют 7.000.000 крестьянских семей с наименьшим наделом. На одного крупнейшего помещика это дает, в среднем, около 2.300 десятин земли, на одного беднейшего крестьянина 7 десятин земли — на семью, на двор

Совершенно естественно и неизбежно, что крестьянин на таком «наделе» не может жить, а может только медленно умирать. Постоянные голодовки миллионов — вроде голодовки нынешнего года — продолжают разрушать в России крестьянское хозяйство за каждым неурожаем. Крестьянам приходится снимать землю у помещика под всяческие *отработки*. За землю крестьянин своею лошадыю, своими орудиями работает на помещика. Это — та же барщина, только не называемая официально крепостным правом. На участках в 2.300 десятин земли помещики большей частью не могут и вести иного хозяйства, кроме кабального, отработочного, т.е. барщинного. Наемными рабочими они обрабатывают лишь часть этих громадных имений.

Далее, тот же класс помещиков-дворян составляет государству подавляющее большинство всех высших и средних чиновников. Привилегии чиновничества в России, это — другая сторона привилегий и земельной власти дворян-помещиков. Отсюда понятно, что совет объединенного дворянства и «правые» партии не случайно, а неизбежно, не по «злой воле» отдельных лиц, а под давлением *интересов* страшно могущественного *класса* отстаивают политику старых крепостнических традиций. Старый, правящий класс, помещики последние, оставаясь правящим попрежнему, создал себе ответственную партию. Эта партия и есть «союз русского народа» или «правые» Государственной Думы и Государственного Совета.

Но раз существуют правительственные учреждения, раз выступили уже открыто на политическую арену *массы*, как они выступили у нас в 1905 году, — для всякой партии становится необходимой апелляция в тех или иных пределах к народу. С чем же могут апеллировать, обращаться к народу правые партии?

Конечно, прямо говорить о защите интересов помещика нельзя. Говорится о сохранении старины вообще, делаются усилия изо всех сил разжечь недоверие к инородцам, особенно евреям, увлечь совсем неразвитых, совсем темных людей на погромы, на травлю «жида». Привилегии дворян, чиновников и помещиков стараются прикрыть речами об «угнетении» русских инородцами.

Такова партия «правых». Член ее, Пуришкевич, виднейший оратор правых в III Думе, очень много и успешно поработал над тем, чтобы *показать* народу, *чего* хотят правые, *как* они действуют, *кому* они служат. Пуришкевич — талантливый агитатор.

Рядом с «правыми», которые насчитывают в III Думе 46 депутатов, стоят «националисты» — 91 депутат. Оттенск, отличающий их от правых, совсем ничтожный. В сущности, это не две, а одна партия, поделившая между собой «труд» травли инородца, «кадета» (либерала), демократа и т. д. Одни поглубже, другие потоньше *делают* одно и то же. Да и правительству *выгодно*, чтобы «крайние» правые, способные на всяческий скандал, погром, на убийство Герценштейна ¹¹³, Иоллосов, Караваевых ¹¹⁴, стояли немного в стороне, как будто бы *они* «критиковали» правительство справа... Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может.

Октябристов в III Думе 131 депутат, считая, конечно, и «правых октябристов» в том числе. Не отличаясь ничем существенным в теперешней политике от правых, октябристы отличаются от них тем, что кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая перепугалась провозглашения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков. Есть такие капиталисты в России, — и их очень не мало, — которые обращаются с рабочими ничуть не

лучше, чем помещики с бывшими крепостными: рабочие, приказчик — для них та же челядь, прислуга. Защищать эти старые порядки никто не сумеет лучше правых партий, националистов и октябристов. Есть и такие капиталисты, которые на земских и городских с'ездах 1904 и 1905 г.г. требовали «конституцию», но *против* рабочих готовы помириться вполне на третьеиюньской конституции.

Партия октябристов — главная и контр-революционная партия помещиков и капиталистов. Это руководящая партия III Думы. 131 октябрист с 137 правыми и националистами составляют солидное третьедумское большинство.

Избирательный закон третьего июня 1907 года *обеспечивает* большинство за помещиками и крупнейшими капиталистами: во *всех* губернских избирательных собраниях, посылающих депутатов в Думу, большинство принадлежит помещикам и выборщикам первой городской (т.е. крупной капиталистической) курии *. В 28 губернских собраниях большинство принадлежит даже одним землевладельческим выборщикам. Вся политика правительства 3 июня проведена при помощи октябристской партии, все грехи и преступления III Думы лежат на ее ответственности.

На словах, на своей программе октябристы отстаивают «конституцию» и даже... свободы! На деле эта партия поддерживала все мероприятия против рабочих (законопроект о страховании, хотя бы вспомните *председателя* думской комиссии по рабочему вопросу барона Тизенгаузена!) ¹⁷², против крестьян, против ограничения произвола и бесправия. Октябристы — такая же правительственная партия, как националисты. Это обстоятельство несколько не изменяется тем, что от времени до времени — и особенно перед выборами! — октябристы держат «оппозиционные» речи. Везде, где существуют парламенты, издавна наблюдалась и постоянно наблюдается эта *игра* буржуазных партий *в оппозицию*, игра безвредная для

* — группа избирателей, по сословному или имущественному признаку выбирающих своих особых депутатов в парламент (напр. курия рабочих, крестьянских выборщиков и т. д.).

Прим. сост.

них, ибо никакое правительство всерьез ее не берет, игра, иногда не бесполезная перед избирателем, которого надо «помазать» оппозиционностью.

Однако, специалистами и виртуозами * игры в оппозицию является главная оппозиционная партия Третьей Думы—к.-д., конституционные «демократы», партия «народной свободы».

Игрой является уже название этой партии, которая на деле *вовсе не* демократическая партия, *отнюдь не* народная, партия не свободы, а полусвободы, если не четверть свободы.

На деле эта партия либерально-монархической буржуазии, которая народного движения боится гораздо больше, чем реакции.

Демократ верит в народ, верит в движение масс, вслестически помогает ему, — хотя и имеет нередко (таковы буржуазные демократы, трудовики) ошибочное представление о значении этого движения в пределах капиталистического строя. Демократ искреннее стремится развязаться со *всею* средневековью.

Либерал боится движения масс, тормозит его и *сознательно* защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих. Дележ власти с Пуришкевичами — отнюдь не уничтожение всех основ власти Пуришкевичей — вот к чему стремятся либералы. Все для народа, все через народ — говорит демократический мелкий буржуа (крестьянин и трудовик в том числе), искренне стремясь к уничтожению всех основ пуришкевичевщины и не понимая значения борьбы наемных рабочих с капиталом. Наоборот, раздел с Пуришкевичем власти *над* рабочими и *над* мелкими хозяйчиками — вот действительная цель либерально-монархической буржуазии.

Кадеты в I и II Думе имели большинство или главенствующее положение. Они использовали его для бессмысленной и бесславной *игры*: направо — в лойаль-

* Виртуоз—особенно искусный в чем-либо человек.

Прим. сост.

ность * и министериабельность ** мы-де способны мирно все противоречия разрешить, и мужика не испортить, и Пуришкевича не обидеть), налево — в демократизм. Справа кадеты получили в результате этой игры в концов пинок сапогом. Слева кадеты завоевали себе справедливое наименование предателей народной свободы. В обеих первых Думах они все время воевали не только с рабочей демократией, но и с трудовиками. Достаточно напомнить, что выдвинутый трудовиками план местных земельных комитетов (I Дума), этот элементарно-демократический, азбучно-демократический план кадеты *провалили*, защищая *главенство* помещика и чиновника *над* крестьянином в землеустроительных комиссиях!

В III Думе кадеты играли в «ответственную оппозицию», оппозицию с родительным падежем. Во имя этого они вотировали *** неоднократно бюджеты правительства («демократы»!), они объясняли октябристам опасность и безобидность своего «принудительного» (для крестьян принудительного) выкупа—вспомните Березовского ¹¹⁶ 1-го, они посылали Караулова ¹¹⁷ на трибуну вести «богомольные» речи, они отрекались от движения масс, они обращались к «верхам» и *обрывали* низы (кадетская борьба *против* рабочих депутатов в вопросе о страховании рабочих) и т. д. и т. п.

Кадеты — партия контр-революционного либерализма. Своей претензией на роль «ответственной оппозиции», т. е. признанной, законно *допущенной* к конкуренции с октябристами оппозиции не третьейюнскому режиму, а третьейюнского режима, — этой претензией кадеты окончательно похоронили себя как «демократов». Бесстыдная веховская ¹¹⁸ проповедь кадетских идеологов, г. г. Струве, Изгоева ¹¹⁹ и К^о, зацелованных Розановым ¹²⁰ и Антонием Волынским ¹²¹, и роль «ответственной оппозиции» к III Думе, это две стороны одной медали. Либерально-монархическая буржуазия, терпимая Пуришкевичами, желает усесться рядом с Пуришкевичем.

* — законопослушность.

** — стремление к получению министерских должностей.

*** — голосовали, утверждали.

Прим. сост.

Прим. сост.

Прим. сост.

Блок кадетов с «прогрессистами» в настоящее время на выборах в IV Думу дал еще новое подтверждение глубокой контр-революционности кадетов. Прогрессисты ни малейшей претензии на демократизм не имеют, ни словечка о борьбе со всем режимом 3 июня не говорят, ни о каком «всеобщем избирательном праве» и не мечтают. Это умеренные либералы, не скрывающие своего родства с октябристами. Союз кадетов с прогрессистами должен даже наиболее ослепленным из «кадетских подголосков» открыть глаза на истинную серьезность кадетской партии.

Демократическую буржуазию в России представляют народники всех оттенков ¹²², от самых левых эс-эров вплоть до эн-эсов и трудовиков. Они все охотно говорят «социалистические» фразы, но обманываются насчет значения этих фраз сознательному рабочему непозволительно. На деле ни в каком «праве на землю», ни в каком «уравнительном распределении» земли, ни в какой «социализации земли» нет *ни капли* социализма. Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала не только не затрагивается, а, напротив, еще шире разворачивается при отмене частной собственности на землю в новом хотя бы и самом «справедливом» ее разделе.

Но фразы о «трудовом начале» и «народническом социализме» выражают глубокую веру (и искреннее стремление) демократа в возможность уничтожить и необходимость уничтожить *все* средневековые в землевладении, а вместе с тем и в политическом строе. Если либералы кадеты стремятся разделить с Пуришкевичами политическую власть и политические привилегии, то народники потому и являются демократами, что они стремятся и должны стремиться в данное время к уничтожению *всех* привилегий землевладения и *всех* привилегий в политике.

Положение русского крестьянства в громадной массе таково, что ни о каком компромиссе с Пуришкевичами (вполне возможном, доступном и близком для либерала) оно не может и мечтать. Демократизм мелкой буржуазии имеет поэтому еще на довольно долгое время массовые корни в России, и столыпинская аграрная реформа, эта буржуазная политика Пуришкевичей против му-

.....

жика, до сих пор не создала ничего прочного, кроме... голодовки 30 миллионов!

Миллионы голодающих мелких хозяйчиков не могут не стремиться к *иной*, демократической, аграрной реформе, которая из рамок капитализма выскочить не может, наемного рабства не уничтожит, но *средневековые* смести с лица русской земли *может*.

Трудовики страшно слабы в III Думе, но представляют они *массы*. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев, при чем особая трудность сплочения, организации и просвещения их создает крайнюю партийную неопределенность и бесформенность трудовиков. Поэтому трудовики, — при содействии глупенького «отзовизма» левых народников, — и представляют из себя начальную картину ликвидированной партии.

Разница трудовиков от наших, почти марксистских, ликвидаторов та, что первые ликвидаторы по слабости, вторые по злостности. Помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контр-революционных кадетов, а не только против правых — такова задача рабочей демократии.

Относительно этой последней, имевшей свою фракцию в III Думе, мы можем здесь сказать лишь немного.

Партии рабочего класса везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния обще-демократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости. В России рабочая демократия вполне отмежевывалась и от либерализма, и от буржуазной демократии (трудоуличества) к громадной пользе дела демократии вообще.

Ликвидаторское течение в рабочей демократии («Наппа Заря» и «Живое Дело») разделяет слабость трудоуличества прославляет бесформенность, тянется к положению «терпимой» оппозиции, отрекается от гегемонии рабочих, ограничивается *словами* об «открытой» организации (браня неоткрытую), проповедует либеральную рабочую

политику. Связь этого течения с распадом и упадочничеством времен контр-революции очевидна, отпадение его от рабочей демократии становится явным.

Сознательные рабочие, ничего не ликвидируя, сплачиваясь в противовес либеральным влияниям, организуясь как класс, развивая всевозможные виды сплочения профессионального и т. д., выступают и как представители наемного труда против капитала и как представители последовательной демократии против всего старого режима в России и против всяких уступок ему.

В виде иллюстрации мы помещаем данные о партийном составе III Государственной Думы, заимствуя их из официального думского «Справочника» на 1912 год.

Партийный состав III Государственной Думы.

Помещики:

Правые	46
Националисты	74
Независимые националисты	17
Правые октябристы	11
Октябристы	120

Итого правительств. партий . . 268

Буржуазия:

Прогрессисты	36
Кадеты	52
Польское коло	11
Польско - Литовско - Белорусская группа	7
Мусульманская группа	9

Итого либералы . . . 115

Буржуазная демократия:

Трудовая группа 14

Рабочая демократия:

Социал-демократы 13

Итого демократы . . . 27

Беспартийные 27

Всего . . . 437

В III Государственной Думе было два большинства: 1) правые и октябристы — 268 из 437, 2) октябристы и либералы — $120 + 115 = 235$ из 437. Оба большинства контр-революционны.

«Невская Звезда» № 5
от 10 мая 1912 года.

Лозунги Всероссийской конференции РС.-ДРП в январе 1912 года и майское движение.

В другом месте настоящего номера читатель найдет полный текст прокламации ¹²³, отпечатанной и распространенной петербургскими рабочими перед знаменитой отныне маевкой. На этой прокламации стоит очень и очень остановиться, ибо она представляет из себя важнейший документ в истории рабочего движения в России и в истории нашей партии.

Прокламация отражает на себе известное состояние дезорганизованности социал-демократической партии в столице, ибо подписано воззвание не Петербургским Комитетом, а отдельными социал-демократическими группами и даже одной социал-революционной рабочей группой. В большинстве местностей России состояние нашей партии именно таково, что руководящие комитеты и центры постоянно арестуются и постоянно возникают вновь, благодаря наличности всевозможных заводских, профессиональных, подрайонных и районных социал-демократических групп, тех самых «ячеек», которые вызывали всегда ненависть либералов и ликвидаторов. В последней книжке журнала этих господ («Наша Заря» 1912, № 4) читатель может наблюдать еще и еще раз, как, извиваясь в бессильной злобе и истекая ругательствами, г. В. Левицкий пипит против «возрождения партии посредством искусственного оживления политически мертвых ячеек».

Особенную типичность, особенную знаменательность придает рассматриваемой прокламации именно то обстоятельство, что в силу ареста П. К. на сцену должны были выступить как раз ячейки, избавленные волею полиции от ненавистного ликвидаторам «руководящего центра». Благодаря этому печальному в глазах всякого революцио-

нера обстоятельству *самостоятельная* жизнь ячеек выступила наружу. Ячейкам пришлось на-спех, под отчаянными преследованиями полиции, — которая прямо-таки неистовствовала перед 1 мая, — собирать свои силы, налаживать связи, восстанавливать *«подполье»*. Подписанные под прокламацией группы, представители и т. д. — все это именно *подполье*, ненавистное либералам и ликвидаторам. В то время, когда тот же ликвидаторский вождь г. Левицкий — от имени «Нашей Зари» и «Живого Дела», конечно — с пеной у рта набрасывается на *«культ подполья»* (см. стр. 33 названной книжки), мы получаем в петербургской прокламации точный и полный документ, вскрывающий перед нами существование этого подполья, его жизненность, *содержание* его работы и ее значение.

П. К. сметен арестами — тут-то и видно будет, каковы же подпольные ячейки сами по себе, что они делают и могут делать, какие идеи они действительно восприняли и воспитали в себе, а не только переняли от верховной партийной инстанции, — какие идеи действительно пользуются симпатиями рабочих.

Из прокламаций видно, что делают ячейки: они продолжают работу временно разрушенного (к удовольствию всех разнообразных врагов подполья) П. К. Они продолжают готовить маевку. Они наскоро восстанавливают связи между *различными* подпольными социал-демократическими группами. Они привлекают и эс-эровских рабочих, хорошо понимая значение пролетарского объединения на живом революционном деле. Они спланируют эти различные социал-демократические группы и даже одну «группу рабочих с.-р.» на *определенных* лозунгах борьбы. И вот тут-то обрисовывается как раз настоящий *характер* движения, настоящее *настроение* пролетариата, настоящая *сила РС-ДРП и ее январской* Всероссийской конференции ¹²⁴.

Такой иерархической инстанции *, которая бы могла декретировать выставление тех, а не иных лозунгов, не оказывается налицо в силу арестов. Значит, объединить пролетарскую массу, объединить рабочих социал-демократов

* — стоящей выше, руководящей организации. Прил. сост.

и даже часть социал-революционеров можно только лозунгами, действительно для масс бесспорными, — только лозунгами, которые почерпают свою силу не из «декрета сверху» (как выражаются демагоги и ликвидаторы), а из убеждения самих революционных рабочих.

И что же оказалось?

Оказалось, что после разрушения П. К., при невозможности немедленно восстановить его, при условиях исключительно идейного, а не организационного, воздействия одной группы рабочих на другую, были приняты лозунги Всероссийской Конференции РС-ДРП, собравшейся в январе 1912 года и вызывающей прямо таки бешеную, дикую ненависть либералов, ликвидаторов, Либера ¹²⁵, Троцкого и К°.

«Пусть нашими лозунгами будут, — писали петербургские рабочие в своей прокламации, — Учредительное Собрание, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель». И далее в прокламации брошен клич: «Долой царское правительство! Долой самодержавную конституцию 3 июня! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!».

Мы видим из этого поучительного документа, что все лозунги, выставленные конференцией Р. С.-Д. Р. П. восприняты петербургским пролетариатом и запечатлели собой первые шаги новой русской революции. Всяческие клеветники и хулители январской конференции могут продолжать, сколько им угодно, свое грязное дело. Ответ дан им революционным пролетариатом Петербурга. Та работа, которую задолго до последней конференции повела революционная социал-демократия, зовущая пролетариат к роли вождя народной революции, принесла свои плоды, вопреки всем преследованиям полиции, вопреки бесшабашным предмайским арестам и травле революционеров, вопреки потокам лжи и ругательств в либеральной и ликвидаторской печати.

Сотни тысяч петербургского пролетариата, — а за ними и рабочие всех концов России — пошли на забастовку и на уличные демонстрации не в качестве одного из отдельных классов буржуазного общества, не со «своими» только профессиональными лозунгами, а в качестве

гегемона, поднимающего знамя революции *за* весь народ, *от* имени всего народа, *для* пробуждения и привлечения к борьбе *всех* классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее.

Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень. Если в 1905 году оно началось с массовых стачек и галонады ¹²⁶, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организации нашей партии, движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!* Отдельные «ячейки», разрозненные «группы» рабочих сделали свое дело, вопреки самым тяжелым и трудным условиям. Пролетариат создал свои «майские комитеты» и встал на борьбу с *революционной платформой*, достойной класса, которому суждено освободить человечество от наемного рабства.

Майское движение показывает нам также, какое значение имеют иные слова об «объединении» и как *на деле* совершается объединение рабочих. Представитель партии с.-р. Рубанович ¹²⁷ пишет в парижской газете Бурцева ¹²⁸ «Будущее», что «надо отметить следующую замечательную черту данной маевки: на подготовительных собраниях петербургские рабочие отказывались признавать те разделения, которые существуют между разными социалистическими группами ... господствовала тенденция * к соглашению» Перепечатанная нами прокламация показывает ясно, какие *факты* подали повод к такому заключению. Это — тот факт, что социал-демократические ячейки, потерявшие руководящий центр, восстанавливали связи со всеми и всякими группами, привлекая рабочих какого бы то ни было образа мыслей и *проповедуя* всем *и* свои партийные лозунги. И эти партийные лозунги, именно потому, что они верны, что они отвечают революционным задачам пролетариата, что они обнимают задачи всенародной революции, были приняты *всеми* рабочими.

Объединение получилось, благодаря тому, что январская конференция РС ДРП бросила пустую игру в словы заграничных группок, бросила пустое ухаживание за ликвидаторами революционной партии и высту-

* — склонность. Прим. сост.

пила во-время с ясными и точными лозунгами борьбы. Объединение пролетариата в революционном выступлении достигнуто было не соглашениями пролетарской (с.-д.) и непролетарской (с.-р.) партии, не стоворами с отпавшими от социал-демократической партии ликвидаторами, а сплочением работников русских социал-демократических организаций и их верным учетом задач момента.

Хороший урок тем, кто, поддаваясь болтовне либералов из Бунда и Троцких из Вены, способен еще верить в «объединение»... с ликвидаторами. Пресловутая «Организационная Комиссия» * Либера, Троцкого и ликвидаторов кричала на весь мир об «объединении», но на деле не могла дать и не дала ни единого фактически объединяющего революционную борьбу рабочих лозунга. Ликвидаторы давали свои, неревolutionные, лозунги, лозунги либеральной рабочей политики, — а движение шло помимо них¹²⁹. Вот, что лежит в основе троцкистских басен об «объединении»!

23 апреля (6 мая) в Вене Троцкий, божась и клянясь, что он «объединяет», проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций является основой» (!) ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в центре (!) революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль, — «представителями всех организованных рабочих С.-Петербурга, социал-демократической группой «Объединение», «Центральной социал-демократической городской группой», «группой рабочих с.-р.», «группой рабочих с.-д.» и «представителями майских комитетов».

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба.

* Образована в противовес большевистскому объединению.
Прим. сост.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что он должен обобщать требования, а не разминивать их на части, что республика включает в себя свободу коалиций, а не наоборот, — что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций к Николаю Романову, к черной Думе, смешно и глупо предполагать, *соединимость* данного государственного строя России, нашей «самодержавной конституции 3 июня» с свободой коалиций, — что в стране общего и огульного бесправия, в стране, где царят силошпий и провокация властей, в стране, где нет «свободы» даже для простой помощи десяткам миллионов голодных, — в такой стране только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики могут ставить «в центре революционной мобилизации» свободу коалиций.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял это и развернул *республиканское* знамя, требуя 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, как единственных гарантий действительно демократического характера революции.

«Социал-Демократ» № 27
от 4 (17) июня 1912 г.

Революционный под'ем.

Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного под'ема.

Под'ем этот вовсе не явился, как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленскими расстрелами и с 1 мая лишь окончательно определили его наступление. Временное торжество контр-революции было неразрывно связано с упадком массовой борьбы рабочих. Число стачечников дает, хотя и приблизительное, но зато безусловно объективное и точное представление о размерах этой борьбы.

За десять лет перед революцией, в 1895—1904 годах, среднее число стачечников было 43 тысячи в год (с округлением). В 1905 году — $2\frac{3}{4}$ миллиона, в 1906 — 1 миллион, в 1907 — $\frac{3}{4}$ миллиона. Трехлетие революции отличается *невиданным нигде в мире* под'емом стачечной борьбы пролетариата. Падение ее, начавшееся с 1906 и 1907 годов, окончательно определилось в 1908 году: 175 тысяч стачечников. Государственный переворот 3 июня 1907 года, восстановивший самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов, явился неизбежным результатом упадка революционной энергии масс.

Трехлетие 1908—1910 годов было эпохой разгула черносотенной контр-революции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тысяч в 1909 и до 50 тысяч в 1910 году.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрация в связи со смертью либерала Муромцева¹³⁰ и Льва Толстого¹³¹, а также студенческое движение ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс. 1911 год дает нам медленный переход в наступление со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч. С разных сторон идут указания на то, что усталость, оцепенение, порожденные торжеством контр-революции, проходят, что *потянуло* опять к революции. Всероссийская конференция РС-ДРП в январе 1912 года, подводя итог своей оценке момента, констатировала, что «в широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало пролетарского оживления. Рабочие стачки 1910—1911 годов, начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д.,—все это есть проявления нарождающегося революционного настроения масс против режима 3 июня».

Уже ко второй четверти текущего года это настроение паросло настолько, что проявилось в действии масс и создало *революционный под'ем*. Ход событий за последние полтора года показывает с очевидностью, что в этом под'еме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России.

Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный под'ем масс. Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая, вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является *основой* как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от проволочки, от общего бесправия, от огульного произвола.

Ленский расстрел, как мы уже выяснили в № 26, «Социал-Демократа», явился точнейшим отражением *всего*

режима третьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных *, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно выступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это об *ее* бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта неисправимость царской монархии и всего *ее* режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем.

Если либералы из кожи лезли и лезут, стараясь придать ленским событиям и майским стачкам характер профессионального движения и борьбы за «права», то для всякого, не ослепленного либеральными (и ликвидаторскими) спорами человека ясно иное. Ясен *революционный* характер массовой стачки, особо подчеркнутый петербургской предмайской прокламацией разных групп социал-демократов (и даже одной рабочей социал-революционной группы!), которую мы перепечатываем полностью в отделе хроники и которая повторяет лозунги, брошенные Всероссийской конференцией РС-ДРП в январе 1912 года.

Да и не в лозунгах даже заключается главное подтверждение революционного характера ленских и майских стачек. Лозунги *формулировали* то, что говорят факты. Факт массовых, перекидывающихся из района в район забастовок, громадный рост их, быстрота распространения, смелость рабочих, учащение митингов и революционных речей, требование отменить штраф за празднование первого мая, знакомое нам по первой русской революции, сочетание политической и экономической стачки, — все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в *революционном* *подъеме* *масс*.

Припомним опыт 1905 года. События показывают нам, что среди рабочих *жива традиция* революционной массовой стачки и что рабочие сразу подняли, оживили эту

* — основных. *Прим. сост.*

традицию. Невиданный в мире стачечный подъем 1905 года дал 810 тысяч стачечников в первую и 1.277 тысяч в последнюю четверть года, при сочетании и экономической и политической стачки. По приблизительному подсчету, ленские забастовки охватили до 300 тысяч рабочих, майские — до 400 тысяч, а забастовки все растут и растут. Каждый номер газет — даже либеральных — сообщает о том, как разрастается стачечный пожар. Вторая четверть 1912 года еще не совсем истекла, а уже теперь вырисовывается определенно тот факт, что начало революционного подъема в 1912 году по размерам стачечного движения *не меньше, а скорее больше*, чем то же начало в 1905 году!

Русская революция впервые развила в широких размерах этот пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс. И теперь пролетариат снова и еще более твердой рукой применяет этот метод. Никакая сила в мире не могла бы осуществить того, что осуществляет этим методом революционный авангард пролетариата. Громадная страна с 150-миллионным населением, разбросанным на гигантском пространстве, раздробленным, придавленным, бесправным, темным, отгороженным от «зловредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов, — эта страна *вся* приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих, и крестьян приходят в прямое и косвенное соприкосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды *всякой* рабочей семьи, соединяют с этой непосредственной борьбой за насущные экономические нужды протест политический и борьбу с монархией. Ибо контр-революция внесла в миллион и десятки миллионов острую ненависть к монархии, зачатки понимания ее роли, а теперь лозунг передовых столичных рабочих — да здравствует демократическая республика! — тысячами каналов идет, да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в «народ», «в глубину России».

Крайне характерно рассуждение о стачке либерала Северянина, радушно принятое «Русскими Ведомостями» и с сочувствием перепечатаваемые «Речью»¹³².

«Имеется ли у рабочих какое-либо основание к первомайской забастовке примешивать экономические или какие-либо (!) требования? — вопрошает г. Северянин и отвечает: — смело думаю, что их не имеется. Всякая экономическая забастовка может и должна быть начата лишь после серьезного взвешивания шансов... Вот почему связывать такие забастовки с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10% на миткаль таких-то сортов».

Так рассуждает либерал! И эту беспредельную пошлость, низость и гадость принимают с сочувствием «лучшие» либеральные газеты, претендующие на звание демократических!

Самая грубая корысть буржуа, самая подлая трусость контр-революционера, — вот что кроется за эффектными * фразами либерала. Он хотел бы целости хозяйских карманов. Он хотел бы «чинной» и «безвредной» демонстрации в пользу «свободы коалиций»! А пролетариат вместо этого втягивает массы в революционную стачку, неразрывно связывающую политику с экономикой, стачку, привлекающую самые отсталые слои успехом борьбы за немедленное улучшение рабочей жизни и в то же время поднимающую народ *против царской монархии*.

Да, опыт 1905 года создал глубокую и великую традицию массовых стачек. И не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с *вооруженным восстанием*.

Пусть не перетолковывают этих слов. Речь идет совсем не о *призыве* к восстанию. Такой призыв был бы крайне неразумен в настоящий момент. Речь идет об установлении *связи* между стачкой и восстанием в России.

* — привлекающими внимание.

Прим. сост.

Как *росло* восстание в 1905 году? Во-первых, массовые стачки, демонстрации и митинги учащали столкновение толпы с полицией и войском. Во-вторых, массовые стачки поднимали крестьянство на ряд частичных, drobных полустихийных восстаний. В-третьих, массовые стачки очень быстро перекинулись в войско и во флот, вызвав столкновения на экономической почве («гороховые» и т. п. «бунты»), а затем восстания¹⁸³. В-четвертых, контр-революция *сама* начинала гражданскую войну погромами, избиениями демократов и т. п.

Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственное», как думают ренегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения — та, что восстание зашло *недостаточно* далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным.

Посмотрим теперь, наблюдаются ли в данное время признаки *роста восстания*? Чтобы не поддаться революционному увлечению, возьмем в свидетели *октябристов*. Немецкий союз октябристов в Петербурге принадлежит большей частью к так называемым «левым» и «конституционным» октябристам, которых особенно любят кадеты и которые всего более способны (по сравнению с другими октябристами и кадетами) «объективно» наблюдать события, не задаваясь целью пугать начальство революцией.

Орган этих октябристо, «St.-Petersburger Zeitung»*, писал в недельном политическом обзоре от 6 (19) мая следующее:

«Наступил май. Независимо от погоды он бывает обыкновенно не очень приятен для столичных жителей, потому что начинается *пролетарским «праздником»*. В этом году, когда рабочие находятся еще под впечатлением ленских демонстраций, 1 мая было особенно

* «Петербургская Газета». Прим. сает.

опасно. В столичном воздухе, пропитанном всевозможными слухами о стачках и демонстрациях, пахло пожаром. Наша верная полиция заметно волновалась, она устраивала обыски, арестовывала отдельных лиц, приготавливала большие наряды для недопущения уличных демонстраций. Что полиция не нашла ничего более острого, как обыскивать редакции рабочих газет и забирать их редакторов, это обстоятельство не свидетельствует об особенно глубоком знании тех нитей, которыми двигали кукольные полки рабочих. А нити эти имеются. За это говорит дисциплинированность стачки и много других обстоятельств. Поэтому так страшна эта майская стачка, самая большая из наблюдавшихся до сих пор, — бастовало 100 и даже 150 тысяч рабочих больших и малых мастерских. Это был лишь мирный парад, но сплоченность этого войска обращает на себя внимание. И это тем более, что рука об руку с недавним возбуждением рабочих шли другие тревожные явления. На различных судах нашего флота были арестованы матросы за революционную пропаганду. Судя по всем тем сведениям, которые проникли в печать, дела обстоят на наших и без того немногочисленных военных судах не важно... Тревожные мысли вызывают и железнодорожники. Правда, нигде не дошло дело даже и до попыток устроить стачку, но аресты — особенно такие, бросающиеся в глаза, как арест помощника начальника станции Николаевской дороги, А. А. Ушакова — показывают, что и здесь есть известная опасность.

«Революционные попытки незрелых рабочих масс могут оказать, разумеется, лишь вредное действие на исход выборов в Думу. Эти попытки тем более безрассудны, что... «царь назначил Манухина¹³⁴, а Государственный Совет принял рабочее страхование»!!

Так рассуждает немецкий октябрист. Мы со своей стороны заметим, что получили относительно матросов точные сведения с мест, доказывающие преувеличение и раздувание дела «Новым Временем». Охранка явно «работает» провокаторски. Преждевременные попытки восстания были бы архи-неразумны. Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своевременного — т. е.

победоносного — вооруженного восстания в России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии.

Массовые стачки в революционные эпохи имеют свою объективную логику. Они бросают сотни тысяч и миллионы искр во все стороны, — а кругом горячий материал самого крайнего озлобления, неслыханных мучений голода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над нижним чином. Прибавьте к этому до-нельзя разнузданную погромную антиеврейскую травлю черносотенцев, исподтишка питаемую и направляемую придворной шайкой тупого и кровожадного Николая Романова... «Так было — так будет»: на голову себе и своему классу, и своему помещичьему царю сказал эти вещие слова министр Макаров!¹³⁰

Революционный подъем масс возлагает великие и ответственные обязанности на всякого рабочего социал-демократа, на всякого честного демократа. «Всесторонняя поддержка начинающегося движения масс (теперь надо уже сказать: *начавшегося революционного движения масс*) и расширение его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии», — так определила эти обязанности Всероссийская конференция РС-ДРП. Лозунги партии — демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли — должны стать лозунгами *всей демократии, лозунгами народной революции.*

Чтобы поддерживать и расширять движение масс, нужна *организация и организация.* Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему допусту говорить о ней. Поддерживая и расширяя натиск масс, надо внимательно учитывать опыт 1905 года и, разъясняя необходимость и неизбежность восстания, предупреждать и удерживать от *преждевременных* попыток этого рода. Рост массовых стачек, привлечение к борьбе других классов, состояние организаций, настроение масс, — все это само собой укажет момент, когда все силы должны будут соединиться в дружном, решительном, наступательном, беззаветно-смелом натиске революции на царскую монархию.

.....

Без победоносной революции не бывать в России свободе.

Без низвержения пролетарско-крестьянским восстанием царской монархии не бывать в России победоносной революции.

«Социал-Демократ» № 27
от 4 (17) июня 1912 г.

Жизнь учит.

Кто искренно интересуется судьбами освободительного движения в нашей стране, тот не может не интересоваться прежде всего нашим *рабочим* движением. Годы под'ема, как и годы контр-революции, яснее ясного показали, что рабочий класс идет *во главе всех* освободительных сил и что, поэтому судьбы рабочего движения теснейшим образом переплетаются с судьбами русского общественного движения вообще.

Возьмите кривую, изображающую *стачечное движение* рабочих за последние восемь лет! И попробуйте нарисовать такую же кривую линию, изображающую рост и упадок всего русского освободительного движения вообще за эти годы. Обе кривые совершенно совпадут. Между всем освободительным движением в целом, с одной стороны, и рабочим движением, с другой, существует самая тесная, неразрывная связь.

Присмотритесь к данным о стачечном движении в России, начиная с 1905 года.

Годы.	Число стачек.	Число участников в тысячах.
1905	13.995	2.863
1906	6.114	1.108
1907	3.573	740
1908	892	176
1909	340	64
1910	222	47
1911	464	105
1912	приблизительно около 1½ милл. (экон. и полит.)	

Разве эти данные не показывают самым наглядным образом, что лучшим барометром всей общенародной

освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих?

Наивысший подъем (1905 г.) дает около 3 миллионов стачечников. В 1906 и 1907 годах движение падает, но остается еще на очень высоком уровне, средним числом давая 1 миллион стачечников. Затем движение быстро начинает идти под гору и падает—падает до самого 1910 г. включительно: 1911 год—год перелома. Кривая начинает—хотя еще робко—подниматься. 1912 год—год нового крупнейшего подъема. Кривая уверенно и решительно поднимается до уровня 1906 года и явно держит курс на тот год, когда трехмиллионная цифра побилла всемирный рекорд.

Наступила новая эпоха. В этом не может теперь быть никакого сомнения. Начало 1913 года—лучшая тому порука. От отдельных частных вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса. Внимание самых широких масс осредоточивается уже не на отдельных только настроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о всей совокупности этих настроений, в целом, речь идет не о реформах, а о реформе.

Жизнь учит. Живая борьба лучше всего разрешает те вопросы, которые еще недавно были столь спорными. Взгляните теперь, после 1912 года, хотя бы на наши споры о «петиционной кампании» и о лозунге «свободы коалиций». Что показал опыт?

Собрать хотя бы только несколько десятков тысяч подписей рабочих на весьма умеренной петиции—оказалось невозможным. А миллион участников одних политических стачек—оказался фактом. Разговоры о том, что не надо идти дальше лозунга «свобода коалиций», ибо иначе-де массы не поймут нас и не мобилизуются,—оказались пустыми и праздными разговорами оторванных от жизни людей. А живые, реальные миллионные массы мобилизовались именно под самыми широкими, старыми, неурезанными формулами. Только эти формулы зажигали энтузиазм масс. Кто на деле шел вместе с массами и кто без них и против них—теперь показано достаточно убедительно.

Бодрое, свежее, могучее движение самих масс отмечает, как негодную ветошь, искусственные, высиженные в кабинетах, рецепты и идет вперед, все вперед.

В этом исторический смысл происходящего на наших глазах грандиозного движения.

«Правда» № 15 (23)
от 19 января 1913 г.

К нашим разногласиям.

(Манифест ликвидаторов).

Читателю, интересующемуся разногласиями между марксистами и ликвидаторами, усиленно рекомендуем обратить внимание на одну крайне важную передовицу, помещенную недавно в газете «Луч» (№ 101). Передовица эта касается самого больного вопроса и носит заглавие «Рабочие массы и подполье». Мы перепечатываем здесь эту редакционную статью «Луча» *полностью*, без малейших сокращений и изменений (нам принадлежит лишь курсив). Вот эта статья слово в слово:

«Металлистам опять отказано в регистрации союза. Несмотря на все уступки, на которые готовы были идти рабочие, присутствие нашло решительно все параграфы неприемлемыми. Действовало ли тут общество фабрикантов и заводчиков, настаивавшее, как сообщали одно время газеты, чтобы металлистам не разрешали нового профессионального союза, или само присутствие решило не допустить существования такого союза — это сути дела не изменяет. Наиболее передовая и наиболее культурная часть петербургских рабочих лишается даже того мизерного права, которое им принадлежит на основании временных правил о союзах и обществах! Сколько сил потрачено, сколько жизней погибло в борьбе за этот кусочек права, которое теперь мановением руки сводится на нет!

«И что всего более странно, это то, что широкие рабочие массы совершенно не отзываются на это лишение прав. Под влиянием всех последних гонений на легальные организации, кое где в рабочей среде даже оживают и крепнут симпатии к «подполью». Мы несколько не закрываем глаз на этот прискорбный, по нашему мнению, факт. Но не привыкшие преклоняться перед стихийностью, мы стараемся дать себе отчет в смысле его.

«Теперьшние разговоры о „подполье“ в значительной мере напоминают старые, теперь, кажется, основательно забытые споры о терроре. Перед террором тоже многие «преклонялись», чтобы замаскировать свою собственную негодность. Хорошо, мол, что существуют герои, а мы уж как-нибудь за ними поплетемся. Так и теперь. Нам лень подумать, лень искать новых путей, и мы ждем, что подполье за нас решит, и уж тогда мы будем

действовать под чужую ответственность. Удастся—хорошо, не удастся—мы имеем, на кого валить вину.

«Эта-то психология, которая, мы не отрицаем, имеет корни в нашей современной политической обстановке и достаточно объясняется теми тяжкими жертвами, которые уже принесены на алтарь открытого движения, — эта-то психология безответственности, бессознательного желания „сказаться в ветах“, в случае неудачи, и диктует некоторым слоям рабочей массы возрождающееся почтение к подполью. Мы говорим о почтении к подполью, а не о бегстве в подполье, потому что фактически в подполье всегда бывали только единицы, — массе в подполье делать нечего, — а уж эти единицы, ни перед кем не ответственные, командовали массовыми выступлениями.

«Но, говорят, „легальные возможности“ все исчерпаны, и в результате мы имеем почти полное уничтожение легальных организаций. Вот именно это неверно, что исчерпаны все возможности. На самом деле еще крайне мало осуществлена та основная возможность, без которой немислима ни одна победа рабочего класса. Мы говорим о планомерном участии масс в отстаивании своих организаций. Все, что делалось до сих пор, делалось и недостаточно планомерно, и без достаточного участия масс. Тысячи подписей под петицией о свободе коалиций — ничто по сравнению с сотнями тысяч фабрично-заводских рабочих. Насчитываемые десятками и редко сотнями члены наших профессиональных, просветительных и всяких других обществ составляют малую каплю по сравнению с огромным количеством рабочих, занятых в данной профессии, обитающих в данном квартале и т. под. А, ведь, фактически лиц, действительно интересующихся союзами и работающих в них, — и того меньше.

«Выдвинув на самые опасные посты в легальных организациях лучшую часть рабочей интеллигенции, масса легко опускает руки и готова бросить самое дело, когда эти передовые борцы выхвачены из ее рядов. Тут именно — корень слабости современного рабочего движения, и тут именно — непочатый угол упорной и настойчивой с.-д. работы».

Читатель поймет, что мы не можем здесь сказать по поводу приведенной статьи всего того, что сказать следовало бы... Положение создается совершенно ясное. Если некоторые «нефракционные» люди видели поворот к лучшему у ликвидаторов, то теперь и слепой видит, что на деле возвращаются худшие времена ликвидаторства. Среди ликвидаторов вновь подняли голову Даны, Ежовы¹³⁶, Ларины¹³⁷ и их проповедь опять приобретает откровенно ренегатский характер.

Объявить «прискорбным фактом» то, что в рабочей среде даже (!) оживают и крепнут симпатии к «подполью», сказать, что это последнее так же «негодно», как террор,

оплакивать «почтение» к подполью, в котором будто «ни перед кем не ответственные единицы командовали (!!!) мыслсовыми выступлениями» — на это способен даже не всякий либерал.

Эта статья «Луча» — не случайность. Она выразила святую святых ликвидаторства. Если в последние месяцы ликвидаторы как бы несколько притаились и делали вид, что они «ничего не ликвидируют» и что никаких принципиальных разногласий у них с нами нет, — то это делалось исключительно из мелкой «дипломатии» и желания приручить некоторых «нефракционных» людей. Но эта дипломатия должна была сорваться и — сорвалась.

Есть статьи и статьи. Мимо статьи «Рабочие массы и подполье» не может пройти ни один марксист. Это — открытый манифест ликвидаторов, это — в своем роде «историческая» статья, делающая эпоху. С небывалой прямоотой говорят ликвидаторы *против* подполья. Каждая строка этой статьи дышит такой *ненавистью* к последнему, что невольно восклицаешь: как выросла, как расширилась пропасть между марксистами и этими озлобленными ренегатами, у которых перо рвет и мечет при одном воспоминании о ненавистном «подполье»! Ведь те и другие явно говорят на совершенно различных языках! То, что у марксистов вызывает радость, бодрость и уверенность в победе, то у ликвидаторов порождает злобное уныние, растерянность и вой против рабочих масс, *будто бы* идущих по неверному пути...

Вопрос, затронутый в статье «Рабочие массы и подполье», — не мелкий, случайный вопрос. И если теперь «Луч» вдесятеро усилил свое ликвидаторство, то ясно, что марксистам надо вдесятеро усилить свою борьбу *против* ликвидаторства.

Дипломаты ликвидаторства для уловления «малых сих» очень много распространялись в последнее время о своей любви к «единству». Мы спрашиваем всякого читателя: о каком единстве можно разговаривать с *господами* из «Луча», дописавшимися до статьи «Рабочие массы и подполье»? О каком единстве с ликвидаторами может быть речь, раз они открыто отрицают и оплевывают то са-

мое, единства чего только и добиваются марксисты? Раз они хладнокровно и цинично высказываются против того, что единственно только и может являться сейчас базой передовых рабочих?

И мы спрашиваем особо таких защитников «Луча», как латышские с.-д., или как «нефракционные» троцкисты: Солидаризируетесь ли вы с «Лучом» в его оценке подполья? Солидаризируетесь ли вы с ним в его оценке стачек?

Если да, то вы вовсе не «нефракционные», а самые настоящие ликвидаторы. Если нет, если вы здесь не солидарны с ликвидаторами, но молчите ради презренной «дипломатии», — то что сказать о вашем поведении?

Когда месяца 2 назад ликвидаторы топили все принципиальные расхождения в криках о будто бы возлюбленном ими «единстве», — казалось, что ликвидаторам надолго удастся смутить некоторые слои рабочих. К счастью, это не так. К счастью, существуют еще на свете откровенные и верящие в себя ликвидаторы, говорящие открыто то, что все они действительно думают. Поблагодарим этих откровенных ликвидаторов и посоветуем противникам ликвидаторства: перепечатавайте, распространяйте пошире манифест ликвидаторов, носящий заглавие «Рабочие массы и подполье». Тов. рабочие! Хотите знать, что такое ликвидаторство, — прочитайте внимательно передовицу в № 16 (101), «Луча», от 19 января 1913 года!

«Просвещение» № 2,
февраль 1913 г.

Открытая партия и марксисты.

Решение 1908 г.

Многим рабочим та борьба, которая идет между «Правдой» и «Лучом», представляется ненужной и малопонятной. Естественно, что полемические статьи в отдельных номерах газеты по отдельным, иногда довольно частным, вопросам не дают полного представления о предметах и содержании борьбы. Отсюда законное недовольство рабочих.

Между тем вопрос о ликвидаторстве, из-за которого идет борьба, есть в настоящий момент один из самых важных и самых насущных вопросов рабочего движения. Нельзя быть сознательным рабочим, не ознакомившись обстоятельно с этим вопросом, не составив себе определенного мнения о нем. Рабочий, который хочет самостоятельно решать судьбы *своей* партии, не станет отмахиваться от полемики, не совсем, с первого взгляда, понятной, а станет серьезно доискиваться и доищется истины.

Как доискаться истины? Как разобраться среди противоречащих друг другу мнений и утверждений?

Всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять *факты и документы*, самому разбирать, есть ли показания *свидетелей* и достоверны ли эти показания.

Спора нет, это сделать не всегда легко. Гораздо «легче» брать на веру то, что попадется, что *доведется* услышать, о чем более «открыто» кричат, и тому подобное. Но только людей, удовлетворяющихся этим, зовут «легонькими», легковесными людьми, и никто с ними серьезно не считается. Без известного *самостоятельного* труда ни в од-

ном серьезном вопросе истины не найти, и кто боится труда, тот сам себя лишает возможности найти истину.

Поэтому мы обращаемся только к тем рабочим, которые этого труда не боятся, которые решились *самостоятельно* разбираться и стараться *найти факты, документы, свидетельские показания*.

Прежде всего является вопрос, что такое ликвидаторство? Откуда это слово взялось, что оно значит?

«Луч» говорит, что ликвидаторство партии, т.-е. распускание, разрушение партии, отречение от партии, есть просто злая выдумка. Это, дескать, «фракционеры» большевики против меньшевиков придумали!

«Правда» говорит, что вся партия более четырех лет ликвидаторство осуждает и с ним борется.

Кто прав? Как найти истину?

Очевидно, единственный способ: искать факты и документы из *истории* партии за последние 4 года, с 1908 года до 1912, когда ликвидаторы *окончательно откололись* от партии.

Именно эти четыре года, когда теперешние ликвидаторы *еще были* в партии, — самый важный период для *проверки* того, откуда и как взялось понятие ликвидаторства.

Отсюда первый и основной вывод: кто говорит о ликвидаторстве, *обходя факты и документы партии* за 1908—1911 годы, тот скрывает истину от рабочих.

Каковы же эти факты и документы партии?

Прежде всего, — *решение партии*, состоявшееся в декабре 1908 года *. Рабочие, если они не хотят, чтобы с ними обращались, как с детьми, которых пичкают сказками и небылицами, должны спрашивать у своих советников, руководителей или представителей, было ли *решение партии* по вопросу о ликвидаторстве в декабре 1908 года и в чем оно состоит?

Это решение дает *осуждение ликвидаторства и разяснение*, в чем оно состоит.

Ликвидаторство, это — «попытки некоторой части партийной интеллигенции *ликвидировать*» (т.-е. распустить,

* Речь идет о декабрьской конференции 1908 г., см. пр. 76.
Прим. сост.

разрушить, отменить, прекратить «существующую организацию партии и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности» (т.-е. законности, «открытого» существования) «во что бы то ни стало, хетя бы последняя покупалась ценой *явного отказа от программы, тактики и традиций*» (т.-е. прежнего опыта) «партии».

Вот каково было, четыре с лишним года тому назад, *решение партии о ликвидаторстве*.

Из этого решения ясно видно, в чем суть ликвидаторства, за что оно осуждается. Суть в *отречении* от «подполья», в ликвидации его, в *замене* его бесформенным объединением в рамках законности во что бы то ни стало¹⁸⁸. Следовательно, партия осуждает вовсе не легальную (законную) работу, вовсе не выдвижение необходимости ее. Партия осуждает — и осуждает безусловно — *замену* старой партии чем-то бесформенным, «открытым», чего нельзя назвать партией.

Партия не может существовать, не отстаивая своего существования, не борясь безусловно с тем, кто ее ликвидирует, уничтожает, не признает, кто от нее отрекается. Это само собой очевидно.

Кто отрекается от существующей партии во имя какой-то новой, тому надо сказать: попробуйте, постройте новую партию, но членом старой, теперешней, существующей партии вы быть не можете. Таков смысл решения партии, состоявшегося в декабре 1908 года, и очевидно, что иного решения по вопросу о существовании партии быть не могло.

Ликвидаторство связано, конечно, идейной связью с *ренегатством, отречением от программы и тактики, с оппортунизмом*. На это и указывает конец приведенного выше решения. Но ликвидаторство не есть *только* оппортунизм. Оппортунисты ведут партию на неверный, буржуазный путь, на путь либеральной рабочей политики, но они *не отрекаются* от самой партии, не ликвидируют ее. Ликвидаторство есть *такой* оппортунизм, который доходит до *отречения* от партии. Само собой понятно, что партия не может существовать, *включая* тех, кто не признает существования ее. Не менее понятно и то, что отречение

от подполья при существующих условиях есть отречение от старой партии.

Спрашивается, каково отношение ликвидаторов к этому решению партии 1908 года?

Здесь—гвоздь вопроса, здесь—проверка искренности и политической честности ликвидаторов.

Ни один из них, не сходя с ума, не станет отрицать факта, что было и не отменено такое решение партии.

И вот ликвидаторы увертываются, либо обходя вопрос и *замалчивая* перед рабочими решение партии 1908 года, либо восклицая (с присоединением нередко бранных слов), что решение это проведено большевиками.

Но бранные слова только выдают слабость ликвидаторов. Есть *решения партии*, проведенные *меньшевиками*,— например, решение о муниципализации, принятое в Стокгольме в 1906 году. Это общеизвестно. Многие большевики этого решения не разделяют. Но никто из них не отрицает, что это — *решение партии*. Точно также *решением партии* является и решение 1908 года о ликвидаторстве. Всякие увертки по этому вопросу означают лишь желание ввести рабочих в заблуждение.

Кто хочет признавать партию не только на словах, тот не допустит здесь никаких уверток и добьется истины о *решении партии* по вопросу о ликвидаторстве. К этому решению с 1909 года примкнули *все партийные меньшевики*, во главе с Плехановым, который в своем издании «Дневник» и в целом ряде других марксистских изданий разъяснял многократно и вполне определенно, что не может быть в партии тот, кто ее ликвидирует.

Плеханов был и останется меньшевиком. Значит, обычные ссылки ликвидаторов на «большевистский» характер решения партии в 1908 году неверны вдвойне.

Чем больше бранных слов против Плеханова встречаем мы у ликвидаторов в «Луче» или в «Нашей Заре», тем яснее доказывает это неправоту ликвидаторов, их попытки шумом, криком и скандалом затемнить истину. Сразу удастся иногда оглушить новичка такими приемами, но рабочие все же разберутся сами и скоро отмахнутся от брани.

Необходимо ли единство рабочих? — Необходимо.

Возможно ли единство рабочих без единства рабочей организации? — Ясно, что невозможно.

Что мешает единству рабочей партии? — Споры из-за ликвидаторства.

Значит, рабочие должны разобраться в этих спорах, чтобы *самим* решить судьбу своей партии и *отстоять ее*.

Первый шаг к этому — ознакомиться с *первым* решением *партии* о ликвидаторстве. Это решение рабочие должны твердо знать и внимательно обдумать, отбрасывая всякие попытки увернуться от вопроса или отвести в сторону. Обдумав это решение, всякий рабочий начнет понимать, в чем суть вопроса о ликвидаторстве, почему этот вопрос такой важный и такой «больной», почему большие четырех лет эпохи реакции этот вопрос стоит перед партией.

Решение 1910 года.

Теперь мы приведем и рассмотрим другое, не менее важное, решение партии по тому же вопросу, принятое три с половиной года тому назад, в январе 1910 года*. Особенное значение имеет это решение потому, что оно было принято *единогласно*: все без исключения большевики, затем все так называемые впередовцы и, наконец (это всего важнее), все без исключения меньшевики и нынешние ликвидаторы, а также все «национальные» (т.е. еврейские, польские и латышские) марксисты приняли это решение.

Приводим полностью самое важное место из этого решения:

«Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги последовательной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы социал-демократии и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить последовательно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.

* Речь идет о резолюции пленума ЦК в январе 1910 г.
см. прим. 78 и 79. Прим. сост.

«Неотъемлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонов путем расширения и углубления социал-демократической работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснение опасности этих уклонов».

Из этого решения ясно видно, что три с половиной года тому назад все марксисты *единогласно*, в лице всех течений без исключения, должны были признать два *уклонения* от марксистской тактики. Оба уклонения были признаны *опасными*. Оба уклонения объяснены не случайностью, не злой волей отдельных лиц, а *«исторической обстановкой»* рабочего движения в переживаемую нами эпоху.

Мало того. В единогласном решении партии указано *классовое* происхождение и значение этих уклонений. Ибо марксисты не ограничиваются голым и бессодержательным указанием на развал и распад: все видят, что в головах многих сторонников демократии и социализма царит распад, безверие, уныние, недоумение. Недостаточно признать это. Необходимо понять, каково *классовое* происхождение разброда и распада, какие *классовые* интересы из не proletарской среды питают «смуту» среди друзей пролетариата.

И решение партии три с половиной года тому назад дало ответ на этот важный вопрос: *уклонения* от марксизма порождает «буржуазная контр-революция», их порождает *«буржуазное влияние на пролетариат»*.

Каковы же эти уклонения, грозящие отдать пролетариат под влияние буржуазии? Одно из этих уклонений, связанное с «впередовством» и состоящее в отрицании думской работы социал-демократов и использования легальных возможностей, *исчезло почти совершенно*. В России никто из социал-демократов не проповедует более этих ошибочных, не-марксистских взглядов. «Впередовцы» (в том числе Алексинский и др.) стали работать в «Правде» наряду с партийными меньшевиками.

Другое же *уклонение*, указанное в решении партии, есть именно *ликвидаторство*. Это ясно из указаний на «отрицание» подполья и на «приращение» его роли и значения. Наконец, мы имеем самый точный документ три

года тому назад опубликованный и никем не опровергнутый, документ, исходящий от *всех* «национальных» марксистов и от Троцкого (свидетелей, лучше которых ликвидаторы не могут и представить); документ этот заявляет прямо, что «по существу было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться»...

Итак, вот основной и важнейший факт, который должен быть знаком всякому, желающему разобраться в современных спорах: три с половиной года тому назад партия *единогласно* признала ликвидаторство «опасным» уклоном от марксизма, уклоном, с которым необходимо бороться, которое выражает «*буржуазное влияние на пролетариат*».

Интересы буржуазии, настроенной против демократии, настроенной вообще контр-революционно, требуют ликвидации, распускания старой партии пролетариата. Буржуазия всячески распространяет и поддерживает все идеи, направленные к ликвидаторству партии рабочего класса. Буржуазия стремится к тому, чтобы посеять отречение от старых задач, чтобы «укоротить», обрезать, обкарнать, выхолостить их, чтобы поставить примирение или соглашение с Пуришкевичами и К-о на место решительного устраниения основ их власти.

Ликвидаторство и есть проведение этих буржуазных идей отречения и ренегатства в среду пролетариата.

Вот каково *классовое* значение ликвидаторства, указанное *единогласным* решением партии три с половиной года тому назад. Вот в чем видит вся партия глубочайший вред и опасность ликвидаторства, его губительное действие на рабочее движение, на сплочение самостоятельной (на деле, а не на словах) партии рабочего класса.

Ликвидаторство есть не только ликвидация (т.-е. распускание, разрушение) старой партии рабочего класса, оно есть также разрушение *классовой самостоятельности* пролетариата, развращение его сознания *буржуазными* идеями.

Подведем краткий итог сказанному. Попытки «лучистов» вообще, господ Ф. Дана и Потресова в особенности, представить дело так, будто все «ликвидаторство» есть вы-

думка, представляют из себя поразительные по своей лживости увертки, рассчитанные на полную неосведомленность читателя «Луча». На деле, помимо решения партии 1908 года, есть *единогласное* решение партии 1910 года, дающее полную оценку ликвидаторства, как опасного и губительного для рабочего класса буржуазного уклонения с пролетарского пути. Скрывать или обходить эту партийную оценку могут лишь враги рабочего класса.

Отношение ликвидаторов к решениям 1908 и 1910 г.

Посмотрим теперь на поведение тех ликвидаторов, которые имеют мужество уверять теперь, будто не было и нет никакого ликвидаторства.

В феврале 1910 года в № 2 только что начавшего тогда выходить журнала «Наша Заря» г. Потресов писал прямо, что «нет партии, как цельной и организованной иерархии» (т.-е. лестницы или системы) «учреждений», и что нельзя ликвидировать того, «чего на самом деле уже нет, как организованного целого» (см. стр. 61 «Нашей Зари» № 2, за 1910 год).

Это говорилось через месяц, а то и менее, *после* единогласного решения партии!!

А в марте 1910 года другой журнал ликвидаторов, с теми же сотрудниками: Потресовым, Даном, Мартыновым, Ежовым, Мартовым, Левицким и К-о, именно журнал «Возрождение», подчеркивал и популярно объяснял слова г. Потресова:

«Ликвидировать нечего, и — прибавим мы (т.-е. редакция «Возрождения») от себя — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия, знаменующая потерю политического чутья у представителей самой реалистической когда-то партии» («Возрождение» 1910 г., № 5, стр. 51)

Партии нет, и восстанавливать ее — вредная утопия, — вот ясные, определенные слова. Вот ясное и прямое отречение от партии. Отреклись (и приглашали рабочих отречься) такие люди, которые бросили подполье и «мечтали» об открытой партии.

Этот уход из подполья вполне определенно и открыто поддерживал далее П. Б. Аксельрод в 1912 году и в «Невском Голосе» (1912 г., № 6) и в «Нашей Заре» (№ 6, 1912 г.).

«Толковать при таком положении дел о нефракционности, — писал П. Б. Аксельрод, — значит уподобляться страусу, значит обманывать себя и других». «Фракционное оформление и сплочение является прямой обязанностью и неотложным долгом сторонников партийной реформы или вернее революции».

Итак, П. Б. Аксельрод — прямо за *партийную революцию*, то-есть за уничтожение старой партии и за основание новой партии.

В 1913 году в № 101 «Луча» в неподписанной редакционной передовице говорилось прямо, что «кое-где в рабочей среде даже оживают и крепнут симпатии к подполью» и что это «*факт прискорбный*». Автор этой статьи, Л. Седов, сам признал, что статья «вызвала неудовольствие» даже среди сторонников тактики «Луча» («Наша Заря» 1913 г., № 3, стр. 49). При этом объяснения самого Л. Седова были таковы, что они вызвали новое неудовольствие опять-таки сторонника «Луча», именно — Ана¹³⁹, который в № 181 «Луча» пишет против Седова. Ан протестует против допущения Седова, будто «подполье является препятствием к политическому оформлению нашего движения, к построению рабочей социал-демократической партии». Ан высмеивает Л. Седова, у которого получается «неопределенность» насчет того, желательны ли подполье.

Редакция «Луча» поместила к статье Ана обширное послесловие, в котором высказывается *за Седова*, находя Ана «неправым в критике Л. Седова».

В № 8 «Живой Жизни» (19 июля 1913 г.) В. Засулич¹⁴⁰ писала: «Трудно сказать, помогала или мешала... организация (т.-е. социал-демократическая партия)... работе». Ясно, что эти слова равносильны отречению от партии. В. Засулич оправдывает бегство из партии, говоря: «Организации пустыли. потому что в тот момент там нечего было делать». В. Засулич создает чисто анархическую теорию «широкого слоя» вместо партии (смотри

подробный разбор этой теории в № 9 «Просвещения» за 1913 год).

В чем же состоит основной и главный вывод из приведенных нами документов?

Вся партия и в 1908 и 1910 г.г. осуждает и отвергает ликвидаторство, объясняя подробно и отчетливо, в чем классовый источник и в чем опасность этого течения. Все ликвидаторские газеты и журналы: и «Возрождение» (1909—1910), и «Наша Заря» (1910—1913), и «Невский Голос» (1912), и «Луч» (1912—1913 г.), и «Новая Рабочая Газета» (1913—1914) * — все повторяют после самых определенных и даже единогласных решений партии такие мысли и рассуждения, которые содержат явное ликвидаторство.

Несогласие с этими рассуждениями, с этой проповедью, вынуждены заявить даже сторонники «Луча». Это факт. Следовательно, кричать о «травле» ликвидаторов, как делают Троцкий, Семковский¹⁴¹ и многие другие покровители ликвидаторства, прямо недобросовестно, ибо это — вопиющее извращение истины.

Истина, доказанная приведенными мною документами за пять с лишним лет (1908—1913), состоит в том, что ликвидаторы продолжают, в насмешку над всеми решениями партии, поносить и травить партию, т.-е. «подполье».

Эту истину всякий рабочий, который хочет сам разобраться со всей серьезностью в спорных и больных вопросах партии, сам решить эти вопросы, — эту истину всякий рабочий должен усвоить прежде всего, приняв для этого самостоятельные меры для изучения и проверки приведенных решений партии и рассуждений ликвидаторов. Только тот заслуживает названия члена партии и созидает

* См., например, № 1 «Н. Р. Газ.» за 1914 год, новогоднюю передовицу: «Путь к открытой политической партии действия есть в то же время путь к партийному единству» (к единству строителей открытой партии?). Или № 5 за 1914 г.: «преодоление (всех тех препон, которые ставятся на пути к организации рабочих съездов) и есть нечто иное, как самая доподлинная борьба за свободу коалиций, т.-е. за легальность рабочего движения, тесно связанного с борьбой за открытое существование социал-демократической рабочей партии».

теля рабочей партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и судьбы своей партии. Нельзя относиться равнодушно к вопросу о том, партия ли «виновна» в «травле» (т.-е. в слишком резких и неверных нападках) ликвидаторов или ликвидаторы виновны в прямом нарушении постановлений партии, в упорной проповеди ликвидации, т.-е. разрушения партии.

Ясно, что партия не может существовать, не борясь из всех сил с разрушителями партии.

Приведя документы по этому основному вопросу, мы перейдем к оценке идейного содержания проповеди «открытой партии».

Классовое значение ликвидаторов.

Посмотрим на лозунг: «открытая рабочая партия» или «борьба за открытую партию», который до сих пор защищают ликвидаторы в «Луче» и в «Напей Заре».

Является ли этот лозунг марксистским, пролетарским, или либеральным, буржуазным?

Ответа на этот вопрос надо искать не в направлениях и не в планах ликвидаторов или других групп, — а в анализе соотношения общественных сил России переживаемой нами эпохи. Значение лозунгов определяется не намерениями их авторов, а именно соотношением сил всех классов страны.

Крепостники-помещики и их «бюрократия» враждебны всяким изменениям в духе политической свободы. Это понятно. Буржуазия, по своему экономическому положению в отсталой и полукрепостной стране, не может не стремиться к свободе. Но буржуазия боится народной активности больше, чем реакции. Эту истину особенно наглядно доказал 1905 год; ее прекрасно понял рабочий класс; ее не поняли только оппортунистические и полубуржуазные интеллигенты.

Буржуазия — либеральна и контр-революционна. Отсюда ее до смешного бессильный жалкий реформизм. Мечты о реформах — и боязнь сосчитаться серьезно с крепостниками, которые не только не дают реформ, а даже отбирают назад уже данные. Проповедь реформ — и боязнь

народного движения. Стремление отеснить крепостников — и боязнь потерять *их* помощь, боязнь потерять свои привилегии. На этом соотношении классов построена система 3 июня, дающая всевластие крепостникам и привилегии буржуазии.

Классовое положение пролетариата совершенно исключает для него возможность «делиться» привилегиями или бояться потери их кем бы то ни было. Поэтому корыстнотупый, убогий и тупоумный реформизм совершенно чужд пролетариату. А крестьянская масса, — с одной стороны, безмерно угнетенная и вместо привилегий видящая голодовки, а с другой стороны, безусловно мелкобуржуазная, — колеблется неизбежно между либералами и рабочими.

Таково объективное положение.

Из этого положения вытекает с очевидностью, что лозунг открытой рабочей партии, по своему классовому происхождению, есть лозунг контр-революционных либералов. В нем нет ничего, кроме реформизма; — нет и намека на то, что пролетариат, единственный вполне демократический класс, сознает свою задачу борьбы с либералами за влияние на всю демократию; — нет и мысли об устранении самой основы каких бы то ни было привилегий крепостников, «бюрократии» и т. д.; — нет мысли об общих устоях политической свободы и демократической конституции; — в нем есть зато молчаливое отречение от старого, а, следовательно, ренегатство и распускание (ликвидация) рабочей партии.

Говоря короче: этот лозунг несет в рабочую среду в эпоху контр-революции *проповедь именно того, что делает в своей среде либеральная буржуазия*. Поэтому, если бы ликвидаторов не было, то умные буржуа-прогрессисты *должны* бы были отыскать или нанять интеллигентов для несения в рабочий класс такой проповеди!

Только безголовые люди могут сравнивать слова ликвидаторов с *мотивами* ликвидаторов. Надо сравнивать их слова с *делами* либеральной буржуазии и с ее объективным положением.

Взгляните на эти *дела*. В 1902 году буржуазия — за подполье. Струве послан ею издавать подпольное «Осво-

божество»¹⁴². Когда рабочее движение приводит к 17 октября, либералы и кадеты бросают подполье, а затем отрекаются от него, объявляют его ненужностью, безумием, грехом и безбожием («Веки» *). Вместо подполья, у либеральной буржуазии является *борьба за открытую партию*. Это — исторический факт, подтверждаемый неустанными попытками легализации кадетов (1905 — 07) и прогрессистов (1913).

У кадетов мы видим «открытую работу и тайную организацию ее»; некоторые наши «примиренцы», выдвигая такой лозунг, только пересказывают «своими словами» дела кадетские.

Почему же либералы отреклись от подполья и приняли лозунг «борьбы за открытую партию»? Не потому ли, что Струве — изменник? Нет. Как раз наоборот. Струве переметнулся потому, что повернула вся буржуазия. А она повернула, 1) ибо получила привилегии и 11 декабря 1905 г. и даже 3 июня 1907 года получила положение терпимой оппозиции; 2) ибо она смертельно испугалась народного движения. Лозунг «борьба за открытую партию» в переводе с «высокой политики» на простой и наглядный язык значит вот что:

— Господа помещики! не думайте, что мы вас сжить со свету хотим. Нет. Подвиньтесь чуточку, чтобы и нам, буржуа, сидеть можно было (открытая партия), — мы тогда вас будем защищать впятеро «умнее», хитрее, «научнее», чем Тимошкины и саблеровские батюшки.

Подражая кадетам, лозунг «борьбы за открытую партию» приняли именно буржуа, народники. В августе 1906 года г. Пешехонов и К^о «Русского Богатства» отрекаются от подполья, провозглашают «борьбу за открытую партию», урезают из своей программы последовательно-демократические, «подпольные», лозунги.

В результате реформистской болтовни этих мещан о «широкой и открытой партии», они, явно для всех,

* Есть «замечательная книга» «Веки», выдержавшая массу изданий и дающая прекрасную сводку этих идей контр-революционного «либерализма».

остались без всякой партии, без всякой связи с массами, а кадеты бросили даже и мечтать о такой связи.

Так и только так, через анализ положения классов, через общую историю контр-революции, можно прийти к пониманию ликвидаторства. Ликвидаторы, это—мелко-буржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии. Лозунг «борьбы за открытую партию» у них (как и у либералов, так и у народников) есть прикрытие отречения от прошлого и разрыва с рабочим классом. Это—факт, доказанный выборами по рабочей курии в IV Думу и историей возникновения рабочей газеты «Правда». Связь с массами, явно для всех, оказалась только у людей, которые от прошлого не отрекались и исключительно в его духе, для его усиления, укрепления и развития, умели использовать «открытую работу» и всяческие «возможности».

В эпоху третьеиюньской системы это и не могло быть иначе.

Лозунг борьбы за открытую рабочую партию.

Рассмотрим некоторые, особенно ходкие у ликвидаторов попытки защищать лозунг «борьбы за открытую партию». И Маевский, и Седов, и Дан, и все «лучисты» стараются смешать открытую партию с открытой работой или деятельностью. Такое смешение есть прямо софистика*, игра, обман читателей.

Во-первых, открытая деятельность социал-демократии для периода 1904—1913 г.г. есть факт. Открытая партия есть фраза интеллигентов, прикрывающая отречение от партии. Во-вторых, партия неоднократно осуждала ликвидаторов, т.е. лозунг открытой партии. Но партия не только не осуждала открытой деятельности, а напротив — осуждала тех, кто забрасывает ее или отрекается от нее. В-третьих, в 1904—1907 годах открытая деятельность была особенно развита у всех социал-демократов. Но ни одно течение, ни одна фракция

* — ложное доказательство. Прим. сост.

социал-демократов не выдвигала тогда лозунга «борьбы за открытую партию»!

Это—исторический факт. Над ним надо подумать тем, кто хочет *понять* ликвидаторство.

Мешало ли открытой деятельности в 1904—1907 г.г. отсутствие лозунга «борьбы за открытую партию»? Нисколько.

Почему у социал-демократов не возникало тогда подобного лозунга? Именно потому, что тогда еще не было разгула контр-революции, увлекшей часть социал-демократов в оппортунизм крайней степени. Тогда *слишком* ясно было, что лозунг «борьбы за открытую партию» есть оппортунистическая фраза, есть отречение от «подполья».

Вникните же, господа, в смысл этого исторического поворота: в эпоху 1905 года, при блестящем развитии открытой деятельности, *нет лозунга* «борьбы за открытую партию»; в эпоху контр-революции, при более слабом развитии открытой деятельности, появляется у части социал-демократов (вслед за буржуазией) лозунг отречения от «подполья» и «борьбы за открытую партию».

Неужели смысл и классовое значение такого поворота могут еще быть неясны?

Наконец, четвертое и самое главное обстоятельство. Открытая деятельность возможна (и наблюдается) *двоякая*, в двух диаметрально-противоположных направлениях: такая, которая ведется в защиту старого и целиком в *духе* его, во имя его лозунгов и тактики, и такая, которая ведется *против* старого, во имя отречения от него, умаления его роли, его лозунгов и так далее.

Наличность этих двух, принципиально враждебных и непримиримых видов открытой деятельности есть самый бесспорный исторический факт для эпохи 1906 года (кадеты и г. Пешехонов с К^о) до 1913 года («Луч», «Намн. Заря»). Можно ли поэтому без улыбки слушать простачка (или человека, прикидывающегося на время простачком), когда он говорит: о чем тут спорить, ежели и те и другие ведут открытую деятельность? Именно, о том тут спорят, любезнейший, в защиту ли «подполья» и в его духе, или в умалении его, против него, не в его духе следует вести эту деятельность! Спор идет только—

всего *«только»!*— о том, в либеральном или последовательно-демократическом духе ведется данная открытая работа. Спор идет *«только»* о том, возможно ли *ограничиваться* открытой работой: вспомните г. либерала Струве, который не ограничивался ею в 1902 году и вполне *«ограничился»* в 1906—1913 годах!

Наши ликвидаторы из «Луча» никак не могут понять, что лозунг *«борьбы за открытую партию»* есть проведение в рабочую среду либеральных (струвенских) идей, *принужденных* в лоскутья *«почти марксистских»* словечек.

Или вот, возьмите рассуждение самой редакции «Луча» в ее ответе Ану (№ 181):

«...Социал-демократическая партия не исчерпывается теми немногими товарищами, которых действительность вынуждает работать в подполье. Ведь, если бы подпольем исчерпывалась *партия*, то сколько же членов она насчитывала бы? 2—3 сотни? А куда же делись бы те тысячи, если не десятки тысяч рабочих, которые фактически на своих плечах выносят всю социал-демократическую работу?»

Для думающего человека одного этого рассуждения достаточно, чтобы признать его авторов либералами. Во-первых, они говорят заведомую неправду о *«подполье»*; в нем далеко не *«сотни»*. Во-вторых, везде в мире число членов партии *«узко»* по сравнению с числом рабочих, ведущих социал-демократическую работу. Например, в Германии в социал-демократической партии только 1 миллион членов, а голосов за социал-демократов подают около 5 миллионов, пролетариев же около 15 миллионов. Пропорция числа членов партии к числу социал-демократов определяется в разных странах различием исторических условий. В-третьих, ничего другого, заменяющего *«подполье»*, у нас нет. Значит, *«Луч»* *против* партии ссылается на *беспартийных* или *внепартийных* рабочих. Это есть обычный прием либерала, старающегося отколоть массу от ее *сознательного* передового отряда. «Луч» не понимает отношения *партии к классу*, как не понимали этого *«экономисты»* 1895—1901 годов. В-четвертых, *«социал-демократическая работа»* пока у нас только тогда

.....

есть действительно *социал-демократическая* работа, когда она ведется в *духе* старого, во имя его лозунгов.

Рассуждения «Луча» есть рассуждения либеральных интеллигентов, которые, не желая войти в действительно существующую, партийную организацию, пытаются *разрушить* эту организацию, натравливая на нее беспартийную, распыленную, малосознательную толпу. Так поступают и немецкие либералы, говорящие, что социал-демократы не представители пролетариата, ибо у них «только» пятнадцатая часть в «партии»!

Возьмите еще более обычное рассуждение «Луча»: «мы» за открытую партию, «как и в Европе». Либералы и ликвидаторы хотят конституции и открытой партии, «как в Европе» *сегодня*: но они не хотят того пути, которым Европа пришла к этому сегодня.

Ликвидатор и бундист Коссовский ¹⁴³ в «Луче» учит нас примеру австрийцев. Он забывает только, что у австрийцев конституция есть с 1867 года, и ее не могло быть без: 1) движения 1848 года ¹⁴⁴, 2) без глубокого государственного кризиса 1859—1866 годов, когда *слабость* рабочего класса позволила Бисмарку и К^о *выпутаться* посредством знаменитой «революции сверху». Что же выходит из поучений Коссовского, Дана, Ларина и всех «лучистов»?

Только то, что они помогают разрешению нашего кризиса в *духе непременно* «революции сверху»! Но подобная их работа и *есть* «работа» столыпинской рабочей партии.

Куда ни кинь — везде мы видим у ликвидаторов отречение и от марксизма, и от демократии.

В. Ильин. Сборник «Марксизм и ликвидаторство». Апрель 1913.

Либеральный реформизм ликвидаторов*.

Нам предстоит рассмотреть урезывание марксистских лозунгов у ликвидаторов. Лучше бы всего взять для этого решения их августовской конференции, но по понятным причинам разбор этих решений возможен только в зарубежной печати. Здесь же приходится взять «Луч», который в статье Л. С. (№ 108—194) дал замечательно точное изложение всей сути, всего духа ликвидаторства.

Господин Л. С. пишет:

«... Депутат Муранов ¹⁴⁵ пока признает только три частичных требования, те три кита, на которых, как известно, была основана избирательная платформа ленинцев: полная демократизация государственного строя, восьмичасовой рабочий день и передача земли крестьянам. На этой точке зрения продолжает стоять и «Правда». Между тем мы, как и вся европейская социал-демократия» (читай: «мы, как и Миллюков, уверяющий, что у нас есть, слава богу, конституция») «в выдвигании частичных требований видим агитационное средство, которое только тогда может иметь успех, когда оно считается с повседневной борьбой рабочих масс. Только то, что, с одной стороны, имеет принципиальное значение для дальнейшего развития рабочего движения, а с другой, может стать злободневным для массы, — мы считаем возможным выдвинуть как именно то частичное требование, которое в данный момент должно сосредоточить на себе внимание социал-демократии. Из трех требований, выдвигаемых «Правдой», только одно — восьмичасовой рабочий день — играет и может играть роль в повседневной борьбе рабочих. Другие два требования в данный момент могут служить предметом пропаганды, но не предметом агитации. О разнице между пропагандой и агитацией смотри блестящие страницы в брошюре «Борьба с голодом» Г. В. Плеханова» (не туда попал Л. С.: ему «больно» вспомнить полемику Плеханова в 1899—1902 г.г. с «экономистами», коих Л. С. переписывает!).

* Статья эта озаглавлена у т. Ленина: «Спорные вопросы» (статья шестая). Первые 5 статей «Спорные вопросы» помещены в сборнике «Марксизм и ликвидаторство» под общим заглавием: «Открытая партия и марксисты».

Прим. сост.

«Кроме восьмичасового рабочего дня таким частичным требованием, выдвинутым как потребностями рабочего движения, так и всем ходом русской жизни, является требование свободы коалиции, свободы всяческой организации, с относящейся сюда свободой собраний и слова, устного и печатного».

Вот вам тактика ликвидаторов. «Злободневным для массы», изволите видеть, *не* является; «потребностями рабочего движения» и «всем ходом русской жизни» *не* выдвигается — ни то, что Л. С. описывает словами «полная демократизация и т. д.», ни то, что он называет «передачей земли крестьянам!!» Как стары эти рассуждения и как они знакомы тем, кто помнит *историю* русской марксистской практики, ее многолетнюю борьбу с «экономистами»¹⁴⁰, отрекавшимися от задач демократии! Как талантливо переписывает «Луч» взгляды Прокоповича¹⁴⁷ и Кусковой¹⁴⁸, пытавшихся *тогда* увлечь рабочих на либеральный путь!

Но разберем внимательнее рассуждение «Луча». С точки зрения здравого смысла это рассуждение прямо какое-то сумасшедшее. Неужели, в самом деле, можно, не сойдя с ума, утверждать, что указанное «крестьянское» (т.-е. в пользу крестьян направленное) требование *не* злободневно для массы? *не* «выдвигается потребностями рабочего движения и всем ходом русской жизни»? Это не только неправда, это — вопиющая нелепость. Вся история XIX века в России, весь «ход русской жизни» *выдвинули* этот вопрос, *сделали* его злободневным и злободневнейшим, это отразилось и на *всем* законодательстве России. Как мог «Луч» прийти к такой чудовищной неправде?

Он должен был прийти к ней, ибо «Луч» поработчен *либеральной* политикой, а либералы верны себе, когда они отвергают (или отодвигают—подобно «Лучу») крестьянское требование. Либеральная буржуазия делает это, ибо ее *классовое* положение заставляет ее подлаживаться к помещикам и быть против народного движения.

«Луч» несет рабочим идеи либеральных помещиков и совершает измену по отношению к демократическому крестьянству.

Далее. Неужели «злободневна» только свобода союзов? а неприкосновенность личности? а отмена усмотре-

ния и произвола? а всеобщее и т. д. избирательное право? а единая палата? и т. д.? Всякий грамотный рабочий, всякий, помнящий недавнее прошлое, прекрасно знает, что все это — злободневно. В тысячах статей и речей все либералы признают, что все это — злободневно. Почему же «Луч» объявил злободневной одну, хотя бы и важнейшую из свобод, а коренные условия политической свободы, демократии, конституционного строя вычеркнул, отодвинул, сдал в архив «пропаганды», убрал прочь из агитации?

Потому и только потому, что «Луч» не приемлет *неприемлемого для либералов*.

С точки зрения злободневности для масс потребностей рабочего движения и хода русской жизни нет разницы между тремя требованиями Муранова и «Правды» (скажем так для краткости: требования последовательных марксистов). И рабочие, и крестьянские, и обще-политические требования *одинаково* злободневны для масс, *одинаково* выдвинуты и потребностями рабочего движения, и «всеобщим ходом русской жизни». С точки зрения «частичности», любезной нашему поклоннику умеренности и аккуратности, все три требования также одинаковы: они «частичны» по отношению к конечному, но они очень высоки по отношению, например, к «Европе» вообще.

Почему же «Луч» принимает 8-часовой рабочий день и отвергает остальное? Почему он решил *за* рабочих, что 8-часовой рабочий день «играет роль» в их повседневной борьбе, а обще-политическое и крестьянское требования *не* играют такой роли? Факты говорят нам, с одной стороны, что рабочие в повседневной борьбе выдвигают и общеполитическое и крестьянское требования, — а с другой стороны, что *борются* они часто за более скромные сокращения рабочего дня.

В чем же дело?

Дело в реформизме «Луча», который эту свою либеральную ограниченность *сваливает*, по обычаю, на «массы», на «ход истории» и пр.

Реформизм, вообще, состоит в том, что люди ограничиваются агитацией за изменения, не требующие устранения главных основ старого, господствующего класса, —

изменения, *совместимые с сохранением* этих основ. Восьмичасовой рабочий день совместим с сохранением власти капитала. Русские либералы, чтобы привлечь рабочих, сами готовы подписать («по возможности») это требование. Те же требования, за которые «агитировать» «Луч» не желает, *несовместимы* с сохранением основ докапиталистического, крепостнического времени.

«Луч» изгоняет из агитации именно то, что неприемлемо для либералов, не желающих устранения помещичьей власти, но желающих только дележа власти и привилегий. «Луч» изгоняет именно то, что несовместимо с точкой зрения реформизма.

Вот где зарыта собака.

Ни Муранов, ни «Правда», ни все марксисты не отвергают частичных требований. Это—пустяки. Пример—страхование. Мы отвергаем *обман* народа посредством болтовни о частичных требованиях, посредством *реформизма*. Мы отвергаем как утопический, корыстно-лживый, построенный на конституционных иллюзиях, полный духа раболепства перед помещиками, *либеральный реформизм* в современной России. Вот в чем соль, которую запутывает, запрятывает «Луч» фразами о «частичных требованиях» вообще, хотя сам признает, что и Муранов и «Правда» не отвергают известных «частичных требований».

«Луч» урезывает марксистские лозунги, подгоняет их под узкую, реформистскую, либеральную мерку, проводя, таким образом, буржуазные идеи в рабочую среду.

Борьба марксистов с ликвидаторами есть не что иное, как выражение борьбы передовых рабочих с либеральными буржуа из-за влияния на народные массы, из-за политического просвещения и воспитания их.

«Правда» № 126 (330)
от 2 июня 1913 года.

О двух путях.

Недавно вождь кавказских ликвидаторов, Ан, в статье, обративший на себя внимание сознательных рабочих, заявил о своем несогласии с «Лучем» и его преемниками, с их *оппортунистической* тактикой.

Это заявление равняется *распаду* «августовского блока»¹⁴⁹ — никакие увертки и выходки не опровергнут этого факта.

Но в данную минуту мы хотели бы остановить внимание читателей на другом, именно, на рассуждении Ана о двух путях развития России. Ан пишет:

«„Лу ч“ свою тактику связывает с возможностью реформ, держит курс на реформы. „Правда“ свою тактику связывает с „бурей“, держит курс на ломку».

Ан делает отсюда вывод: надо соединить *обе* тактики. Вывод никуда не годится. Вывод не марксистский.

Разберемся.

Чем определяется *путь* России, характер и быстрота ее развития?

Соотношением общественных сил, равнодействующей классовой борьбы.

Это очевидно.

Какие общественные силы действуют в России? Какова линия классовой борьбы?

Россия есть капиталистическая страна; она не может не развиваться капиталистически. Теперь Россия переживает буржуазно-демократическое преобразование, освобождение от крепостничества, раскрепощение. В обстановке всемирного капитализма раскрепощение России неизбежно. Неизвестно пока лишь то, какова будет равнодействующая социальных сил, стремящихся к раскрепощению. Силы эти, главным образом, следующие: 1) буржуазный монархический либерализм (капиталисты

и частью помещики партий прогрессистской, кадетской, частью октябристской); 2) буржуазная демократия (крестьянство, городское мещанство, интеллигенция и т. п.); 3) пролетариат.

Каждый из этих классов действует — мы берем, конечно, только действия масс — по линии, определяемой экономическим положением каждого класса. Равнодействующая будет и может быть *только одна*.

В каком же смысле можно говорить о двух путях России? Только в том смысле, что мы не знаем и до исхода борьбы не узнаем этой равнодействующей, которая пройдет ближе к *одной из двух* наиболее простых, ясных и сразу для всех видных линий. Первая линия — «реформы», вторая — «буря».

Реформами называются такие перемены, которые *не* отнимают власти в государстве из рук старого господствующего класса. Перемены противоположного характера называются «бурей». Классовые интересы буржуазного либерализма требуют *только* реформ, ибо буржуазия боится «бури» больше, чем реакции, буржуазия хочет сохранить старые, крепостнические учреждения (бюрократия, две палаты, и пр., и пр.) для защиты против рабочих. Крестьянство во всех без исключения странах мира, в России в том числе, колеблется при буржуазно-демократическом преобразовании между буржуазией и пролетариатом. Такие колебания неизбежны, ибо крестьяне — противники помещиков и крепостничества, но в то же время сами мелкие хозяйчики, мелкие буржуа.

Что касается пролетариата, то его интересы, совпадающие с интересами громадного большинства населения, всех эксплуатируемых, идут по пути *не* реформистскому, пути, который в России характеризуется известными «тремя китами»^{*}.

Если большинство крестьян и населения пойдет за либералами, «путь» будет из наихудших, наименее выгодный для рабочих и эксплуатируемых, наиболее мучительный для них. Если большинство крестьян и населения

^{*} «Три кита» — восьмичасовой рабочий день, демократическая республика и конфискация помещичьей земли.

пойдет за рабочими,—получится обратное. Ту или иную равнодействующую вполне раскроет только окончательный исход борьбы.

Теперь мы видим, каков действительный смысл неясного и сбивчивого рассуждения Ана, который скорее почувствовал, чем понял, оппортунизм ликвидаторов и их измену рабочему классу.

Ликвидаторы-реформисты. Они ведут на деле *либеральную*, а не марксистскую, рабочую политику, ведут рабочих к подчинению буржуазии.

«Правдисты» ведут марксистскую, пролетарскую политику, отстаивая интересы рабочего класса в преобразовании России. Не упускают ли «правдисты» из виду использование реформ? На это легко ответить ссылкой на факты. Возьмите действительную, а не выдуманную, реформу, страхование. Всякий видит, что правдисты *десятеро* крепче «уцепились» за нее, чем ликвидаторы: смотри «Вопросы Страхования» и итоги выборов в Всероссийский Страховой Совет.

Возьмите «частичные требования» экономической борьбы при стачках. Всякий знает, что правдисты в 1.000 раз больше и энергичнее ведут эту настоящую, а не выдуманную кампанию.

Если бы была такая группа, которая отрицала бы использование реформ и частичных улучшений, с ней *нельзя* бы было соединяться: это была бы вредная для рабочих, не марксистская, политика.

Нельзя соединяться и с ликвидаторами, ибо отрицание и брань «подполья», отрицание и отодвигание двух «китов»*, провозглашение в современной России борьбы за открытую партию и возможности политических реформ—все это есть измена рабочему классу, переход на сторону буржуазии.

Правдисты «держат курс на бурю или ломку», по выражению Ана, не упуская—это говорят факты—ни единой, ни малейшей возможности действительных реформ

* Демократической республики и конфискации помещичьей земли.

Прим. сост.

и частичных улучшений и раз'ясняя массам лживость реформизма. Такая тактика — единственно правильная, единственно марксистская, и потому ее приняли в громадном, подавляющем большинстве (это доказали факты, числа рабочих групп) сознательные рабочие всей России.

Только сторонники мелкобуржуазной демократии, народники и ликвидаторы, тщетно борются против рабочих, против «правдизма».

«Рабочий» № 3
от 24 мая 1914 г.

О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве.

Вопросы современного рабочего движения во многих отношениях являются большими вопросами—в особенности для предстителей вчерашнего дня (т.е. только что исторически миновавшего этапа) этого движения. Сюда прежде всего относятся вопросы о так называемой фракционности, расколе и т. д. Нередко от интеллигентских участников рабочего движения можно слышать возбужденные, нервные, почти истерические просьбы не касаться этих больших вопросов. Для тех, кто пережил долгие годы борьбы разных течений среди марксистов, например, с 1900—1901 годов, естественно могут быть излишними повторениями многие рассуждения на тему этих больших вопросов.

Но участников 14-летней борьбы среди марксистов (а тем более 18—19-летней, если считать с первых симптомов появления «экономизма») в настоящее время не так уже много. Громадное большинство рабочих, заполняющих в наши дни ряды марксистов, старой борьбы либо не помнят, либо не знают вовсе. Для этого громадного большинства (как показывает, между прочим, и анкета нашего журнала) большие вопросы представляют особенно большой интерес. И мы намерены остановиться на этих вопросах, поднимаемых *как бы* заново (а для молодого поколения рабочих действительно заново) «нефракционным рабочим журналом» Троцкого «Борьба»¹⁵⁰.

I. О «фракционности».

Троцкий называет свой новый журнал «нефракционным». Это слово он ставит на первое место в объявлениях, это подчеркивает на все лады в редакционных статьях как

самой «Борьбы», так и ликвидаторской «С. Р. Газете»¹⁵¹, где до выхода «Борьбы» появилась о ней статья Троцкого.

Что же это такое «нефракционность»?

«Рабочий Журнал» Троцкого есть журнал Троцкого для рабочих, ибо ни рабочего почина, ни связи с рабочими организациями в журнале нет и следа. Желая быть популярным, Троцкий в своем журнале для рабочих поясняет читателям слова «территория», «фактор» и т. п.

Очень хорошо. Отчего бы не пояснить для рабочих и слово: «нефракционность»? Неужели оно *более* понятно, чем слова территория и фактор?

Нет. Дело не в этом. Дело в том, что ярлычком «нефракционность» *вводят в обман* молодое поколение рабочих худшие представители худших остатков фракционности. На раз'яснении этого стоит остановиться.

Фракционность есть главная отличительная черта социал-демократической партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911-ый год.

Чтобы пояснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—1907 годов. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционна, т.-е. *на деле* существовало в единой партии *две* фракции, две фактические отдельные организации. Рабочие организации внизу были едины, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики: защитники их спорили между собой в единых рабочих организациях (например, при обсуждении лозунга: думское — или кадетское — министерство в 1906 году¹⁵² или при выборах на Лондонский съезд в 1907 году), и вопросы решались *по большинству*: одна фракция оказалась побежденной на едином Стокгольмском съезде (1906), другая — на едином Лондонском (1907).

Это — общеизвестные факты из истории организованного марксизма в России.

Достаточно припомнить эти общеизвестные факты, чтобы увидеть вопиющую неправду, которую распространяет Троцкий.

С 1912 года, уже более двух лет, *нет* в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров

о тактике в *единых* организациях, на *единых конференциях* и съездах. Есть *полная* разорванность между партией, формально заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы *не* принадлежали к ней, и ликвидаторами. Троцкий называет нередко это положение дела «расколом», и о таком наименовании мы будем говорить ниже особо. Но остается несомненным фактом, что слово: «фракционность» *расходится с истиной*.

Это слово, как мы уже сказали, есть повторение, некритическое, неразумное, бессмысленное повторение *того, что было верно вчера*, т.-е. в эпоху уже миновавшую. И когда Троцкий говорит нам о «хаосе фракционной борьбы» (см. № 1, стр. 5, 6 и многие другие), то сразу ясно становится, *какое именно* отжившее прошлое говорит устами его.

Посмотрите на теперешнее положение дела с точки зрения молодого русского рабочего, каких теперь $\frac{9}{10}$ среди организованных марксистов России. Он видит перед собой *три* массовых проявления разных взглядов или течений в рабочем движении: «правдивов» вокруг газеты с тиражем в 40.000 экземпляров, «ликвидаторов» (15.000 экземпляров) и левонародников (10.000 экземпляров). Данные о тираже поясняют читателю *массовый* характер известной проповеди.

Спрашивается, при чем же тут «хаос»? Троцкий любит звонкие и пустые фразы, это — известно, но словечко «хаос» есть *не только* фраза, а *кроме того* есть перенесение (вернее, тщетная попытка перенесения) на русскую почву современной эпохи *заграничных* отношений ¹⁵³ *вчерашней* эпохи. Вот в чем суть дела.

Никакого «хаоса» * нет в борьбе марксистов с народниками. Этого, надо надеяться, *даже* Троцкий не решится утверждать. Борьба марксистов с народниками идет свыше 30 лет, с самого рождения марксизма. Причина этой борьбы — коренное расхождение интересов и точки зрения двух разных классов, пролетариата и крестьянства. «Хаос», если где и есть, то только в головах чудаков, непонимающих этого.

* — беспорядка, неразберихи.

Прил. сост.

Что же остается? «Хаос» борьбы марксистов с ликвидаторами? И опять-таки это неправда, ибо нельзя назвать хаосом борьбу с течением, которое признано всей партией за течение и осуждено с 1908 года. А кто не беззаботен насчет истории марксизма в России, тот знает, что ликвидаторство неразрывно и теснейшим образом даже в смысле состава вождей и участников связано с «меньшевизмом» (1903—1908) и «экономизмом» (1894—1903). Значит, и тут перед нами почти двадцатилетняя история. Относиться к истории собственной партии, как к «хаосу», значит иметь непростительную пустоту в голове.

Но посмотрите на теперешнее положение с точки зрения Парижа или Вены. Сразу все переменится. Кроме «правдивистов» и «ликвидаторов» есть еще не менее пяти русских «фракций», т. е. отдельных групп, желающих причислять себя к одной и той же социал-демократической партии: группа Троцкого, две группы «Вперед», «большевики-партийцы» и «меньшевики-партийцы». В Париже и в Вене (беру для примера два особенно крупных центра) это всем марксистам прекрасно известно.

И тут Троцкий в известном смысле прав: это действительно фракционность, это поистине хаос!

«Фракционность», т. е. номинальное единство (на словах все одной партии) и реальная раздробленность (на деле все группы самостоятельны и вступают друг с другом в переговоры и соглашения, как суверенные державы).

«Хаос», т. е. отсутствие (1) объективных, допускающих проверку, данных о связи этих фракций с рабочим движением в России и (2) отсутствие материала для суждения о подлинной идейной и политической физиономии этих фракций. Возьмите период полных двух лет — 1912 и 1913. Как известно, это — годы оживления и подъема рабочего движения, когда всякое сколько-нибудь похожее на массовое (а в политике только массовое и считается) течение или направление не могло не сказаться на выборах в IV Думу, на стачечном движении, на легальных газетах, на профессиональных союзах, на страховой кампании и т. п. Ни одна, ни единая из этих пяти заграничных фракций за весь этот двухлетний период не проявила себя абсолютно ничем заметным ни на одном из указан-

ных сейчас проявлений массового рабочего движения в России!

Это — факт, который всякому легко проверить.

И этот факт доказывает, что мы были правы, говоря о Троцком как о представителе «худших остатков фракционности».

На словах будучи нефракционным, Троцкий есть заведомо для всех, сколько-нибудь знакомых с рабочим движением в России, представитель «фракции Троцкого», — здесь есть фракционность, ибо налицо оба существенные признака ее: (1) номинальное признание единства и (2) групповая обособленность на деле. Здесь есть остаток фракционности, ибо ничего серьезного в смысле связей с массовым рабочим движением России открыть тут невозможно.

Здесь есть, наконец, худший вид фракционности, ибо нет никакой идейно-политической определенности. Нельзя отказать в этой определенности ни правдистам (даже наш решительный противник Л. Мартов признает у нас «сплоченность и дисциплину» вокруг всем известных формальных решений по всем вопросам), ни ликвидаторам (у них очень определенная, по крайней мере у виднейших из них, физиономия, именно либеральная, а не марксистская).

Нельзя отказать в некоторой определенности части тех фракций, которые, подобно фракции Троцкого, реально существуют исключительно с венско-парижской, отнюдь не с русской точки зрения. Например, определены *махистские*¹⁵⁴ теории у махистской группы «Вперед»; определено решительное отрицание этих теорий и защита марксизма, наряду с теоретическим осуждением ликвидаторов, у «меньшевиков-партийцев».

У Троцкого же нет никакой идейно-политической определенности, ибо патент на «нефракционность» означает лишь (мы сейчас увидим это подробнее) патент на полную свободу перелетов от одной фракции к другой и обратно.

Итого:

1) исторического значения *идейных* расхождений между течениями и фракциями в марксизме Троцкий не объясняет и не понимает, хотя эти расхождения наполняют

двадцатилетнюю историю социал-демократии и касаются основных вопросов современности (как мы еще покажем);

2) основных особенностей *фракционности*, как номинального * признания единства и реальной раздробленности; Троцкий не понял;

3) под флагом «нефракционности» Троцкий отстаивает одну из заграничных фракций особенно бозыдейных и лишенных почвы в рабочем движении России.

Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет.

II. О расколе.

«Если у вас, правдистов, нет фракционности, т.-е. номинального признания единства при раздробленности на деле, то у вас есть худшее — раскольниковство», — возразят нам. Именно так говорит Троцкий, который, не умея продумать своих мыслей и связать концы с концами своих фраз, то вопиет против фракционности, то кричит: «раскол делает одно самоубийственное завоевание за другим» (№ 1, стр. 6).

Смысл этого заявления может быть только один: «правдисты делают одно завоевание за другим» (это объективный, допускающий проверку факт, устанавливаемый изучением массового рабочего движения России хотя бы в 1912 и 1913 годах), но я, Троцкий, осуждаю правдистов (1) как раскольников и (2) как самоубийственных политиков.

Разберемся в этом.

Прежде всего поблагодарим Троцкого: недавно (с августа 1912 г. по февраль 1914 г.) он шел за Ф. Даном, который, как известно, грозил и призывал «убить» антиликвидаторство. Теперь Троцкий не грозит «убить» наше направление (и нашу партию — не сердитесь, гражданин Троцкий, это ведь правда!), а только пророчит, что оно само убьет себя!

Это — гораздо мягче, не правда ли? Это — почти «нефракционно», не так ли?

* — существующего только по имени.

Прим. сост.

Но шутки в сторону (хотя шутка есть единственный способ мягкого отклика на невыносимое фразерство Троцкого).

«Самоубийство» — просто фраза, пустая фраза, один «троцкизм».

Раскольничество есть серьезное политическое обвинение. Это обвинение повторяют против нас на тысячах ладов и ликвидаторы, и все, перечисленные выше, с точки зрения Парижа и Вены несомненно существующие, группы.

И все они повторяют это серьезное политическое обвинение удивительно несерьезно. Посмотрите на Троцкого. Он признал, что «раскол делает (читай: правдисты делают) одно самоубийственное завсевание за другим». Он добавляет к этому:

«Многочисленные передовые рабочие в состоянии полной политической гастерянности сами становятся нередко деятельными агентами раскола» (№ 1, стр. 6).

Можно ли найти образцы более несерьезного отношения к вопросу, чем то, которое вскрывается этими словами?

Вы нас обвиняете в раскольничестве, тогда как мы перед собой на арене рабочего движения в России ровно ничего, кроме ликвидаторства, не видим. Значит, вы находите неправильным наше отношение к ликвидаторству? И действительно, все перечисленные выше заграничные группы, как ни сильно они друг от друга отличаются, сходятся именно в том, что наше отношение к ликвидаторству признают неправильным, «раскольническим». В этом состоит также сходство (и существенное политическое сближение) *всех* этих групп с ликвидаторами.

Если наше отношение к ликвидаторству теоретически, принципиально неправильно, то об этом следовало бы Троцкому *прямо* сказать, *определенно* заявить, без обиняков указать, в чем он видит эту неправильность. Троцкий *годами* избегает, однако, этот существенный пункт.

Если практически, в опыте движения опровергается наше отношение к ликвидаторству, надо разобрать этот опыт, чего Троцкий опять-таки не делает. «Многочислен-

ные передовые рабочие, — признает он, — становятся *дейтельными агентами* раскола» (читай: *дейтельными агентами* правдистской линии, тактики, системы организации).

Почему же это происходит такое печальное явление, подтверждаемое, по признанию Троцкого, опытом, что *передовые рабочие*, и притом *многочисленные*, стоят за «Правду»?

Вследствие «полной политической растерянности» этих передовых рабочих, — отвечает Троцкий.

Объяснение, слов нет, чрезвычайно лестное для Троцкого, для всех пяти заграничных фракций и для ликвидаторов.. Троцкий очень любит давать, «с ученым видом знатока», с напыщенными и звонкими фразами, лестные для Троцкого объяснения исторических явлений. Если «многочисленные передовые рабочие» становятся «дейтельными агентами» политической и партийной линии, несогласующейся с линией Троцкого, то Троцкий решает вопрос, не стесняясь, сразу и напрямик: эти передовые рабочие находятся «в состоянии полной политической растерянности», а он, Троцкий, очевидно, «в состоянии» политической твердости, ясности и правильности линии!.. И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность, кружковщину, интеллигентское навязывание своей воли рабочим!..

Право, читая такие вещи, невольно спрашиваешь себя, не из сумасшедшего ли дома раздаются подобные голоса?

Перед «передовыми рабочими» вопрос о ликвидаторстве и его осуждении поставлен партией: с 1908 года, а вопрос о расколе с точно определенной группой ликвидаторов (именно: группой «Нашей Зари»), т.-е. о невозможности строить партию иначе, как *без* этой группы и против нее, этот последний вопрос поставлен в январе 1912 года, более двух лет тому назад. Передовые рабочие в огромном большинстве высказались именно *за* поддержку «январской (1912 г.) линии». Троцкий сам признает этот факт словами о «завоеваниях» и о «многочисленных передовых рабочих». И Троцкий отделяется тем, что просто *бранит* этих передовых рабочих «раскольниками» и «политически-растерянными»!

Люди, не сошедшие с ума, сделают из этих фактов иной вывод. Там, где сплотилось *большинство* сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть *единство* мнений и действий, там есть партийность и партия.

Там, где мы видели ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, или с полдюжины заграничных групп, за два года *ничем* не доказавших своей связи с массовым рабочим движением России, там, именно, царит растерянность и *раскольничество*. Пытаясь теперь убедить рабочих *не исполнять решений* того «целого», которое признают марксисты-правдисты, Троцкий *пытается* дезорганизовать движение и вызвать раскол.

Эти попытки бессильны, но надо же разоблачить заравнявшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года *полное поражение* перед «передовыми рабочими», с невероятной наглостью *плочут* на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически-растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева* или Иудушки Головлева**.

И, по должности публициста, мы на повторяемые крики о расколе не устанем повторять *точные* данные, неопровергаемые и неопровержимые. Во II Думе было в рабочей курии 47% депутатов большевиков, в III—50%, в IV—67%.

Вот где большинство «передовых рабочих», вот где партия, вот где единство мнений и действий большинства сознательных рабочих.

Ликвидаторы возражают (см. Буренина, Л. М., в № 3 «Нашей Зари»), что мы пользуемся аргументами от столыпинских курий. Это — неразумное и недобросовестное возражение. Немцы измеряют свои успехи выборами по бисмарковскому избирательному закону, отстраняющему женщин. Только сумасшедшие могли бы попрекнуть за это немецких марксистов, которые меряют свои успехи

* — персонаж из «Мертвых душ» Гоголя, самодур-помещик.

** — герой из «Братьев Головлевых» Салтыкова-Щедрина, лицемер, ханжа.

Прим. сост.

Прим. сост.

при данном избирательном законе, отнюдь не оправдывая его реакционных урезок.

Так и мы, ни курий, ни курцальности не защищая, меряли свои успехи при данном избирательном законе. Курии были при всех трех (II, III, IV) Думах и *внутри* одной и той же рабочей курии, *внутри* социал-демократии произошла *полная* передвижка против ликвидаторов. Кто не хочет обманывать себя и других, тот должен признать этот объективный факт победы *рабочего единства* против ликвидаторов.

Другое возражение не менее «умно»: «за такого-то и такого-то большевика голосовали (или на выборах участвовали) меньшевики и ликвидаторы». Прекрасно! А не относится ли это и к 53% депутатов *небольшевиков* II Думы, к 50% III Думы, к 33% IV Думы?

Если бы можно было вместо данных о депутатах взять данные о выборщиках или уполномоченных от рабочих и т. п., мы с охотой взяли бы их. Но таких, более подробных данных *нет*, и, следовательно, «возражатели» просто бросают публике песок в глаза.

А данные о рабочих группах, помогавших газетам разных направлений? За два года (1912 и 1913) 2.801 группа за «Правду» и 740 за «Луч»*. Всякий может проверить эти цифры и никто не пытался опровергать их.

Где же тут *единство действий и воли большинства* «передовых рабочих» и где *нарушение* воли большинства?

«Нефракционность» Троцкого есть именно раскольничество в смысле самого беззастенчивого нарушения воли большинства рабочих.

III. О распаде августовского блока.

Но есть еще способ, и очень важный, проверить правильность и правдивость бросаемых Троцким обвинений в раскольничестве.

Вы находите, что именно «ленинцы» — раскольники? Хорошо. Допустим, что вы правы.

* По 1 апреля 1914 года предварительный подсчет дал 4.000 групп за «Правду» (с 1 января 1912 года) и 1.000 за ликвидаторов плюс всех их союзников.

Но если вы правы, почему же все остальные фракции и группы не доказали *без* «ленинцев» и *против* «раскольников» возможности единства с ликвидаторами?.. Если мы—раскольники, почему же вы, объединители, не объединились между собой с ликвидаторами? Ведь этим вы на деле показали бы рабочим возможность единства и пользу его!..

Припомним хронологию.

В январе 1912 года «раскольники» «ленинцы» *объявляют*, что они—партия *без* ликвидаторов и *против* них.

В марте 1912 года против этих «раскольников» *объединяются* в своих русских листках и на страницах немецкой социал-демократической газеты «Vorwärts» ¹³⁵ все группы и «фракции», ликвидаторы, троцкисты, впередовцы, «большевики-партийцы», «меньшевики-партийцы». Все вместе дружно, единодушно, согласно, едино ругают нас «узурпаторами» *, «мистификаторами» ** и прочими, не менее пезными и ласковыми прозвищами.

Очень хорошо, господа! Но чего же вам легче было, как соединиться *против* «узурпаторов» и показать «передовым рабочим» пример *единства*? Неужели передовые рабочие, если бы они видели, с одной стороны, единство всех против узурпаторов, единство и ликвидаторов и *неликвидаторов*, а с другой стороны — *одних* «узурпаторов», «раскольников» и проч., не поддержали бы первых??

Если разногласия только выдуманы или раздуты и т. п. «ленинцами», а на деле *возможно* единство ликвидаторов, плехановцев, впередовцев, троцкистов и проч., то отчего не доказали вы этого за два года *своим* примером?

В августе 1912 года собралась конференция «объединителей». Сразу началось *разъединение*: плехановцы все отказались идти, впередовцы пошли, но ушли с протестом и с разоблачением фиктивности всей затеи.

«Объединились» ликвидаторы, латыши, троцкисты (Троцкий и Семковский), кавказцы, семерка ***. Объеди-

* — захватчиками.

** — обманщиками.

*** — депутаты-ликвидаторы в IV Гос. Думе.

нились ли? Мы заявили тогда же, что нет, что это лишь прикрытие ликвидаторства. Опровергли ли нас события?

Ровно через полтора года, в феврале 1914 года, оказывается:

1. Что семерка распадается — Бурьянов уходит от нее
2. Что в оставшейся новой «шестерке» Чхеидзе¹⁵⁹ и Туляков¹⁵⁷ или кто-то другой не могут спеться насчет ответа Плеханову. Они в печати заявляют, что ответят ему, и не могут ответить.

3. Что Троцкий, фактически уже много месяцев исчезнувший из «Луча», отказывается, издавая «свой» журнал: «Борьба». Называя этот журнал «нефракционным», Троцкий ясно говорит этим (ясно для всех, кто сколько-нибудь знаком с делом), что «Наша Заря» и «Луч» оказались по его, Троцкого, мнению, «фракционными», т.-е. плохими объединителями.

Если вы — объединитель, любезный Троцкий, если вы объявляете возможным единство с ликвидаторами, если вы вместе с ними стоите на позиции «основных идей, формулированных в августе 1912 года» («Борьба» № 1, стр. 6, «От редакции»), то отчего же вы сами не объединились с ликвидаторами в «Нашей Заре» и в «Луче»?

Когда в «С. Р. Газете» еще до выхода журнала Троцкого появилась злая заметка о «невьясненной» физиономии журнала и о том, что «в марксистских кругах довольно много говорили» о нем, то «Путь Правды» (№ 37), естественно, должен был разоблачить неправду: «в марксистских кругах говорили» о секретной записке Троцкого против лучистов; физиономия Троцкого и его откол от августовского блока вполне «выяснены».

4. Ан, известный вождь кавказских ликвидаторов, выступивший было против Л. Седова (и получивший за это публичную головомойку от Ф. Дана и К^о), появляется теперь в «Борьбе». Остается «невьясненным», с Троцким или с Даном желают теперь итти кавказцы?

5. Латышские марксисты, бывшие единственной вполне бесспорной организацией в «августовском блоке», формально вышли из него, заявив (1914 г.) в резолюции своего последнего конгресса, что:

«попытка со стороны примирителей объединиться во что бы то ни стало с ликвидаторами (августовская конференция 1912 года) оказалась бесполезной, и объединители сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов».

Это заявила, после полугодового опыта, организация, которая сама стоит на *нейтральной* позиции, не желая вступать в связь *ни с одним* из двух центров. Тем более веско должно быть для Троцкого это решение *нейтральных* людей!

Кажется, довольно?

Люди, нас обвинявшие в расколистичестве, в нежелании или неумении ужиться с ликвидаторами, *сами* не ужились с ними. Августовский блок оказался фикцией и распался.

Скрывая от своих читателей этот распад, Троцкий обманывает их.

Опыт наших противников доказал нашу правоту, доказал невозможность работы с ликвидаторами.

IV. Советы примиренца «семерке».

В редакционной статье № 1 «Борьбы»: «Раскол думской фракции» содержатся советы примиренца семерке ликвидаторствующих (или колеблющихся в сторону ликвидаторства) депутатов Государственной Думы. Гвоздь этих советов — следующая фраза:

«обращаться к шестерке в первую очередь во всех случаях, когда необходимо соглашение с другими фракциями...» (стр. 29).

Вот — разумный совет, из-за которого, между прочим, расходится, видимо, Троцкий с ликвидаторами-лучистами. С самого начала борьбы двух фракций в Думе, с резолюции летнего (1913) совещания ¹⁶⁸ правдисты стояли именно на этой точке зрения. Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция неоднократно и после раскола в *печати* заявляла, что продолжает стоять на этой позиции, вопреки повторным отказам «семерки».

С самого начала, с резолюции летнего совещания, мы думали и думаем, что *соглашения* по вопросам думской работы желательны и возможны: если такие соглашения неоднократно практиковались с мелкобуржуазными кре-

стьянскими демократами (трудовиками), то тем более, разумеется, возможны и необходимы они с мелкобуржуазными, либеральными рабочими политиками.

Не надо преувеличивать разногласий и надо смотреть действительности прямо в лицо: «семерка». — колеблющиеся в сторону ликвидаторства люди, вчера шедшие вполне за Даном, сегодня с тоской переводящие свои взгляды с Дана на Троцкого и обратно. Ликвидаторы, это — отколовшаяся от партии группа легалистов, проводящая либеральную рабочую политику. В виду отрицания ими «подполья», ни о каком единстве с этой группой, в делах партийного строительства и рабочего движения, не может быть и речи. Кто думает иначе, тот глубоко заблуждается, не учитывая глубины происшедших после 1908 года перемен.

Но *соглашения* с этой внепартийной или околопартийной группой по отдельным вопросам, конечно, допустимы: мы и эту группу, как и трудовиков, всегда должны заставлять делать выбор между рабочей (правдистской) и либеральной политикой. Например, в вопросе о борьбе за свободу печати у ликвидаторов ясно обнаружались колебания между либеральной постановкой вопроса с отрицанием или забвением бесцензурной печати и обратной, рабочей, политикой.

В пределах *думской* политики, где не ставится непосредственно самых важных *внедумских*, вопросов, соглашения с семеркой либеральных рабочих депутатов возможны и желательны. По этому пункту Троцкий от ликвидаторов перешел к позиции партийного «летнего (1913) совещания».

Не надо забывать только, что с точки зрения внепартийной группы под соглашением разумеется совсем не то, что понимают под этим обычно партийные люди. Для непартийных людей «соглашение» в Думе есть «выработка тактической резолюции или линии». Для партийных людей соглашение есть попытка *привлечь* других к осуществлению партийной линии.

Например, у трудовиков партии нет. Под соглашением они разумеют «вольную», так сказать, «выработку» линии, сегодня с кадетами, завтра с социал-демократами.

Мы же под соглашением с трудовиками разумеем совсем не то: у нас есть партийные решения по всем важным вопросам тактики, и никогда мы от этих решений отступать не будем; соглашаться же с трудовиками для нас значит *привлекать их на свою сторону, убеждать их в нашей правоте, не отказываться от общих действий против черносотенцев и против либералов.*

До какой степени Троцкий забыл (недаром все же побывал у ликвидаторов!) это элементарное различие о соглашениях с партийной и беспартийной точки зрения, показывает следующее его рассуждение:

«Необходимо, чтобы доверенные лица Интернационала свели обе части нашего расколовшегося парламентского представительства и совместно с ними рассмотрели, что их объединяет и что их раскалывает... Может быть, выработанная детальная тактическая резолюция, формулирующая основы парламентской тактики...» (№ 1, стр. 29—30).

Вот — характерный и типичнейший образчик ликвидаторской постановки вопроса! О партии журнал Троцкого забывает: стоит ли помнить о подобной мелочи, в самом деле?

Когда в Европе (Троцкий любит некстати говорить об европеизме) соглашаются или объединяются различные партии, то дело бывает так: представители их сходятся и выясняют прежде всего пункты расхождения (именно то, что Интернационал и поставил на очередь для России, отнюдь не включив в резолюцию необдуманного утверждения Каутского, будто «старой партии нет»). Выяснив пункты расхождения, представители намечают, *какие решения* (резолюции, условия и т. п.) по вопросам тактики, организации и т. д., *должны быть представлены съездом обеих партий.* Если удастся наметить проект единых решений, съезды решают, принять ли их; если намечаются *различные предложения*, то их равным образом окончательно обсуждают съезды обеих партий.

Для ликвидаторов и Троцкого «симпатичны» лишь *европейские* образцы оппортунизма, но вовсе не образцы европейской партийности.

«Детальную тактическую резолюцию» будут вырабатывать думские депутаты!.. Русские «передовые рабочие»

которыми недаром так недоволен Троцкий, могут наглядно видеть на этом примере, до чего доходит в Вене и в Париже смехотворное прожекторство заграничных группочек, уверивших даже Каутского, что в России «партии нет». Но если иностранцев иногда удастся обмануть на этот счет, то русские «передовые рабочие» (под страхом вызвать новое недовольство грозного Троцкого) рассмеются в лицо этим прожекторам.

«Детальные тактические резолюции, — скажут они им, — вырабатываются у нас партийными съездами и конференциями (не знаем, как у вас, беспартийных), например, 1907, 1908, 1910, 1912 и 1913 годов. Мы с удовольствием познакомим несведущих иностранцев, а также забывчивых русских, с нашими партийными решениями и еще с большим удовольствием попросим представителей «семерки» или «августовцев» или «левицевцев» или кого угодно познакомить нас с резолюциями их съездов и конференций, внести на их будущий съезд определенный вопрос об отношении к нашим резолюциям или к резолюции нейтрального латышского съезда 1914 года и т. д.»

Вот что скажут «передовые рабочие» России разным прожекторам, — вот что *уже сказали*, например, в марксистской печати организованные марксисты Петербурга. Троцкому уютно игнорировать эти напечатанные условия для ликвидаторов? Тем хуже для Троцкого. Нам долгие предупредить читателей насчет того, как смешно «объединительное» (по типу августовского «объединения») прожекторство, не желающее считаться с волей большинства сознательных рабочих России.

V. Ликвидаторские взгляды Троцкого.

О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды» (№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука. Вот почему, между прочим, мы говорим о худшей фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть без всякой идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, то целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

«Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям *рабочей* партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс...» (5).

Это — давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к *отрицанию* партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 ¹⁵⁹ годов создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция вела за собой рабочий класс»!!?

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой.

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи.	Сельским хозяйством.	Промышленностью и торговлей.	Либеральными професс. и учащими.	Неопределен. занятий и без занятий.
1884-1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901-1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-е годы, когда *не* было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет *меньшинство* среди участников движения, *рабочих* («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское *крыло* социал-демократии, начиная с «экономизма (1895—1903), продол-

жая «меньшевизмом» (1903—1908) ¹⁶⁰ и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии.

Вот другой пример:

«Русская социал-демократия в своем отношении к парламентаризму прошла те же три стадии... (что и в других странах)... сперва «бойкотизм»... далее принципиальное признание парламентарной тактики, но... (великолепное «но», то самое «но», которое Щедрин переводил фразой: не растут уши выше лба, не растут!)... с чисто агитационными целями... и, наконец, перенесение на думскую трибуну... очередных требований...» (№ 1, стр. 34).

Опять ликвидаторское искажение истории. Различие второй и третьей стадии придумано для того, чтобы тайком провести защиту реформизма и оппортунизма. Бойкотизма, как стадии в «отношении к парламентаризму социал-демократии», не было *ни* в Европе (там был и остался анархизм), *ни* в России, где бойкот, например, Булыгинской Думы относился *только* к определенному учреждению, *никогда* не связывался с «парламентаризмом» и был порожден своеобразной борьбой либерализма и марксизма за продолжение натиска. Как эта борьба отразилась на борьбе двух течений внутри марксизма, Троцкий и не заикается!

Если касаться истории, надо раз'яснить конкретные вопросы и классовые корни разных течений; кто пожелает по-марксистски изучить борьбу классов и борьбу течений из-за участия в Булыгинской Думе, тот увидит там корни либеральной рабочей политики. Но Троцкий «касается» истории, чтобы *обойти* конкретные вопросы и *сочинить* оправдание или подобие оправдания для современных оппортунистов!

«...Фактически всеми течениями, — пишет он, — применяются одни и те же методы борьбы и строительства». — «Крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность» (№ 1, стр. 5 и 35).

Это очень ясная защита ликвидаторов и очень сердитая. Но мы позволим себе все же взять хоть один маленький факт из тех, что поновее — Троцкий бросает только

фразы, мы бы желали, чтобы рабочие сами обдумывали факт.

Факт — что «С.-Р. Газета» в № от 13 марта писала:

«Вместо подчеркивания определенной, конкретной задачи, стоящей перед рабочим классом,—заставить Думу отклонить законспроект (о печати), выдвигается расплывчатая формула борьбы за „неурезанные лозунги“ наряду с рекламированием нелегальной печати, которое способно только ослабить борьбу рабочих за свою легальную прессу».

Вот документальная, ясная, точная защита ликвидаторской политики и критика правдистской. Что же? найдется ли грамотный человек, который скажет, что оба течения применяют в данном вопросе «одни и те же методы борьбы и строительства»? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что ликвидаторы не проводят здесь либеральной рабочей политики? Что либеральная опасность в рабочем движении здесь выдумана?

Троцкий потому и избегает фактов и конкретных указаний, что они беспощадно опровергают все его сердитые возгласы и напыщенные фразы. Конечно, встать в позу и сказать: «грубая сектантская карикатура» — очень легко. Подбавить еще похлестче, еще понапыщеннее словечек о «раскрепощении от консервативной фракционности» тоже не трудно.

Только не очень ли уж это дешево? Не взято ли это оружие из арсенала той эпохи, когда Троцкий блистал перед гимназистами?

«Передовые рабочие», на которых сердит Троцкий, пожелают все же, чтобы им сказали прямо и ясно: одобряете ли вы тот «метод борьбы и строительства», который точно выражен в приведенной оценке конкретной политической кампании? да или нет? если да, то это есть либеральная рабочая политика, это есть измена марксизму и партии, и говорить о «мире» или о «единстве» с такой политикой, с группами, ее проводящими, значит обманывать себя и других.

Нет? — так скажите прямо. А фразами нынешнего рабочего не удивишь, не удовлетворишь и не залугаешь.

Кстати сказать: политика, проповедуемая ликвидаторами в приведенной цитате, даже с либеральной точки

зрения глупа, ибо проведение закона в Думе зависит от «земцев-октябристов» типа Беннигсена, уже раскрывшего свои карты в Комиссии.

Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры»¹⁰¹ (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов¹⁰² назвал его роль на съезде 1903 г. ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — ярый меньшевик, т.е. от искровцев перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию»¹⁰³. В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург¹⁰⁴.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, *по сути дела* их же идейки.

Такие типы характерны как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле *единство* большинства на почве полного признания указанных решений.

«Просвещение» № 5,
май 1914 г.

Рабочий класс и рабочая печать.

Нет задачи для сознательных рабочих важнее той, чтобы *понять значение* своего движения и *точно познать* его. Единственный, — но зато и непобедимый, — источник силы рабочего движения, это — *сознательность* рабочих и широта их борьбы, т.-е. участие в ней *массы* наемных рабочих.

Марксистская печать в С.-Петербурге, существуя уже годы, дает единственный, превосходный, незаменимый, допускающий проверку всяким и каждым, материал о широте рабочего движения и о господстве в нем разных направлений. Обходить этот материал, как делают либералы и ликвидаторы, могут лишь люди, желающие скрыть истину.

Полные данные о сборах на «правдистские» (марксистские) и ликвидаторские газеты в С.-Петербурге с 1 января по 13 мая 1914 г. разработал тов. В. А. Т. Мы печатаем полностью составленную им таблицу, а в тексте статьи будем иногда, чтобы не слишком затруднять читателя цифрами, приводить округленные данные. „

Вот таблица товарища В. А. Т., помещенная на стр. 166.

Прежде всего остановимся на данных о *числе* рабочих групп. Эти данные есть за все время существования и «правдистских» и «ликвидаторских» газет. Число *рабочих* групп было:

	Правд. газ.	Ликвида- торск. газ.
За весь 1912 год	620	89
За весь 1913 год	2.181	661
1914 г., с 1 янв. по 13 мая	2.873	671
Всего	5.674	1.421

Общее число групп 7.095. Конечно, есть группы, делавшие сборы неоднократно, но о числе таких групп данных не имеется.

Мы видим, что ликвидаторам сочувствует *всего* $\frac{1}{5}$ (одна пятая) общего числа рабочих групп. «Правдизм», правдистские решения, правдистская тактика *объединили* за $2\frac{1}{2}$ года $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Этот факт единства рабочих полезно сопоставлять с фразами о «единстве» со стороны разных интеллигентских группок, «впередовцев», «плехановцев», «троцкистов» и пр. и пр.

Сравним данные за 1913 и 1914 годы (за 1912 г. данные несравнимы, ибо «Правда» возникла в апреле, а «Луч» 5 месяцев позже). Мы увидим, что число правдистских групп увеличилось на 692, т.-е. на 31,7%, а число ликвидаторских на 10, т.-е. на 1,7%. Следовательно, готовность рабочих поддерживать правдистские газеты возрастала в 20 раз быстрее, чем готовность их поддерживать ликвидаторские газеты.

Посмотрим на распределение рабочих обоих направлений по всей России:

	Процент рабочих групп.	
	Правдистских	Ликвидаторских
В С.-Петербурге	86%	14%
» Москве	83%	17%
» провинции	68%	32%

Вывод ясен: чем развитее рабочие массы, чем выше их сознательность и политическая активность, тем сильнее преобладание правдистов среди рабочих. В Питере ликвидаторы совсем почти вытеснены (14 из 100); кое-как держатся они продолжают еще в провинции (32 из 100), где массы наименее разбираются в политике.

Крайне поучительно отметить, что данные совсем из другого источника, именно: о составе уполномоченных от рабочих по выборам в страховые учреждения, замечательно близко сходятся с данными о рабочих группах. При выборах в столичное присутствие было 37 уполномоченных правдистов и 7 ликвидаторов, т.-е. 84% и 16%. Из всего числа уполномоченных правдисты составляли 70% (37 из 53), а на выборах в *всероссийское* страховое учре-

ждение 47 из 57, т.-е. 80%. Ликвидаторы, беспартийные и народники — небольшое меньшинство рабочих, остающихся еще под буржуазным влиянием.

Далее. Вот интересные данные о средней величине сборов от рабочих групп:

	Средняя сумма сбора от рабоч. групп.	
	Правдистских.	Ликвидаторских.
В С.-Петербурге	6 р. 88 к.	7 р. 24 к.
» Москве	6 р. 65 к.	10 р. 54 к.
» провинции	5 р. 74 к.	8 р. 28 к.
По России	6 р. 58 к.	7 р. 89 к.

Правдистские группы показывают нам естественное, понятное, нормальное, так сказать, явление: по мере повышения среднего заработка рабочих масс, повышается средний взнос средней рабочей группы.

У ликвидаторов же, помимо особого скачка московских групп (их всего 25!), наблюдаем *более высокий* взнос провинциальных групп по сравнению с питерским!! Чем можно объяснить это странное явление?

Достоверный ответ на этот вопрос может дать лишь более подробная разработка данных, требующая много труда. Предположительный ответ наш таков: ликвидаторы объединяют меньшинство наилучше оплачиваемых рабочих из некоторых слоев промышленности. Во всем мире наблюдалось, что такие рабочие прочнее всего держатся за либеральные и оппортунистические идеи. У нас в Питере дольше всего терпели ликвидаторов печатники, и лишь на последних выборах в их союзе, 27 апреля 1914 года, правдисты завоевали половину в списке членов правления и большинство в списке кандидатов к ним. А печатники во всех странах наиболее склонны к оппортунизму, и некоторые разряды их наилучше оплачиваются.

Если наш вывод о сочувствии ликвидаторам меньшинства из рабочей аристократии является лишь предположительным, то относительно *отдельных лиц* дело не подлежит никакому сомнению. Из нерабочих взносов *больше половины* составляют взносы от отдельных лиц (531 из 713 у нас; 266 из 453 у ликвидаторов). Средний размер

Сборы на газеты марксистские «правдистские» (правд.) и «ликвидаторские» (ликв.) в С.-Петербурге.

С 1 января по 13 мая 1914 года.

ОТ КОГО ШЛИ СБОРЫ.	С.Петербург.		Москва.		Повинция.		Всего.																	
	Правд.	Личв.	Правд.	Личв.	Правд.	Личв.	Правд.	Личв.																
Число сборов	Собран. сумма	Число сборов	Собран. сумма	Число сборов	Собран. сумма	Число сборов	Собран. сумма	Число сборов	Собран. сумма															
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.															
Группы рабочих Всего не от рабочих	2024 325	13943 1256	24308 92165	2231 1799	98130 40	865 260	25 51	263 1137	52 30	719 332	4125 1082	66338 79230	2809 2113	62 90	2873 713	18934 2650	10 01	671 453	5296 6759	12 77				
В том числе:																								
Группы учащихся и молодежи . . .	26	369	49	19	292	13	8	119	30	3	21	—	20	162	13	23	317	09	54	650	92	45	630	22
Группы «сторонни- ков», «друзей» и т.п.	8	164	—	14	429	95	6	42	10	5	892	—	78	252	72	35	129	33	42	458	82	54	2450	60
Остальные группы	2	8	—	6	72	60	1	2	—	—	—	—	30	115	9	24	118	52	33	125	29	30	186	12
Опекаемые лица .	281	650	96	120	466	72	29	63	61	14	197	80	221	332	05	12	443	80	531	1046	62	266	1608	32
Неуказано от кого	8	64	47	6	38	70	2	33	50	2	26	50	31	220	60	16	110	14	43	318	57	24	175	34
Из-за границы . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	49	79	34	1709	17
Итого . . .	349	15200	16	473	4031	33	176	1126	51	49	1400	82	1051	5208	65	568	4914	53	3586	21584	52	1124	12055	89

такого взноса у нас — 1 р. 97 коп., у ликвидаторов — 6 р. 5 к.!!

Ясно, что в первом случае речь идет о низших служащих, чиновниках и т. п. мелкобуржуазных элементах полупролетарского характера. У ликвидаторов же мы видим богатых друзей из буржуазии.

Еще определеннее эти богатые друзья из буржуазии выступают перед нами в виде «групп сторонников, друзей и т. п.». Нам эти группы дали 458 р. 82 к., т. е. 2% общей суммы сборов, при чем средний сбор одной группы — 10 р. 92 к., всего в $1\frac{1}{2}$ раза больше среднего сбора рабочей группы. Ликвидаторам же рассматриваемые группы дали 2.450 р. 60 к., т. е. *свыше* 20% общей суммы сборов, а средний сбор одной группы = 45 р. 39 к., т. е. *в шестеро* больше среднего сбора рабочей группы!!

Прибавляем сюда за границу, где главный источник денежных сборов — буржуазное студенчество. Нам за граница дала 49 р. 79 к., т. е. меньше $\frac{1}{4}$ %; ликвидаторам — 1.709 р. 17 к., т. е. 14%.

Соединяя вместе отдельных лиц, «сторонников, друзей» и за границу, получаем итог сборов из этих источников:

У правдивов — 1.555 р. 23 к., т. е. 7% всех сборов.

У ликвидаторов — 5.768 р. 9 к., т. е. 48% всех сборов.

У нас этот источник дает меньше $\frac{1}{10}$ по сравнению с рабочими группами (18.934 р.). У ликвидаторов *больше*, чем рабочие группы (5.296 р.)!!

Вывод ясен: ликвидаторская газета *не* рабочая газета, а *буржуазная* газета. Она содержит, главным образом, на средства *богатых друзей из буржуазии*.

Действительная зависимость ликвидаторов от буржуазии гораздо больше, чем показывают наши данные. Дело в том, что правдивистские газеты *много раз* публиковали во всеобщее сведение свои финансовые отчеты. Из них было видно, что газета, добавляя к доходу и сборы, окупается. При тираже в 40.000 (среднее за май 1914 г.) это понятно, несмотря на конфискации и недостатки объявлений. Ликвидаторы же *только раз* (№ 101 «Луча») напечатали свой отчет, показывающий дефицит в 4.000 руб., а потом перешли к обще-буржуазному обычаю: не публиковать отчетов. При 15.000 тираже их газеты дефицит неизбежен,

и покрывают его, очевидно, еще и еще богатые друзья из буржуазии.

Либеральные рабочие политики любят намекать об «открытой рабочей партии», но открыть действительным рабочим свою действительную зависимость от буржуазии они не хотят! Приходится нам, подпольщикам, учить ликвидаторов-либералов пользе открытых отчетов...

В общем итоге соотношение рабочих и нерабочих сборов таково:

	Из каждого рубля сборов в газеты.	
Приходится сборов:	правдивистов	ликвидаторов
от рабочих	87 коп.	44 коп.
не от рабочих	13 коп.	56 коп.
Всего	1 руб.	1 руб.

Правдивисты на $\frac{1}{4}$ пользуются помощью буржуазии, причем, как мы видели, наиболее демократических и наименее состоятельных слоев ее. Ликвидаторское предприятие есть главным образом буржуазное предприятие, за которым идет еще меньшинство рабочих.

Данные об источнике сборов указывают нам и на классовое положение читателей-покупателей газеты.

Добровольные взносы поступают лишь от постоянных читателей, наиболее сознательно сочувствующих направлению газеты. И, в свою очередь, направление газеты волей-неволей «приспосаблиется» к наиболее «влиятельному» слою газетной аудитории.

Выводы из наших данных вытекают, во-первых, теоретические, т.е. служащие к познанию рабочим классом условий своего движения; во-вторых, практические, дающие прямые указания для нашей работы.

Иногда говорят, что в России две рабочие печати. Недавно это повторил даже Плеханов. Но это неверно. Говорящие так обнаруживают либо свое полное невежество, либо тайное желание помочь ликвидаторам проводить буржуазное влияние на рабочих. Партийные решения давно и неоднократно (например, в 1908 и 1910 г.г.) указывали точно, ясно и прямо буржуазный характер ликвидаторства. В статьях марксистской печати эта истина разъяснялась сотни раз.

Опыт ежедневной газеты, открыто обращающейся к массам, неминуемо должен был вскрыть действительный *классовый* характер ликвидаторского течения. Опыт вскрыл его. Ликвидаторская газета оказалась на деле буржуазным предприятием, ведущим за собой меньшинство рабочих.

Не забудем, кроме того, что ликвидаторская газета почти до весны 1914 года была органом августовского блока. От него отпали только теперь латыши, от ликвидаторов ушли и уходят Троцкий, Эм-Эль Ан, Бурьянов, Югоров; блок продолжает распадаться. Ближайшее будущее неизбежно вскроет еще яснее и буржуазный характер ликвидаторского течения, и безжизненность интеллигентских группок: впередовцев, плехановцев, троцкистов и т. п.

Практические выводы можно свести в следующие пункты:

1) Число—5.674 рабочие группы, объединенные правдистами менее, чем за 2½ года, довольно значительно при тяжелых русских условиях. Но это лишь начало. Нам нужны не тысячи, а десятки тысяч рабочих групп. Работу надо удешевить. Собранные копейками от сотен рабочих 10 рублей важнее и ценнее, как в идейном, так и в организационном значении, чем 100 р. от богатых друзей из буржуазии. Даже в финансовом отношении опыт заставит признать, что на рабочие копейки можно поставить прочную рабочую газету, а на буржуазные рубли невозможно. Ликвидаторское предприятие есть мыльный пузырь, который должен лопнуть и лопнет.

2) Особенно отстала у нас провинция, где за ликвидаторами идет целых 32% рабочих групп!! Всякий сознательный рабочий должен наперечь все усилия, чтобы положить конец этому печальному и постыдному явлению. На провинцию надо налечь изо всех сил.

3) Сельские рабочие, видимо, почти вовсе еще не затронуты движением. Как ни трудна здесь работа, ее надо вести самым упорным и настойчивым образом.

4) Как мать заботливо ухаживает за больным ребенком и лучше кормит его, так сознательные рабочие должны заботливее ухаживать за районами и фабриками,

где рабочие болеют ликвидаторством. Эта, идущая от буржуазии, болезнь неизбежна в молодом рабочем движении, но при правильном уходе и настойчивом лечении она проходит, не оставляя на рабочих особенно вредных следов на всю жизнь. Усерднее кормить больных рабочих марксистской литературой, — заботливее и популярнее раз'яснять историю и тактику партии, смысл партийных решений о буржуазном характере ликвидаторства, — обстоятельнее останавливаться на безусловной необходимости пролетарского единства, то-есть, подчинения меньшинства рабочих большинству, то-есть подчинения одной пятой четырем пятым сознательных рабочих России. Такова одна из наших важнейших задач.

В. Ильин. Сборник «Марксизм
и ликвидаторство», часть II.

Либеральная буржуазия и ликвидаторы.

Главная партия российской либеральной буржуазии, кадетская, насчитывает в своем главном штабе не мало людей с европейским образованием. В наше время нельзя быть образованным человеком, если не иметь общего знакомства с марксизмом и с западно-европейским рабочим движением.

У российских кадетов, при обилии буржуазной интеллигенции в их партии, разумеется, есть такое знакомство, есть даже ряд людей, которые сами были в молодости марксистами или почти марксистами и которые «поумнели» с годами и стали либеральными обывателями.

Все это объясняет разницу в отношениях старых, европейских и новых, российских, либералов к социал-демократии.

Первые боролись против ее возникновения, отрицая ее право на существование, вторые вынуждены примириться с фактом: «Мы не сомневаемся, — пишет передовица «Речи» (№ 287), — что социал-демократии суждено в России сделаться открытой политической партией пролетариата». Борьба против социал-демократии гриняла поэтому у наших либералов форму борьбы за оппортунизм среди социал-демократии.

Бессильные помешать возникновению и росту социал-демократии, наши либеральные буржуа всю заботу направили на то, чтобы она росла по-либеральному. Отсюда — многолетние и систематические стремления наших кадетов поддерживать оппортунизм (и особенно ликвидаторство) в рядах социал-демократии; в такой поддержке либералы правильно видят единственное средство отстоять либеральное влияние на пролетариат, про-

вести зависимость рабочего класса от либеральной буржуазии.

Очень поучительна поэтому оценка либералами борьбы шестерки¹⁶⁵ рабочих депутатов с семеркой ликвидаторствующих. Либералы, глядя со стороны, вынуждены признать прямо основной факт: семеро, это — «парламентарные элементы с.-д.», это — «партия парламентской работы», в их рядах «вся интеллигенция думской социал-демократии». Это линия — «эволюции социал-демократии в открытую парламентскую партию», линия, связанная с особым «направлением тактики». «Новая Рабочая Газета» — орган социал-демократических парламентариев.

Напротив, «За Правду» — «орган непримиримых», пишет «Речь». Это — не партия парламентской работы, а «партия противоположная».

Партия «депутатов-интеллигентов» — против «рабочих-депутатов», вот оценка «Речи». «Речь» жеманно уверяет, будто нельзя знать, за кем большинство рабочих, но сейчас же сама побивает себя в следующей поучительнейшей фразе:

«Чем сильнее, — пишет она, — переход к такому нормальному существованию» (т.-е. открытому, легальному) «будет задерживаться, тем более оснований ожидать, что парламентское большинство социал-демократической интеллигенции принуждено будет уступить внепарламентскому рабочему большинству с его теперешним настроением. Мы видели печальные последствия такого распределения направлений в конце 1905 года. И как бы кто ни смотрел на предстоящий исход из современного тупика, едва ли найдутся защитники ошибок, сделанных неопытными руководителями стихийного массового настроения в те зимние месяцы». Так пишет «Речь».

Мы подчеркнули то, что нас сейчас особенно интересует в этом признании.

Внепарламентское рабочее большинство против «парламентского большинства социал-демократической интеллигенции» — вот сущность спора шестерки с семеркой, вскрывшаяся даже для либералов.

Семерка и «Новая Рабочая Газета», это — большинство, называющей себя социал-демократической, интеллиген-

ции против «внепарламентского рабочего большинства», против партии.

Старой партии нет, старая партия не нужна, обойдемся без партии, одной газетой и думской работой, проповедуя будущую открытую партию,—вот сущность позиции семерки и позиции всех ликвидаторов.

Понятно, почему либералы так ласкают семерку и ликвидаторов, хваля их за понимание парламентских условий, называя их тактику «сложной, вдумчивой, не упрощенной». Семерка и ликвидаторы проводят либеральные лозунги в рабочую среду—как же не хвалить их либералам? Либералам ничего иного не нужно, как образование оплота интеллигентов, парламентариев, легалистов против старой партии, против «внепарламентского рабочего большинства».

— Пусть этот оплот называет себя с.-д.—не в названии суть, а в его либеральной рабочей политике,—рассуждает просвещенная буржуазия и рассуждает, с ее точки зрения, вполне правильно.

Либералы поняли (и выболтали) то, что давно поняли все сознательные, передовые рабочие, именно, что группа «Новой Рабочей Газеты» и идущая за ней семерка есть отколовшийся от социал-демократической партии и отрицающий партию, ругающий «подполье», оплот либеральной интеллигенции, ведущей систематическую политику уступок буржуазному реформизму, буржуазному национализму и т. д.

Единство «внепарламентского рабочего большинства», действительно партийного, действительно независимого от либеральной буржуазии, немыслимо без решительной борьбы с этим интеллигентским оплотом ликвидаторов рабочей партии.

В. Ильин. Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.

Экономическая и политическая стачка.

С 1905 года в официальной статистике стачек, которую ведет министерство торговли и промышленности, введено было постоянное подразделение стачек на экономические и политические. Ввести это подразделение заставила жизнь, породившая своеобразные формы стачечного движения. Сочетание экономической и политической стачки — такова одна из главных черт этого своеобразия. И в настоящее время, при оживлении стачечного движения, интересы движения, интересы сознательного отношения к событиям, требуют, чтобы рабочие внимательно присмотрелись к этой своеобразной черте русского стачечного движения.

Прежде всего приведем несколько основных цифр, заимствуя их из правительственной статистики стачек. В течение трех лет, 1905—1907 г.г., русское стачечное движение стояло на такой высоте, которой до тех пор не видал мир. Правительственная статистика считает только фабрики и заводы, так что и горные предприятия, и железные дороги, и строительные работы, и мн. др. отрасли наемного труда остаются неучтенными. Но даже и на одних фабриках и заводах бастовало в 1905 г. — 2.863 тыс. человек, т.-е. без малого 3 миллиона; в 1906 — 1108 тыс., в 1907 г. — 740 тыс. За все пятнадцатилетие с 1894 по 1908 год, когда в Европе начали систематически разрабатывать статистику стачек, самое большое число стачечников за год было в Америке — 660 тысяч.

Следовательно, русские рабочие впервые в мире развили такую массовую стачечную борьбу, которую мы видели в 1905—1907 годах.

Теперь английские рабочие в области экономической стачки дали новый великий толчок движению. Передовая

роль русских рабочих объясняется не тем, что они сильнее, организованнее, развитее западно-европейских, а тем, что в Европе не было еще великих национальных кризисов с самостоятельным участием пролетарских масс. Когда наступят эти кризисы, массовые стачки в Европе будут еще сильнее, чем в России в 1905 году.

Каково же было соотношение экономической и политической стачки в ту эпоху?

Правительственная статистика дает на это следующий ответ:

Число стачечников в тысячах:

	1905.	1906.	1907.
В экономических стачках. . . .	1.439	458	200
В политических стачках	1.424	650	540
Всего	2.863	1.108	740

Отсюда видна тесная и неразрывная связь обоих видов стачек. Самый высокий подъем движения (1905 г.) отличается наиболее широкой экономической основой борьбы: политическая стачка в этом году покоится на прочной и солидной базе экономической стачки. Число экономических стачечников выше числа политических.

По мере упадка движения в 1906 и 1907 г.г., мы видим ослабление экономической базы: число экономических стачечников падает до 0,4 всего числа стачечников в 1906 г. и до 0,3 в 1907 г. Политическая и экономическая стачка, следовательно, взаимно поддерживают друг друга, составляя источник силы одна для другой. Без тесной связи этих видов стачки движение действительно широкое, массовое, — и притом получающее общенародное значение, — невозможно. В начале движения нередко экономическая стачка обладает свойством будить и шевелить отсталых, обобщать движение, поднимать его на высшую ступень.

Например, в первую четверть 1905 года экономическая стачка заметно преобладала над политической: на первую приходилось 604 тысячи стачечников, на вторую только 206. В последнюю же четверть 1905 года отношение стало обратным: на экономические стачки прихо-

дится 430 тысяч, а на политические 847 тысяч. Это значит, что в начале движения многие рабочие на первый план ставили экономическую борьбу, а во время наибольшего подъема—наоборот. Но связь экономической и политической стачки существовала все время. Без этой связи, повторяем, невозможно действительно великое и осуществляющее великие цели движение.

Рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа. Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т.е. руководителя, передовика, вождя. Те политические идеи, которые проявляются в движении, носят общенародный характер, т.е. затрагивают основные, самые глубокие условия политической жизни всей страны. Такой характер политической стачки,—как отмечают все научные исследователи эпохи 1905—1907 годов,—заинтересовывал в движении все классы и, в особенности, конечно, наиболее широкие, многочисленные и демократические слои населения, крестьянство и т. д.

С другой стороны, без экономических требований, без непосредственного и немедленного улучшения своего положения, масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны. Масса втягивается в движение, энергично участвует в нем, высоко ценит его и развивает героизм, самоотверженность, настойчивость и преданность великому делу не иначе, как при улучшении в экономическом положении работающего. Иначе дело не может обстоять, ибо условия жизни рабочих в «обычное» время невероятно тяжелые. Добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели. Статистика стачек, изданная министерством торговли и промышленности, вполне подтверждает это гигантское значение экономической борьбы рабочих в эпоху общего оживления. Чем сильнее натиск рабочих, тем больше улучшений жизни они добиваются. И «сочувствие общества», и улучшение жизни есть результат высокого развития борьбы.

Если либералы (и ликвидаторы) говорят рабочим: вы сильны, когда вам сочувствуют в «обществе», то марксист говорит рабочим иное: вам сочувствуют в «обществе», когда вы сильны. Под обществом следует понимать в этом случае всевозможные демократические слои населения, мелкую буржуазию, крестьян, интеллигенцию, близко соприкасающуюся с рабочей жизнью, служащих и т. д.

Всего сильнее было стачечное движение в 1905 году. И что же? Мы видим, что именно за этот год рабочие всего больше добились улучшений жизни. Правительственная статистика показывает, что на 100 стачечников в 1905 г. только 29 кончали борьбу, ничего не добившись, т.-е. терпели полное поражение. За 10 лет (1895—1904) 52 стачечника из 100 кончали борьбу, ничего не добившись! Значит, массовый характер движения повысил успешность борьбы в громаднейших размерах, чуть не вдвое.

А когда движение стало ослабевать, — тогда стала уменьшаться и успешность борьбы: в 1906 году из 100 стачечников 33 кончили борьбу, ничего не добившись, или, вернее, потерпев поражение, а в 1907 г.—58; в 1908—даже 66 из ста!!

Таким образом, научные данные статистики за целый ряд лет вполне подтверждают собственный опыт и наблюдение каждого сознательного рабочего относительно необходимости соединения экономической и политической стачки и неизбежности такого соединения в действительно широком и общенародном движении.

Теперешняя волна стачечного движения равным образом вполне подтверждает этот вывод. В 1911 году число стачечников возросло вдвое против 1910 г. (100 тыс. против 50), но все же это число было крайне мало; чисто экономические стачки оставались сравнительно «узким» делом, не получая еще общенародного значения. Напротив, все и каждый видит теперь, что именно такое значение получило стачечное движение текущего года после известных апрельских событий.

Крайне важно поэтому с самого начала дать отпор тому извращению характера движения, которое ста-

раются внести в него либералы и либеральные рабочие политики (ликвидаторы). Либерал г. Северянин в «Русск. Ведомостях» поместил статью против «примешивания» к первомайской забастовке экономических или «каких-либо» (вот даже как!) «требований», а кадетская «Речь» с сочувствием перепечатала главные места этой статьи.

«Связывать такие забастовки,—пишет г. либерал,—с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10% на миткаль таких-то сортов» («Речь», № 132).

Либералу «странно» то, что рабочему вполне понятно. Только защитники буржуазии и ее непомерных прибылей могут насмехаться над требованием «прибавки». А рабочие знают, что именно широкий характер требования прибавки, именно всесторонний характер стачек, всего более привлекает массу новых участников, всего более обеспечивает силу натиска, всего больше гарантирует как успех самих рабочих, так и общенародное значение их движения. Поэтому, против либерального извращения, проповедуемого г. Северяниным, «Русск. Ведомостями» и «Речью», надо решительно бороться и всеми силами предостерегать рабочих от подобных горе-советчиков.

Ликвидатор г. В. Ежов в первом же номере ликвидаторской газеты «Невский Голос» выступает с таким же чисто-либеральным извращением, хотя подходит к вопросу несколько с иной стороны. В. Ежов в особенности останавливается на стачках, вызванных наложением штрафа за первое мая. Справедливо указывая на недостаточную организованность рабочих, автор из этого справедливого указания делает самые ошибочные и самые вредные для рабочих выводы. Неорганизованность г. Ежов видит в том, что на одной фабрике бастовали, просто ради протеста, на другой присоединяли экономические требования и т. д. На самом же деле в этом разнообразии форм стачек нет еще ровно никакой неорганизованности: глупо представлять себе организованность непременно в виде однообразия. Неорганизованность заключается совсем не там, где ее ищет г. Ежов.

Но еще гораздо хуже его вывод:

«Благодаря этому» (т.-е. благодаря разнообразию стачек и различным формам сочетания экономики с политикой) «в значительном числе случаев принципиальный характер протеста (ведь, не за четвертак бастовали) ступшевался, он был осложнен экономическими требованиями»...

Это поистине возмутительное, насквозь лживое и насквозь либеральное рассуждение! Думать, что требование «четвертака» способно «ступшевать» принципиальный характер протеста, значит опускаться до уровня кадета. Наоборот, г. Ежов, требование «четвертака» не насмешечки заслуживает, а полного признания! Наоборот, г. Ежов, это требование не «ступшевывает», а усиливает «принципиальный характер протеста! Во-первых, вопрос об улучшении жизни есть тоже принципиальный и важнейший принципиальный вопрос, а, во-вторых, я не ослабляю, а усиливаю свой протест, когда протестую: не против одного, а против двух, трех и т. д. проявлений угнетения.

Всякий рабочий с негодованием отвергнет возмутительное либеральное извращение дела г. Ежовым.

А у г. Ежова это отнюдь не обмолвка. Он пишет дальше еще более возмутительные вещи:

«Собственный опыт должен был подсказывать рабочим, что нецелесообразно осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять принципиальным требованием».

Напрямда и тысячу раз неправда! Позор «Невскому Голосу», что он печатает такие речи. Вполне целесообразно то, что кажется г. Ежову нецелесообразным. И собственный опыт каждого рабочего, и опыт очень большого числа русских рабочих в недавнем прошлом говорит обратное тому, чему учит г. Ежов.

Только либералы могут протестовать против «осложнения» хотя бы самой «обыкновенной» стачки принципиальными требованиями»; это, во-первых. А, во-вторых, глубоко ошибается наш ликвидатор, меряя теперешнее движение меркой «обыкновенных» стачек.

И напрасно пытается г. Ежов прикрыть свою либеральную контрабанду чужим флагом, напрасно спутывает вопрос о сочетании экономической и политической стачки с вопросом о подготовке и той, и другой! Конечно, готовить и подготовляться, притом как можно основательнее, дружнее, сплоченнее, обдуманнее, тверже, все это весьма желательно. Об этом не может быть спора. Но целесообразно, вопреки г. Ежову, именно сочетание обоих видов стачек.

«Перед нами полоса экономических стачек, — пишет г. Ежов, — было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих. Такое смешение вредно отразилось бы как на экономической борьбе рабочих, так и на политической».

Дальше, кажется, некуда идти! Падение ликвидатора до уровня дюжинного либерала яснее ясного видно из этих слов. Каждая фраза заключает в себе ошибку! Каждую фразу надо переделать в прямо противоположную, чтобы получить правду!

Неверно, что перед нами полоса экономических стачек. Как раз наоборот. Перед нами полоса не только экономических стачек. Перед нами полоса политических стачек. Факты, г. Ежов, сильнее ваших либеральных извращений, и если бы вы могли получить статистические карточки стачек, собираемые в министерстве торговли и промышленности, то даже эта правительственная статистика вполне опровергла бы вас.

Неверно, что «переплетение» было бы ошибкой. Как раз наоборот. Было бы непоправимой ошибкой, если бы рабочие не поняли всего своеобразия, всего значения, всей необходимости, всей принципиальной важности именно такого «переплетения». Но рабочие, к счастью, понимают это отлично и отмечают от себя с презрением проповедь либеральных рабочих политиков.

Неверно, наконец, что такое смешение «вредно отразилось бы» на обеих формах. Как раз наоборот. Оно полезно отражается на обеих. Оно усиливает обе.

Г. Ежов поучает какие-то открытые им «горячие головы». Слушайте:

«Необходимо организационно закреплять настроение рабочих масс... Необходимо усилить агитацию за профессиональные союзы, вербовать им новых членов»...

Вполне справедливо, но... но, г. Ежов, непозволительно сводить «организационное закрепление» к одним проф. союзам! Помните это, г. ликвидатор!

...«Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь немало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах против союзов, будто-бы бесполезных и ненужных».

Это — либеральная клевета на рабочих. Не «против союзов» выступали рабочие, от которых солоно пришлось, и всегда будет солоно приходиться ликвидаторам. Нет, рабочие выступали против того сведения организационного закрепления к одним только «проф. союзам», которое так ясно видно из предыдущей фразы г. Ежова.

Рабочие выступали не «против союзов», а против того либерального извращения характера их борьбы, которым пропитана вся статья г. Ежова.

Русский рабочий достаточно созрел политически, чтобы понимать великое общенародное значение своего движения. Он достаточно созрел, чтобы понимать всю фальшь, все убожество либеральной рабочей политики, и он всегда с презрением будет отмечать ее от себя.

В. Ильин. Сборник «Марксизм
и ликвидаторство». Май 1913.

Идейная борьба в рабочем движении.

Чрезвычайно важная отличительная особенность послереволюционной России состоит в глубоком идейном повороте среди *оппозиционных* или прогрессивных слоев. Кто забывает эту особенность, тот лишает себя возможности понять как русскую революцию и ее характер, так и задачи рабочего класса в современную эпоху.

Идейный поворот среди либеральной буржуазии состоит в создании анти-демократического направления (Струве, Изгоев, В. Маклаков⁹⁸ открыто, остальные кадры — тайком, «стыдливо»).

Среди демократии поворот состоит в громадном идейном развале и шатании как среди с.-д. (пролетарская демократия), так и среди с.-р. (буржуазная демократия). Даже лучшие представители демократии ограничиваются тем, что *оплакивают* развал, шатания, ренегатство. Марксисты же ищут *классовых* корней этого *общественного* явления.

Главное проявление этого развала есть ликвидаторство, которое еще в 1908 году получило официальное, «марксистским целым» утвержденное, определение, как «попытки некоторой части интеллигенции ликвидировать» подполье и «заменить» его открытой рабочей партией. На последнем официальном собрании руководящих марксистов, на котором присутствовали представители всех «течений» и группок в январе 1910 г., не нашлось *ни единого* человека, способного возразить против осуждения ликвидаторства, как *проявления буржуазного влияния на пролетариат*. Это осуждение и в то же время объяснение *классовых* корней ликвидаторства принято было *единогласно*.

С тех пор прошло более 4-х лет, и громаднейший опыт массового рабочего движения дал тысячи подтверждений такой оценки ликвидаторства.

Факты доказали, что и теория марксизма, и практика массового рабочего движения бесповоротно покончили с ликвидаторством, как буржуазным, против-рабочим течением. Достаточно припомнить, например, за один месяц март 1914 года, как «Северная Рабочая Газета» поносила «нелегальную печать» (№ от 13 марта) или демонстрации (г. Горский в № от 11 апреля), как Булкин поносил совершенно по-либеральному «подполье» («Наша Заря» № 3), как печально знаменитый Л. Мартов от имени редакции «Нашей Зари» вполне поддерживал по этому пункту Булкина и защищал «строительство открытой рабочей партии», — достаточно припомнить это, чтобы понять, почему сознательные рабочие *не могут* относиться к ликвидаторству иначе, как с беспощадным осуждением и полным бойкотом ликвидаторов.

Но тут является очень важный вопрос: как исторически возникло такое течение?

Оно возникло в *двадцатилетней* истории связи марксизма с массовым рабочим движением в России. До 1894—1895 г.г. не было такой связи. Группа «Освобождение Трудя»¹⁰⁰ лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

Только агитация 1894—1895 г.г. и стачки 1895—1896 г.г. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением. И *тотчас же* началась идейная борьба 2-х течений в марксизме: борьба «экономистов» с последовательными или (позже) «искровцами» (1895 — 1902), борьба «меньшевиков» с «большевиками» (1903—1908), борьба ликвидаторов с марксистами (1908—1914).

Экономизм и ликвидаторство, это — разные формы одного и того же мелкобуржуазного интеллигентского оппортунизма, который существует 20 лет. Не только идейная, но и личная связь всех этих форм оппортунизма есть несомненный факт. Достаточно назвать вожака экономистов, А. Мартынова, впоследствии меньшевика, ныне ликвидатора. Достаточно сослаться на такого свидетеля, как Г. В. Плеханов, который сам был в очень многих пунк-

тах * близок меньшевикам и тем не менее признал прямо, что меньшевики вобрали в себя интеллигентски-оппортунистические элементы, что ликвидаторы — продолжатели ошибок «экономизма» и разрушители рабочей партии.

Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении.

Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения. Россия из всех капиталистических стран одна из наиболее отсталых, наиболее мелкобуржуазных стран. Поэтому массовое движение рабочих не случайно, а неизбежно порождало мелкобуржуазное, оппортунистическое крыло в этом движении.

Прогресс очищения рабочего движения от влияния буржуазии, от влияния экономизма-ликвидаторства за эти 20 лет громаден. Теперь впервые прочно складывается настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии. Все признают, даже противники правдистов вынуждены признать, — факты заставляют это признать! — что среди сознательных рабочих правдистов огромное большинство. То, что марксистский « пленум » в январе 1910 г. признал *теоретически* (ликвидаторство есть « буржуазное влияние на пролетариат »), то сознательные рабочие за четыре года провели в жизнь, заста-

* Почему мы говорим в « очень многих пунктах »? Потому, что Плеханов занимал *особую* позицию, много раз отходя от меньшевизма: 1) на съезде 1903 г. Плеханов боролся с оппортунизмом меньшевиков; 2) после съезда Плеханов редактировал №№ 46—51 « Искры », тоже против меньшевиков; 3) в 1904 г. Плеханов защищал аксельродовский план земской кампании, таким образом, что обходил молчанием как раз главные ошибки его; 4) в 1905 г. весной Плеханов ушел от меньшевиков; 5) в 1906 г. после разгона I Думы Плеханов занял совсем не меньшевистскую позицию (смотри « Пролетарий » август 1906 г.); 6) на Лондонском съезде 1907 г., как рассказывает Череванин, Плеханов боролся с « организационным анархизмом » меньшевиков. Эти факты надо знать, чтобы понять, почему меньшевик Плеханов так долго и решительно боролся с ликвидаторством и разоблачал его.

.....

вили признать практически, обессилив ликвидаторов, сняв их с постов, превратив ликвидаторство в постороннюю для массового рабочего движения группу легальных оппортунистов-литераторов.

Рабочее движение в России на протяжении этих двух десятилетий борьбы идей растет и крепнет, мужает неуклонно. Оно победило «экономизм»: весь цвет сознательного пролетариата встал на сторону «искровцев». Оно оставило в меньшинстве во все решительные моменты революции «меньшевиков»: *даже сам* Левицкий должен был признать, что рабочие массы шли с большевиками.

Оно, наконец, победило теперь ликвидаторство и встало, благодаря этому, на верный путь широкой, освещенной марксистской теорией, обобщенной неурезанными лозунгами, борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества.

«Путь Правды» № 77
от 4 мая 1914 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Государственный переворот 3 июня 1907 г.* был произведен Столыпинным одновременно с разгоном II Госуд. Думы; в нарушение «основных законов», акт 3 июня изменял избирательные права в Госуд. Думу в пользу помещиков и крупной буржуазии, вводя курнальную систему выборов, лишая избирательных прав окраины России, отнимая у пролетариата даже те скудные права, которыми он пользовался по виттевскому закону 11 декабря 1905 г. Согласно столыпинскому избирательному закону о выборах в Государственную Думу, введенному 3 июня 1908 г. в 6 губерниях: Московской, Петербургской, Костромской, Владимирской, Харьковской, Екатеринославской, рабочие выборщики, при трехстепенных выборах, были выделены в особые избирательные курии. Выбравшиеся ими уполномоченные входили в общие губернские избирательные собрания, которые обязаны были избрать в числе других депутатов по одному представителю от рабочей курии каждой из перечисленных губерний. В других губерниях рабочие фактически были лишены избирательных прав.

2. *Созыв законосоветательной (Булыгинской) Госуд. Думы* был объявлен 18 февраля 1905 г.; 6 авг. 1905 г. последовало опубликование избирательного закона лишившего промышленный пролетариат участия в выборах. Большевики приняли тактику активного бойкота и подготовки вооруженного восстания. Либеральные группы склонны были к участию в выборах, меньшевики колебались. Всеобщая октябрьская стачка смела законосоветательную Булыгинскую думу, вырвав у царя манифест 17 октября 1905 г. о созыве законодательной Думы с участием представителей также и фабрично-заводского пролетариата.

3. *Восстание на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический»* вспыхнуло 14 июня 1905 г. благодаря работе крымского с.-д. союза. Члены Одесского комитета РС-ДРП проникли на броненосец и сумели поддержать там революционный дух. Броненосец 13 дней скитался по Черному морю и сдался только румынским властям в Констанце. «Потемкинцы» предпочли изгнание позорной сдаче русским властям.

4. *Аксельрод, Павел Борисович*—в 70-х годах бакуист, в 1879 г. принимает участие в организации «Южно-Русского Рабочего Союза». После раскола «Земли и Воли» примыкает к чернопередельцам. Был арестован в деревне, где пытался вести агитацию, но успел бежать. Эмигрировал за границу, где в 1883 г. вместе с Г. Плехановым, В. Засулич, Л. Дейчем и Игнатовым основал группу «Освобождение Труда». Его работы 90-х годов высоко ценятся работающими в Рос-

сии социал-демократам, в том числе и В. И. Лениным. В 1900 г. — один из редакторов «Искры» и «Зари». На втором съезде партии в 1903 году примкнул к меньшевикам, а после съезда в своих фельетонах в «Искре» дал принципиальное обоснование меньшевизма. В годы реакции, последовавшие за подавлением революции 1905 г., был инициатором идеи «рабочего съезда», т. е. растворения с.-д. партии в беспартийных рабочих организациях, затем был одним из руководителей «ликвидаторства». Во время мировой войны он занимал неустойчивую интернационалистскую, а по существу — социал-пацифистскую, соглашательскую позицию. А., хотя и участвовал в Циммервальдской конференции, но отказался примкнуть к ее левой. По окончании войны входил в 2½ Интернационал, а после его ликвидации снова вернулся в лоно II Интернационала. Ведет резкую кампанию против коммунизма.

5. Плеханов, Г. В. (1855—1918) — участник народнического движения 70-х годов. 6 декабря 1876 года выступил с речью во время демонстрации на Казанской площади, вследствие чего вынужден был перейти на нелегальное положение. С расколом «землеvolцев» на «Народную Волю» и «Черный передел», примкнул к последнему, но вскоре эмигрировал за границу, где, изучая опыт западно-европейского рабочего движения, занялся проверкой народнической теории. В 1883 г. основал первую русскую с.-д. организацию «Группа Освобождения Труда» (В. Засулич, Л. Дейч и П. Б. Аксельрод), за год до этого решительно разорвав с народничеством.

В конце 1895 г. «Группа Освобод. Тр.», совместно с другими русскими с.-д. организациями за границей, образовала «Союз русских социал-демократов». В 1901 г. Плеханов вошел в редакцию с.-д. газеты «Искра» (Н. Ленин, Л. Мартов, Н. А. Потресов, П. Аксельрод, В. Засулич), поставившей себе целью борьбу с господствовавшим тогда «экономизмом», русской разновидностью бернштейнианства, и создание централизованной революционной партии. На созванном «Искрой» II съезде РС-ДРП в 1903 году «экономисты» были разбиты, и восторжествовали «искровцы». По докладу Плеханова были приняты партийная программа, близкая по типу к Эрфуртской.

Плеханов в 90-х и начале 900-х гг. был одним из виднейших представителей революционного марксизма в борьбе с международным оппортунизмом (Бернштейн — Мильеран).

После раскола, последовавшего на II съезде, Плеханов, после некоторых колебаний, примкнул к меньшинству, с которым разошелся только в период 1911—1914 гг., будучи противником ликвидаторских течений, развившихся в среде меньшевиков, и временно вошел в блок с Н. Лениным для борьбы «за партию».

С начала империалистической войны Плеханов, подобно французскому «ортодоксу» Ж. Гэду, занял крайнюю социал-шовинистическую позицию, издавая вместе с Г. Алексинским и правыми эс-эрами в Париже оборонческий журнал «Призыв» и рекомендуя русским рабочим в кадетских «Русских Ведомостях» прекратить борьбу с царизмом и буржуазией во имя победы над Германией. После Октябрьской революции П. не переставал бороться за «демократию» против коммунистов до самой смерти, последовавшей в 1918 году.

Будучи участником русских делегаций на всех международных съездах и членом Международного социалистического бюро, П., вместе со своими единомышленниками Гедом и Каутским, являлся авторитетнейшим и типичнейшим вождем II Интернационала.

6. *Декабрьское восстание в Москве в 1905 г.* «... Сеть баррикад возникла с молниеносной быстротой: 9 декабря, выйдя с товарищами с заседания Исполн. комиссии, где обсуждался вопрос, призывать ли к постройке баррикад, мы нашли всю Садовую-Триумфальную покрытой длинным рядом баррикад», — рассказывает тот же, уже цитированный однажды, участник. «Строили не одни рабочие, строила вся мелкая буржуазия, отчасти зараженная рабочим энтузиазмом, отчасти движимая «оборонческими» мотивами: не пустить к себе войска и в особенности казаков, в которых видели неизбежную свиту черносотенного погрома. Движение приняло оборонительный характер, — а вооруженное восстание живет и может жить только наступлением. Город разбился на ряд забаррикадированных участков, маленьких Порт-Артуров, самым грозным из которых была Пресня»... «Никакое центральное руководство было невозможно»... «Геройская защита Пресни прибавила еще одну из самых славных страниц истории русской революции, — но изменить положение дел она не могла. 19 декабря восстание могло считаться подавленным. Оно оправдало надежды, возлагавшиеся на партизанскую тактику, — только благодаря ей можно было продержаться 10 дней, только благодаря ей потери собственно революции были слабее потерь реакции: в то время, как войска потеряли убитыми 35 чел., дружинников было убито всего 13. Но потери населения далеко не исчерпывались этими цифрами. Московские больницы зарегистрировали более тысячи убитых и умерших от ран» (М. Н. Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, вып. I, стр. 194—196).

7. *Бойкот первой Государственной Думы*, под впечатлением удачного срыва Булыгинской Думы октябрьской забастовкой, проводился всей с.-д. партией, польскими и латышскими с.-д. и социалистами-революционерами. Большевики проводили бойкот на первой стадии выборов, ведя непосредственную революционную агитацию среди избирателей; меньшевики, напротив, участвовали в первой стадии избирательной кампании, агитируя за использование думских выборов для организационных целей, и бойкот проводили за спиной избирателей, на второй и последующих стадиях. Стокгольмский съезд РС-ДРП осудил тактику бойкота. Запоздавшая попытка использовать кавказских с.-д. депутатов и случайно прошедших в Думу рабочих-одиночек мало помогла исправлению допущенной ошибки. От тактики бойкота Н. Ленин, а за ним, после некоторых колебаний, и большевистская фракция отказались при выборах во вторую и последующие Госуд. Думы.

По вопросу об участии в выборах во II Госуд. Думу тов. Ленин писал: «... Мы не откажемся пойти во II Думу, когда (или «если») она будет созываться»... «Мы не хотим спорить о словах, но по существу дела это последовательное развитие старой тактики,

но не повторение ее, вывод из прежнего бойкота, но не прежний бойкот»... («О бойкоте», стр. 31 и 34. Собр. соч., т. VII, ч. 2-я).

8. *Трейчке, Генрих Готтард-фон*, 1834—1896 г.г., немецкий историк и публицист, член рейхстага, где примыкал к национально-либеральной партии. Его произведения проникнуты узким национализмом и ненавистью ко всему либеральному. Защитник реакционно-абсолютистских интересов немецких аграриев-юнкеров.

8-а. *Речь идет об оценке Марксом и Энгельсом эпохи революции 1848 года, как провозвестницы близости наступления социальной революции.* Несмотря на то, что предсказания М. и Э. не сбылись, что капиталистический строй оказался более жизнеспособным, — все же общая оценка капитализма и указание на его неизбежное падение остались верными. Лозунги Маркса, равно и его тактика, были восприняты следующими поколениями борцов за дело рабочего класса.

9. *Последователи О. Бланки*, французского революционера социалиста, который учил, что революция должна произойти посредством захвата власти кучкой интеллигентов заговорщиков, а не при помощи передового революционного класса общества — пролетариата, как у Маркса.

10. *Парижская Коммуна*, организованная героическими усилиями парижского пролетариата в марте 1871 г., была первой попыткой установления диктатуры пролетариата в силу слияния своего с мелкой буржуазией, из-за отсутствия централизованной партии, из-за нерешительной политики по отношению к буржуазным контр-революционерам, вследствие оставшегося еще преклонения перед фетишами буржуазной демократии, Коммуна погибла под натиском буржуазной, контр-революционной армии. Рабочие Парижа героически защищали Коммуну и тысячами жертв заплатили за свою героическую попытку образования рабочего государства. Уроки Коммуны были учтены Марксом и Энгельсом, а в наши дни об этих уроках, очищенных от извращения оппортунизма, напомнил всему рабочему классу В. И. Ленин (см. «Государство и революция»). Характерными мероприятиями для Коммуны были: уничтожение постоянного войска с заменой его вооруженным народом, образование Коммуны путем выборов по округам ответственных и в любое время сменяемых членов в большинстве из среды рабочих или представителей интересов, отнятие у полиции политических функций, оплата чиновников наравне с рабочими, уничтожения судейской независимости и сменяемость судей. Коммуна была не буржуазной говорильней (парламентом), а деловым органом, одновременно и издающим законы и их исполняющим.

11. *9 января 1905 г.* считается началом первой русской революции. Возникшая на Путиловском заводе экономическая забастовка постепенно разрослась во всеобщую стачку петербургских рабочих, принявшую политический характер. Во главе движения стал зубатовец священник Гапон (подробнее о нем в прим. 126). Начальник Московского охранного отделения Зубатов, желая отвлечь рабочих от политической борьбы, пытался создать экономические рабочие организации и захватить их руководство в свои руки («по-

лицейский социализм»). Движение, первоначально возглавляемое зубатовцами, переросло полицейские рамки и получило революционный характер (Одесса, Минск, отчасти Москва). То же самое случилось и в Петербурге. В петицию царю, выработанную Гапоном, под давлением петерб. пролетариев, пришлось ввести такие требования, как 8-часовой рабочий день, четырехчленную избирательную формулу, гражданские свободы и прекращение войны с Японией. Гапон предложил всей массой идти к Зимнему дворцу и подать петицию царю. Были собраны сотни тысяч подписей. Рабочие слепо верили Гапону. Речи с.-д. доказывавшие неизбежность расстрела, прерывались слушателями. 9 января от всех застав рабочие двинулись к дворцу, но были встречены залпами войск и сабельными ударами конницы. Пострадавших насчитывалось свыше 3.000 чел. Сам Гапон, шедший в священническом облачении во главе крестного хода, был спасен преданными ему рабочими. В этот день были расстреляны остатки слепой народной веры в царя. По всей России начались политические стачки, явившиеся прологом к октябрьской забастовке 1905 г.

12. *Пареус* некогда видный работник немецкой, потом русской соц.-демократии, работал вместе с Троцким в «Начале» и в «Русской Газете» отстаивал идею «перманентной революции» (прим. 163). В империалистическую войну—ренегат социализма, защитник Вильгельма II и немецкой буржуазии.

13. *Стокгольмский объединительный съезд* в апреле 1906 г., присутствовало около 110 делегатов с решающим голосом и около 30 с совещательным. В большинстве оказались меньшевики. В. И. устанавливает на основании голосований на съезде 62 для меньшевиков и 46 для большевиков. Отклонив ряд резолюций, предложенных большевиками, съезд принял большинством голосом ряд меньшевистских резолюций и выбрал ЦК партии в составе 7 меньшевиков и 3 большевиков.

14. В приведенной т. Лениным цитате из Маркса (Собр. соч., т. XII, стр. 323 «Карл Маркс») дается такое определение диалектического материализма: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом, диалектика по Марксу есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

В другом месте т. Ленин пишет: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества. Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных

сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм. Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом. Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу в особенности». Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 56. «Три источника и три составных части марксизма».

15. *Дубасов, В. Ф.* — адмирал, московский ген.-губернатор, усмиритель Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года.

16. *Столыпин, П. А.* — председатель кабинета министров Николая II в эпоху реакции после первой революции 1905 г., разгоняет I Госуд. Думу, организует контр-революционный террор в форме военно-полевых судов, устраивает переворот 3 июня 1907 г. Политика Столыпина лучше всего характеризуется его же формулой: «сначала успокоение, а потом реформы». Его аграрные реформы заключались в разрешении крестьянам-общинникам закреплять за собою в собственность наделенные земли, что способствовало обогащению деревенских кулаков, а также выделению отрубов и покровительству хуторским хозяйствам. Эта «ставка на сильных» проводилась с целью скорейшего разложения среднего крестьянства.

17. *Родичев, Ф. И.* — тверской помещик, организатор к.-д. партии, член всех 4-х Госуд. Дум. После Февральской революции министр по делам Финляндии.

18. *Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум) (1873—1924)* — вождь меньшевизма. В конце 1900 г. вошел в состав редакции (вместе с В. И. Ульяновым-Лениным, Плехановым, Засулич и П. Аксельродом) газеты «Искра», сыгравшей решающую роль в развитии социал-демократического движения в России; на II съезде РС-ДРП, состоявшемся летом 1903 года, Мартов разошелся по организационным вопросам с большинством съезда (о составе редакции «Искры» и о членстве партии).

Война застала М. в рядах меньшевиков-интернационалистов. На II съезде Советов отстаивает необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий. Остается на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. После октябрьской революции М. переходит на сторону контр-революции. В начале 1921 г. М. эмигрировал в Берлин, где в качестве редактора «Социал. Вестника» выступил с целым рядом статей против Советской власти в России и вступил в 2½ Интернационал.

19. «*Товарищ*» — орган радикальной буржуазии («левое к.-д.») в 1906 г.; его руководящие силы «критические социалисты» вроде Прокоповича и Кусковой (бывш. экономисты, авторы знаменитого «кредо»). Направление газеты — постоянное лавирование между оппортунизмом к.-д. и оппортунизмом правого крыла меньшевизма.

20. По вопросу об участии в третьей Государственной Думе среди большевиков были значительные разногласия. Значительная часть фракции настаивала на бойкоте Думы. Ленин решительно настаивал на выборах. Собранная по этому вопросу общепартийная конференция голосом ленинцев и меньшевиков высказалась за участие в Думе. Небольшая группа большевиков во главе с А. Богдановым, А. Луначарским, Станиславом Вольским, Г. Алексинским и друг. продолжала настаивать на тактике бойкота, выдвигая частью план предъявления думской с.-д. фракции ультиматума («ультиматисты»), частью требуя простого отзыва избранных с.-д. депутатов из Госуд. Думы («отзовисты»). Позднее «богдановцы» организовались в самостоятельную фракцию, издавая за границей собственный печатный орган «Вперед» («впердовцы»), отрицательно относящийся к участию с.-д. в Госуд. Думе и к использованию, не прерывая подпольной работы, «легальных возможностей» (участие в съездах, клубах и т. п.). Группа «Вперед», имевшая некоторый успех в эмигрантской среде, не получила влияния в России и, расколовшись на две группы, из коих в одну входил только Г. Алексинский и Безработный (Мануильский), постепенно совершенно распалась.

21. Зомбарт, В. — профессор, представитель современной немецкой буржуазной науки. Тезисы Зомбарта: 1) Обогащение инициативы и творческой энергии капитала, открывающих необъятные культурные возможности для человеческой личности; 2) отвращение к американской форме капитализма — трестам, тайлоризму и т. п., поработавшим личность. Взыскания З. характерны для идеологии выраждающегося рантье.

22. Кугельман — видный немецкий врач, примкнувший к учению Маркса, Энгельса и бывший одним из близких друзей основателей научного социализма «Кугельман, — писал Маркс Энгельсу, — фанатичный (и по-моему чересчур по-вестфальски увлекающийся) сторонник нашей доктрины и наших личностей. Он часто надоедает мне своим энтузиазмом... но он понимает и вполне молодец, без всяких оговорок способен на жертвы и, что главное, — убежден». (Письмо от 24/IV 1867 г.).

22-а. Сидней Вебб (род. в 1859 г.) английский экономист и политический деятель, правый социал-соглашатель, один из основателей фабиановского общества, которое отрицает классовую борьбу, пропагандирует классовое сотрудничество и не признает неизбежности социальной революции.

Беатриса Вебб (Б. Поттер), его жена и сотрудница. Литературные произведения Веббов носят имя обоих супругов. Основной их труд касается истории английских трудящихся.

23. Чартизм — мощное социальное движение в середине XIX столетия за демократизацию палаты общин в Англии, вызванное промышленным кризисом и безработицей 1825 и 1836 гг. В 1839 г. в Палату была представлена покрытая 1.250.000 подписей петиция (хартия) со следующими требованиями: избирательное право для всех мужчин, отмена имуществ. ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов и годовичные выборы.

После завоевания парламента чартисты хотели приступить к экономическим и социальным реформам. Чартизм распался на два крыла: правое соглашательское и левое революционное. Палата петицию отвергла, и чартисты отвечали широкой митинговой кампанией в рабочих центрах и рядом уличных демонстраций, вызвавших столкновение с войсками. В 1842 г. была подана 2-я петиция с еще большим количеством подписей, вновь отвергнутая палатой, и в 1848 г. третья с тем же результатом. Движение постепенно заглохло, с одной стороны, вследствие решительного сопротивления господствующих классов, с другой — благодаря общему оживлению хозяйственной конъюнктуры и окончанию промышленных кризисов. Чартистское движение, направленное против феодальных пережитков, подобно революции 1848 г. на континенте, несмотря на внешнюю свою неудачу, подорвало господство феодальных классов в Англии.

24. *Революция 48 года в Германии* была попыткой либерального бюргерства (буржуазии) вместе с восставшими рабочими отбросить политические позиции у реакционного конктерства (помещиков), уничтожить полицейский абсолютизм и политическую раздробленность в Германии. После революционных мартовских дней был созван франкфуртский парламент, где либеральные профессора произносили длинные речи о «братстве, равенстве, свободе». Когда же пролетариат предъявил свои требования бюргерам, революция стала казаться им слишком радикальной, и они поспешили войти в сделку с свергнутыми было старыми властями для восстановления «порядка». Когда обнаружился раскол в лагере противников, реакция сумела раздвинуть либералов и восстановить «старый порядок» абсолютизма и политической раздробленности.

25. *Значение Великой Французской Революции* заключается в том, что она разрушила и частью уничтожила, а частью превратила в обломки здание феодализма, создав почву для развития буржуазного государства. К мероприятиям Французской Революции, расчистившей почву для прогресса буржуазного капиталистического государства, необходимо отнести: уничтожение крепостного права и феодальных повинностей среди крестьянства, введение института крестьянской собственности на землю, уничтожение привилегий высших сословий, равно как и уничтожение деления общества на сословия, беспощадная расправа с дворянской контр-революцией, конфискация имуществ аристократии и церковных имуществ, распродажа этих имуществ в руки буржуазных слоев населения, введение метрической системы, уничтожение старого административного деления Франции на феодальные области и введение гражданского кодекса (Code Napoleon), воспринятого впоследствии законодательством многих стран Западной Европы. Вот это революционное значение Великой Революции буржуазия не только замалчивает, но всячески старается исказить, очернить и вселить ненависть к славным традициям Революции.

26. *Струве, П. Б.* — с.-д. с 90-х годов прошлого столетия, один из авторов «Манифеста РС-ДРП» (1893 г.), представитель «легального марксизма» — особого течения в русской с.-д. ревизионистского оттенка, в начале 900-х годов окончательно отошел от марксизма и

издавал в Штутгарте журнал «Освобождение», вокруг которого сложился «Союз Освобождения», нелегальная либеральная организация, имевшая по преимуществу влияние в земских и профессорских кругах и послужившая в 1905 году ядром кадетской партии. С созданием последней Струве вошел в ее ЦК. В период гражданской войны С. принимал участие в правительстве ген. Деникина, после поражения белогвардейцев бежал за границу и возобновил в Софии издание ежемесячного журнала «Русская Мысль» — органа, объединяющего правокадетские круги с октябристами-монархистами.

27. *Миллюков, П. Н.* — лидер к.-д. партии, вождь либерально-оппортунистической оппозиции в III и IV Госуд. Думах, является выразителем великодержавных аннексионистских планов буржуазии, устремляет внимание на внешнюю политику, особенно на ближний Восток.

В империалистическую войну горячий сторонник «борьбы до победного конца», стоит за аннексию проливов (Босфора и Дарданелл).

После Февральской революции был министром иностранных дел, но после ноты от 18 апреля 1917 г. о верности Врем. Прав-ва договорам Николая II с союзниками, вызвавшей дружный протест рабочих, вынужден был подать в отставку.

После июльских дней глава крупных заговоров против революции, «корниловец». После Октябрьской революции — вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России.

После победы советских войск над контр-революционными войсками, Миллюков поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии.

28. *Кизеветтер, А.* была напечатана в одном из апрельских №№ «Русских Ведомостей» объединенная формула, которая гласила: «Прогрессивные конституционалисты, соединяйтесь!» По плану Кизеветтера, цель лозунга была «объединить оппозицию для совместной защиты основ подлинного, а не призрачного конституционного строя». Под «призрачными» конституционалистами надлежало понимать октябристов, а «подлинными» являлись, конечно, кадеты.

29. *Камышанский* — прокурор Петербургской судебной палаты, защитник «законности» в пределах военно-полевой юстиции Столыпина.

30. В 1792 г. Германия двинула свои войска во Францию, чтобы силою штыков раздавить Великую Французскую Революцию. В заговоре с нею и другими врагами Франции находилась вся дворянская эмиграция, придворная партия, король Людовик XVI и его семья. Истреженный первыми военными неудачами, парижский народ снова поднялся на борьбу. Рядом с национальным подъемом имело место и движение против буржуазно-цензового строя, созданного Учредительным Собранием. В результате Законодательное Собрание в сентябре 1792 г. уступило место национальному Конвенту, провозгласившему революционную наступательную войну со «старым порядком» (феодалным строем) во всей Европе. Эту по-

литяку проводила партия буржуазии — жироидисты, но в этом вопросе на ее стороне, были широкие народные массы.

31. В *«Адресе Генерального Совета I Интернационала»* по поводу франко-германской войны от 9 сент. 1870 г., автор его Маркс сопоставляет обстановку 70 года с национальным подъемом в 1792 г. Он приветствует учреждение республики во Франции, провозглашенной после решительного разгрома империи Наполеона III, но в то же время указывает на то, что в состав временного republ. правительства вошли монархисты и палачи рабочих в 48 году; «эта республика, говорит Маркс, не ниспровергла трона, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное приобретение, а как национальная мера обороны». Далее Маркс предостерегает рабочих и против националистического угара и против преждевременного выступления: «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство тогда, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить долг граждан, но они не должны позволять себя увлечь национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными преданиями первой империи, им нужно не повторять прошлое, а построить будущее», пользоваться всеми возможностями республиканской свободы, «чтобы основательно укрепить организацию своего собственного класса». События, следовавшие вслед за написанием этого «Адреса», оправдали Марксовы предположения: республиканское правительство Тьера не только не оказалось способным организовать оборону, как это было в 1792 г., но оно стало «правительством народной измены», бросив рабочий Париж на произвол пруссакам. Когда же парижские рабочие, несмотря на свою неподготовленность к борьбе, восстали и организовали коммуны, — времен. бурж. правительство вступило в прямой союз с Бисмарком против Коммун. «Победившая и побежденная армия соединяются, чтобы вместе вызвать пролетариат» (Маркс).

32. *Союз 17 октября (октябристы)* — сложился из: 1) правого меньшинства земских съездов 1904—1905 г.г.; 2) реакционной крупной буржуазии и 3) разных элементов «порядка», организованных бюрократией в противовес революции 1905—1906 г.г. Его вожди: Д. Шипов, М. Стахович и А. Гучков. Союз сразу же занял контр-революционную позицию, выступил в защиту умирительной политики Витте—Дурново, военно-полевой юстиции Столыпина. Ни в I-й, ни во II Думе никакой роли не играл, расцвел только в III Думе, где стал «правительственной партией», при чем и там скоро оказался чересчур левым для растущей реакции. В империалистическую войну занял позицию «войны до полной победы» с аннексиями и контрибуцией. Революция 1917 г. сразу отбросила октябристов в черный стан монархической контр-революции.

33. *Проект большевистской резолюции о Гос. Думе.* «1) Непосредственно-политическими задачами с.-д. в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осу-

ществовать политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, как единственного исхода революции, способного обеспечить полноту ее победы — переход власти в руки народа и созыв Учредит. Собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»...

Проект меньшевистской резолюции о Думе: «Признавая, что 1-я Дума, при всем ее безвластии и недемократичности положенного в ее основу избирательного права, является завоеванием народа в его революционной борьбе с самодержавием и потому может и должна быть использована в целях дальнейшей борьбы за народовластие, с.-д. участвует в выработке, обсуждении и голосовании законопроектов, в осуществлении права запросов и других работ Думы, преследуя при этом следующие цели:»... (Приложения к Собр. соч., т. VIII, стр. 535—536).

34. III Лондонский съезд большевиков в 1905 г. в своих резолюциях говорит о гегемонии пролетариата в грядущей буржуазной крестьянской революции в России. Происходящая одновременно меньшевистская конференция в Женеве руководящую роль в русской буржуазной революции отводила буржуазии, а рабочему классу предписывала такую тактику, которая не запугала бы буржуазию; точно так же роль крестьянства в революции была недооценена.

35. Граф Бобринский — крупнейший землевладелец Киевской губ. и сахарозаводчик.

36. «Франкфуртская Газета» — либеральный немецкий орган.

37. «Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19 февраля 1861 г. было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй более серьезный шаг по тому же пути»... Собр. соч. XI² «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция», стр. 265, или Ленинская Библиотечка № 20, стр. 57.

38. В обход конституции, Столыпин усиленно применял 87 статью Основных Законов. Законодательство по 87 статье — постановления, проводимые без одобрения Гос. Думы и Гос. Совета в порядке правительственных указов. Постановления должны были вноситься в виде соответственных проектов на ближайшие сессии Думы и Совета в течение двух месяцев, после какового срока теряли свою силу. Но царское правительство, распуская Думу или оттягивая ее созыв, удлиняло срок действия подсобных постановлений, весьма широко используя свое чрезвычайное указное право. В подобном порядке проводились все меры по борьбе с революционным движением, а равно и ряд мероприятий по крестьянскому вопросу.

39. Закон 9-го ноября 1906 года, изданный Столыпиным помимо Г. Думы и потом ей навязанный, приводил к разрушению общины и выделению на хутора и отруба «хозяйственных мужичков» — кулаков.

Столыпин сознательно делал «ставку на сильных», нащупывая новый для самодержавия базис, вместо разлагавшегося дворянства.

40. *Диалектика истории* — ход истории, рассматриваемый с научной марксистской точки зрения, т.е. не как простое механическое сплетение событий, а как закономерный процесс развития, в котором классы в разные эпохи играют разную роль, в зависимости от конкретной исторической обстановки. Так, буржуазная революция во Франции 1789 г., разрушив феодальный строй, наделила подавляющую часть крестьянства землей — и оно в течение многих десятилетий оставалось опорой буржуазного строя. Русское же крестьянство играло революционную роль, ибо «освобождение крестьян» в 1861 г. было «освобождением от земли», при сохранении полуфеодальных порядков. В своей борьбе с помещиками, тормозившими экономическое развитие деревни, крестьяне оказались союзниками пролетариата, борového и против монархического дворянства и против буржуазии.

41. *Трудовики* — трудовая группа в I Гос. Думе, вторая по численности (107 чел.) после к.-д., расплывчатая по своему составу к.-д. отражала настроения радикальной мелкой буржуазии, среднего крестьянства (ее лидеры Аладьин, Аликин и Жилкин). В начале своей работы в Г. Думе трудовики подчинялись руководству к.-д., под конец вступили в оппозицию оппортунистической тактике к.-д. и действовали по большей части совместно с организовавшейся с.-д. фракцией: трудовики внесли в Думу аграрный проект 104-х, требовавший передачи земли всему народу и распределения ее по трудовой норме, при чем вознаграждение за отчуждаемые частновладельческие земли должно быть произведено за счет государства. Впоследствии вера в законодательную силу Думы была низка, и трудовики предпочли использовать Думу в агитационных целях.

42. *Мелны или мирнообновленцы* — умеренно-либеральная партия, объединившая после разгона I Думы в июле 1906 г. левых октябристов вроде гр. Гейдена и правых кадетов вроде Е. Трубецкого.

43. *«Русские Ведомости»* — московская «профессорская» газета, легальный орган русского либерализма. С 1905 г. «Р. Вед.» становится руководящим органом к.-д. партии. Во 2 русскую революцию «Р. Вед.» стали прибежищем для испуганных и кающихся либералов и народников и таким образом перебрались в контр-революционный стан.

44. *Пешехонов, А. В.* — народник, сотрудник «Русск. Богатства», специалист по аграрному вопросу, где проповедывал «умеренность и аккуратность», допускал «выкуп» при отчуждении в крестьянскую пользу помещичьих земель, организатор нар.-соц. партии. Министр продовольствия в коалиционном правительстве 1917 г.

45. *«Русское Богатство»* — ежемесячник народников, входивший в Петербурге с 90-х годов под ред. Михайловского и В. Короленко. Его сотрудники Мякотин, Петрищев, Пешехонов, Елпатьевский организовали в 1906 г. народно-социалистическую партию.

46... «Ничтожное число хороших, отрубных хозяйств крестьянской буржуазии, — при уменьшении числа пролетариев, связанных

наделом, — при сохранении власти Пуришкевичей, — при громадной массе обнищавших и вымирающих от голода закабаленных средних крестьян, — при увеличении числа пролетариев, наделом не связанных, — вот картина сегодняшней русской деревни»... Собр. соч. Ленина, т. XII, ч. 1-я «Последний клапан», стр. 258.

47. *Зубры* — представители в Г. Думé правых реакционных помещиков.

48. «Голос Социал-Демократа» — заграничный нелегальный орган ликвидаторов.

49. *Дан* (Ф. И. Гурвич) — идеолог и вожь меньшевиков, примыкавший к правому крылу. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, в эпоху войны ярый оборонец, после Февраля соглашатель, после Октября непримиримый враг Советской власти.

50. Речь идет об *оппортунистическом лозунге Плеханова*, который он выдвинул во время избирательной кампании во II Гос. Думу в конце 1906 г. и начале 1907 г. Подробно об этом в прим. 152.

51. ... «Либо эволюция „прусского типа“ — крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплен помещичья власть в государстве. Монархия. „Обшитый парламентскими формами военный деспотизм“ вместо демократии. Наиболее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером. Народовластие. Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма»... Ленинская Библиотечка № 20, стр. 47, «Сила и слабость русской революции».

52. IV Стокгольмский съезд принял аграрную программу, в основу которой был положен проект П. Маслова, выдвигавший так называемую муниципализацию земель, т. е. конфискацию помещичьих земель с передачей на местах органам самоуправления. В качестве поправок к проекту был введен условный раздел мелких помещичьих хозяйств. Эта и ряд других поправок лишили программу надлежащей теоретической обоснованности и тактической определенности; «программа получилась в конце-концов не подкованная на все четыре ноги (требование Г. Плеханова), а со всеми четырьмя хлюпающими подковами» (из доклада В. И. Ленина об об'ед. съезде РС-ДРП, т. IX, 439). Недостатки аграрной программы, принятой на Стокгольмском съезде, с одной стороны, и правильность позиции В. И. Ленина — с другой — резко подчеркнули: 1) крестьянская аграрная программа, выдвигавшая идею национализации (включая сюда и надельные земли) и выступление крестьянских депутатов в I и II Думах за отмену частной собственности на землю и 2) правительственная программа (а равно и программа либеральной буржуазии), выдвигавшая отчуждение известного количества земель за «справедливое вознаграждение», не разрешавшая аграрного вопроса и ясно подтверждавшая доводы Ленина о провале «муниципализации» при существовании недемократического центрального правительства.

53. «*Neue Zeit*» («Новое Время») — теоретический орган германской с.-д.-тии, выходивший последние годы под редакцией Каутского,

54. Речь идет: 1) об июльской революции 1830 г., когда была свергнута восстановленная после Наполеона феодальной реакцией старая королевская династия Бурбонов и установилась буржуазная монархия Людовика-Филиппа и 2) о февральской революции 1848 г., когда была опрокинута монархия Л.-Филиппа и, после разгрома движения парижских рабочих генералом Кавеньяком, установилась деспотическая вторая империя Наполеона III.

55. Бисмарк — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключ. законов против социалистов пытался бороться со все усиливающимся ростом и влиянием германской с.-д.

56. Прусский конституционный конфликт (1862 — 1866 гг.) между королем Вильгельмом I и реакционным юнкерством (помещиками), — с одной стороны, и либеральными бюргерами (буржуазией), преобладавшими в ландтаге (парламенте), — с другой. Король проводил обширную военную реформу, готовивая создание Германской империи, бюргеры боялись милитаризма и отказывали правительству в кредитах, не утверждали бюджета. Вильгельм, опираясь на премьера-юнкера Бисмарка, который заявил, что «великие вопросы времени будут разрешены не речами и голосованиями, а железом и кровью», собирал налоги без парламента и продолжал организацию армии. Конфликт закончился при первых успехах прусского сружия: бюргеры поспешили простить Бисмарку все его антиконституционные шаги.

57. Дубадзе — ялтинский градоначальник в эпоху столыпинской реакции, крайний черносотенец, не стеснявшийся по временам игнорировать чересчур «либеральные» распоряжения центрального правительства. Типичная фигура провинциального сатрапа в годы контр-революции.

58. Здесь идет речь о ружьеских застенках, где применялись к заключенным жестокие пытки.

59. Указ 11/XII 1905 года о выборах в Госуд. Думу, сохраняя курьяльную систему, многостепенность выборов, предоставлял избирательные права некоторым разрядам средней и мелкой буржуазии и отчасти рабочим; участие последних в выборах было обставлено большой сложностью процедуры и крайним формализмом.

60. «...Прошло почти 4½ года со времени издания указа 9 ноября 1906 года, прошло свыше 3½ лет с 3 июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени октябристская буржуазия убеждаются в «неудаче» 3-июньской «конституции» и 3-июньской аграрной политики. „Найправейший из кадетов — как справедливо назван был недавно полдуктябрист Махлаков — имел полное право сказать 25 февраля в Госуд. Думе от имени и кадетов и октябристов, что „недовольны в настоящее время те центральные элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны“. Общий лозунг один: „Все говорят, — продолжал г. Махлаков, — что если

мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции"»... «Ленинская Библиотечка» № 20, стр. 57, «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция»).

61. *Гучков, А. И.* — представитель крупной русской буржуазии, организатор «Союза 17 октября», защитник политики Столыпина и военно-полевой юстиции. Председатель III Госуд. Думы. В империалистскую войну защитник «войны до конца». После Февральской революции военный министр; организатор контр-револ. заговоров после Октября.

62. *Э. Бернштейн* — немецкий с.-д., в конце 90-х годов выступил с критикой учения Маркса (ревизия — отсюда ревизионизм, отрицал концентрацию капитала (особенно в сельском хозяйстве), обострение классовых противоречий, неизбежность революционного восстания пролетариата. Доказывал постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое, путем ряда реформ (реформизм), которых пролетариат может добиться путем парламентской борьбы. Ревизионисты всех стран опираются на Бернштейна.

В настоящее время Б. правый социал-соглашатель.

63. *Исключительные законы против социалистов* в Германии были изданы всемогущим диктатором Бисмарком в виду грозного роста рабочей партии при выборах в рейхстаг (парламент); законы воспрещали сочинения, собрания и союзы, направленные к ниспровержению общественного строя, нарушающие согласие между классами населения. Правительство могло вводить, где нужно, исключительное положение, высылать подозрительных лиц. Исключительные законы не остановили роста социал-демократии: они были отменены в 1890 г. с уходом Бисмарка в отставку.

64. *Династические войны* — ведущиеся под флагом интересов правящих династий. В данном случае речь идет о войнах между рядом разрознен. герман. государств в период после революции 46 г. до объединения.

65. *Череванин* — правый с.-д. меншевик, участник Стокгольмского и Лондонского съездов РС-ДРП, в годы реакции один из вождей ликвидаторов, во время войны оборонец; после Февральской революции сторонник коалиции с буржуазией.

65-а. В Англии условия, обеспечивающие буржуазии возможность наступательной борьбы с феодалами создались в XVII веке, когда оформилась т. н. английская конституция (издание «Петиции о правах» 1628 г. и «Набавз согриз акт» 1679 г. и др.); во Франции эти условия создались в первом периоде Франц. революции, до момента перехода власти к Национальному Конвенту; в этот период Францией правил король Людовик XVI, впоследствии казненный по приговору революц. суда. Точно так же и во время реакции 1815—1830 г.г. реставрированные Бурбоны (Людовик VIII) не могли править страной иначе, как на основании конституционных законов. Конституционная монархия везде являлась необходимой предпосылкой развития буржуазного влияния в государстве и весьма часто служила переходным этапом к завоеванию госуд. власти буржуазией.

66. *Земская кампания* — движение либерально-буржуазных кругов в эпоху «весны» Святополк-Мирского (осень 1904 г.); на банкетах земцы, адвокаты, инженеры и т. п. выносили резолюции с требованиями конституции, свобод и т. д. Новая «Искра» требовала всемерной поддержки либералов. Напротив большевики выступили против оппортунизма «Новой Искры». Критику меньшевиков В. И. Ленин дал в брошюре: «Земская кампания и план Искры».

67. *А. А. Богданов* (Малиновский) примкнул к с.-д. движению в начале 90-х годов. После раскола партии на II съезде активно примкнул к большинству и, принимая деятельное участие в Б. К. Б. и организации III съезда (см. подробнее в VI томе Собр. соч.), вошел в ЦК. На Стокгольмском Объединительном съезде вновь был переизбран в общепартийный ЦК. После разгона Второй Государственной Думы занял обособленную позицию, настаивая на бойкоте Думы и отзыве из нее с.-д. фракции и пытаясь создать собственную лево-большевистскую фракцию («богдановцы»), издавал за границей газету «Вперед» при участии А. Луначарского, Г. Алексинского, Ст. Вольского и др. («впередовцы»). Б. пытался создать собственную философскую систему («эмпириомонизм»), родственную идеалистическим построениям Маха и Апенариуса (см. о ней подробнее в книге В. И. «Материализм и эмпириокритицизм» в X томе Собр. соч.). Б. в 1909 г. был исключен из большевистской фракции, и с тех пор стоит вне партии.

68. *Красин* (нелег. псевд. Зимин) род. 1870 г., в револ. движении начал работать будучи студентом Техн. инст. в Петербурге, откуда был исключен в 1891 г. за участие на демонстрации — похоронах Шелгунова. В 1894 г. был выслан в Иркутск на 3 года. Вновь подвергся арестам в 1907 и 1908 гг. К. вошел в с.-д. движение в 90-х годах, примыкая сначала к «искровцам», а после раскола партии к большевикам, и вскоре был членом ЦК (большевиков), в 1905 г. входил от большевистской фракции в Объединенный ЦК, куда был вновь переизбран на Стокгольмском съезде. В 1908 г. К. был вынужден выехать за границу. В настоящее время К. — пародный комиссар внешней торговли.

69. После разгрома II Госуд. Думы на II Всероссийской конференции РС-ДРП А. А. Богданов защищал лозунг бойкота III Думы. Победила точка зрения Ленина, обоснованная им в статье: «Против бойкота», сторонники бойкота предлагали отозвать из Думы представителей — социал-демократов, почему и получили тогда название отзовистов.

70. «... Этот ультиматизм исключает положительную, творческую работу партии над думской фракцией. Единственное орудие такого ультиматизма это — его ультиматум, который партия должна повесить над головой своей думской фракции, как Дамоклов меч, и который должен заменить собой для РС-ДРП весь тот опыт действительно революционного использования парламентаризма, который западно-европейская соц.-демократия копила ценою упорной, длительной выучки. Отмежевать такой ультиматизм от отзовизма — невозможно. Общим им духом авантюризма — они связаны нераздельно. И как от одного, так и от другого одинаково должен отмежеваться

большевизм, как революционное течение в российской социал-демократии». (Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 282 «Введение к резол. совещ. расширенной редакции „Пролетария“»).

71. Приводим текст резолюции по данному вопросу, принятый расширенной редакцией «Пролетария»: «Принимая во внимание, что в настоящее время, когда — в атмосфере упадка общественного движения — рост религиозных настроений в контр-революционно-буржуазной интеллигенции придавал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне отдельными социал-демократами попытки связать с соц.-демократией проповедь веры и богостроительства и даже приписать научному социализму характер религиозного верования, — расширенная редакция „Пролетария“ заявляет, что она рассматривает это течение, особенно ярко пропояндримое в статьях тов. Дунаевского, как течение, порывающее с основами марксизма. приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революц. соц.-демок. работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет». (Собр. соч., т. XI, стр. 546—547).

72. «... Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной РС-ДРП не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно, или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело па-изнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало — для них все. И те, и другие — ликвидаторы РС-ДРП, приблизительно в равной мере, ибо без планомерного, целесообразного сочетания легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении, никакое «сохранение и укрепление РС-ДРП» — невозможно». (Собр. соч., XI, ч. 1-я, стр. 285 «Введение к резолюциям совещания расширенной редакции „Пролетария“»).

73. Статья Л. Каменева: «Не по дороге» из № 42 «Пролетария», направленная против «богдановцев», перепечатана в сборнике его статей: «Между двумя революциями», на стр. 258—265.

74. Марат — псевдоним Шанцера (1867—1911 г.г.), член группы «Голос Труда» в 1904—1905 г.г.; после III съезда агент ЦК для Центрального района. Арестованный накануне декабрьского вооруженного восстания с весны 1906 г., был в ссылке в Сибири, откуда бежал за границу. Член ЦК РС-ДРП в глухие годы столыпинской реакции.

75. Потресов, А. П. («Старовер») — один из так наз. «стариков» Петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса», т.-е. из числа смодвижников В. И. Ленина в создании этой организации. По окончании ссылки он, одновременно с В. И. Лениным, эмигрирует в 1900 г. за границу и там принимает ближайшее участие в организации газеты «Искра» и журнала «Заря». При расколе, произошедшем на II съезде партии, Старовер склоняется к правому, оппортунистическому крылу («меньшинству») этого съезда. В качестве автора оппортунистической резолюции об отношении к либе-

ралам, он становится одним из лидеров этого крыла. В дальнейшем все более и более правее: в годы реакции, наступившей с поражением революции 1905 г., он — лидер правого крыла меньшевиков-ликвидаторов, редактор ренегатского журнала «Наша Заря». В период империалистической войны скатывается до крайнего оборончества и социал-шовинизма.

76. *Общерусская конференция 1908 г.* На конференции, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г., были представлены почти все крупнейшие партийные организации: петербургская, московская и Центральный промышленный район (Московский комитет, Московский окружный комитет, Иваново-Вознесенский союз, Владимирский Окружной комитет, Костромской Окружной комитет, Нижегородский комитет, Сормовский, Орловский, Брянский и др. организации центрального района, — всего числом 16), Урал, Юг, Кавказ, Северо-Западный край (Вильна, Двинск), Бунд и социал-демократия Царства Польского и Литвы; социал-демократия Латышского края не могла принять участия в обще-партийной конференции, в силу полицейских условий. Петербургская организация была представлена 2 делегатами, избранными расширенным составом Петербургского Комитета; Москва и Центральный промышленный район избрали на состоявшейся областной конференции 5 делегатов, но трое из них по независимым обстоятельствам не могли явиться, так что вся центрально-промышленная область была представлена лишь двумя делегатами. Урал прислал лишь одного представителя, Юг — также одного, сильно запоздавшего; от Бунда было 3 делегата, а от польской соц.-дем. — 5. Северо-западный делегат приехал лишь к концу конференции. Кавказ был представлен 3 делегатами. Наконец, в Поволжье состоялась областная конференция, на которой был избран делегат, не прибывший, однако, по независимым от него обстоятельствам. Ряд более мелких организаций не мог принять участия в конференции, в силу устава о созыве ее. С совещательным голосом присутствовал на конференции делегат от ЦК с.-д. партии Литвы, представивший проект объединения. Из членов ЦК присутствовало больше половины.

77. Статью «На дороге» см. в сборнике «Партстроительство». «Ленин. Библ.»

78. *Пленум Центрального Комитета РС-ДРП* состоялся в январе 1910 года. Представляет собой последнюю попытку объединения партии с ликвидаторством справа и слева.

79. *На январском пленуме ЦК* было решено закрыть фракционные органы большевиков («Пролетарий») и меньшевиков-ликвидаторов («Голос Социал-Демократа»). Вместо них должен был выходить в качестве Центрального Органа: «Социал-Демократ».

80. «... С 1908 г. примерно по 1915 г. большевизм считал, что непосредственно революционной ситуации в России уже нет, но общая революционная ситуация, неизбежно чреватая второй революцией, налицо. С 1908 по 1911 г. самодержавие, казалось, стабилизируется. Столыпинская аграрная политика характеризовалась большевиками как «еще один шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию». И тем не менее общая революционная си-

туация оставалась. И большевики строили всю свою тактику на предвидении второй революции, стр. 46—47. «О задачах Коминтерна и РКП (б) в связи с расширенным пленумом ИККИ». Резолюция принята 14 конф. РКП.

81. «... Возможны два взгляда на значение и условие осуществления какого бы то ни было партийного объединения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «объединительного кризиса», и без отмежки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на объединение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы — дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корни, их значения, их объективных условий. «Примирить» лица и группы — в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, — надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это «примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии... «Бундовец и Троцкий» должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений» независимо от того, отреклась ли одна сторона от ликвидаторства, или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионов»...

«... Есть другой взгляд на объединение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, объективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают — иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений» — создают идейные и организационные основы объединения»...

«... С этой точки зрения объединение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонов, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие»... (Соб. соч., т. XI, ч. 2-я стр. 54—54 «Заметки публициста»).

82. Р. О. К. — Российская Организационная Комиссия была создана для созыва Всероссийской Парижской конференции 1912 г.

83. Польские с.-д., Латышская с.-д., Бунд, меньшевики-ликвидаторы и большевики.

84. Ионов (Ф. М. Койген) — один из виднейших деятелей Бунда. Родился в 1871 г. Работал сначала в пародовольческих кружках, а с 1892 г. вступает в социал-демократические кружки юга России. После ареста в Одессе (2 года) и ссылки (4 года, в 1902 году возвращается к активной работе и вступает в Бунд. С 1903 г. член ЦК Бунда. Как представитель Бунда, был на Объединительном съезде и

на Лондонском. Был выдающимся организатором. Во время империалистской войны жил по болезни за границей, был в интернационалистском крыле Бунда. Вместе с Бундом вошел в РКП. Был за-
вагитпропом Вотского обкома. Умер 22 октября 1923 г. в Мера-
н-
Троцкий, Л. Д., родился в 1881 г., работал в рабочих кружках
гор. Николаева, в 1893 г. был сослан в Сибирь, откуда скоро бежал
за границу и принял участие в «Искре». После раскола партии при-
мыкнул к меньшевикам. После ареста Хрусталева-Носаря, был пред-
седателем Петербургского Совета Рабочих Депутатов, вместе с Испол-
комом его был арестован 3/XII—1905 г. и сослан в Обдорск на веч-
ное поселение, но с дороги бежал и эмигрировал за границу. В годы
реакции образовал свою нефракционную группу в Вене, органом ко-
торой была венская «Правда». Фактически все время находился
в блоке с ликвидаторами и отзовистами, ведя борьбу против блока
Ленина и Плеханова. В империалистическую войну участвовал в из-
дании парижского «Нашего Слова», примыкая к Циммервальду. После
февральской революции вошел в организацию «Межрайонцев», вместе
с которой вошел в РКП на VI съезде в июле 1917 г. Вместе с Пар-
вусом выдвинул идею перманентной революции (см. пр. № 163).
Нарком по Военным и Морским Делах до 1925 г. В настоящее время
член президиума ВСНХ.

86. «Рабочая Газета» — орган большевиков.

87. Пленум ЦК делегировал представителя в газету «Правда»,
издававшуюся Троцким в Вене, Каменева, но вскоре этот последний
вышел из газеты из за ее ликвидаторского уклона.

88. «Наша Заря» — двухнедельный журнал, издававшийся
в Петрограде меньшевиками-ликвидаторами.

89. «Вперед» — орган отзовистов-ультиматистов.

90. Мигуил — И. А. Исув; Роман — К. Н. Ермолаев; Юрий —
П. А. Бронштейн.

91. На предложение русского Бюро ЦК Михаилу, Юрию и Ро-
ману приступить к работе, они ответили, что считают вредным самое
существование ЦК и отказываются явиться даже на одно заседание
для кооптации.

92. Шварц — псевдоним Элиаса, представителя латышских с.-д.
в ЦК партии, ныне член латвийского сейма и один из редакторов
«Социал-Демократа» (органа Латвийской С.-Д. Р. П.).

93. «Отклики Бунда» — ликвидаторский орган.

94. Пуришкевич — бессарабский помещик, игравший видную роль
в объединенном дворянстве; основатель погромного «союза русского
народа» (см. прим. 110) и «Союза Михаила Архангела». Столп
мракобесия и оголтелого черносотенства, гонитель «инородца».
Член Думы.

95. В. Водовозов — литератор, по направлению (с 1906 г.) близ-
кий к трудовикам, сотрудничал, начиная с 1886 г., в ряде журналов,
между прочим с середины 90-х годов в «Русском Богатстве» и
«Вестнике Европы»; особенно разрабатывал вопросы об избиратель-
ном праве в западно-европейских-политических партиях.

96. М. М. Ковалевский — видный русский ученый социолог, осно-
ватель умеренно-либеральной «партии демократических реформ».

Был членом Государственного Совета от академической курии. Редактировал «Вестник Европы».

97. *Бланк, Р. М.* — публицист-либерал; сотрудничал в «Освобождении» П. Струве, с 1905 г., член редакции «Нашей Жизни» и «Товарища» (левее к.-д.). Соредактор Ковалевского по журналу «Запросы Жизни».

98. *Маклаков, В. А.* — московский адвокат, защитник по политическим делам, один из руководителей кадетской партии и член III Госуд. Думы от Москвы. Был полномочным представителем Временного Правительства в Париже после Февральской революции 1917 года.

99. *Ленское побоище* — расстрел на Ленских золотых приисках в Сибири в апреле 1912 г. жандармским ротмистром Трещенко нескольких сот безоружных рабочих, пришедших в управление приисков с просьбой об улучшении своего экономического положения.

100. *Ефремов, И. Н.* — дворянский депутат от казачьих стариков «Войска Донского», прикидывавшийся «правым» кадетом. Член партии прогрессистов, отличавшийся от октябристов только названием.

101. *Львов, Г. Е.* — член I Госуд. Думы, умеренный либерал, председатель земгора в эпоху империалистской войны, премьер первого Временного Правительства, ушел в отставку в июле 1917 г.

102. *Рябушинский, П. П.* — крупнейший московский капиталист и банкир, на 2 Всерос. съезде промышленников летом 1917 г. призывавший «костлявую руку голода» для усмирения непокорных рабочих. В настоящее время живет в Париже, участвует в «союзе русских промышленников», борющихся против русской революции.

103. *Григорий Распутин-Новый*, крестьянин Тобольской губ. В молодости был конокрадом, впоследствии проникся религиозным настроением и сделался «старцем». При помощи тобольского епископа Варнавы, проник в придворные круги, опираясь на суеверие и развращенность петербургской аристократии, эксплуатируя мистические настроения императрицы Александры Федоровны Романовой, получил решающее влияние на Николая II и государственные дела. Был убит в декабре 1916 г. Дмитрием Павловичем Романовым и Пуришкевичем, рассчитывавшими путем устранения Распутина спасти династию.

Трещенко — жандармский ротмистр, произвел расстрел рабочих в апреле 1912 г.

104. 129 статья Уголовного Уложения 1903 г., постоянно расширявшаяся и дополнявшаяся в эпоху первой революции, была направлена против так наз. «*политических преступлений*» преимущественно в печати.

105. *Марков 2-й, Н. Е.* — крайний правый депутат Госуд. Думы, сидевший в чаще так называемых «курских зубров» — наиболее диких помещиков, сторонников беспардонного стремления назад к временам ничем не стесняемого произвола царской и барской власти.

106. *А. Мартынов* (псевдоним А. Пиккера) — видный работник РС-ДРП; в конце 90-х годов и начале 900-х годов — член «Заграничного союза русских с.-д-тов», один из редакторов «Рабочего Дела».

склонялся к «экономизму». На II партийном съезде выступил в качестве делегата от Союза, примкнул к фракции меньшевиков. На «объединительном» Стокгольмском съезде, где выступал докладчиком по вопросу о «современном моменте и классовых задачах пролетариата», отверг и бойкотистскую тактику по отношению к Государственной Думе и радикальный разрыв с буржуазным либерализмом. В 1918 г. принимает горячее участие в меньшевистском «Голосе Соц.-Дем.» и вместе с Даном, Аксельродом, Мартовым защищает «ликвидаторство». Империалистская война, расколовшая меньшевиков, привела М. в лагерь «интернационалистов». Теперь Мартынов член РКП.

107. *Живое Дело* — ликвидаторская еженедельная газета, выходившая в Петербурге в первой половине 1912 г. под ред. Ежова (Цедербаума), Мировя (Икова) и Маевского.

108. *Левичский* (В. О. Цедербаум) — соц.-демократ, меньшевик-ликвидатор.

109. *Неведомский* (Н. И. Иорданский) — редактор журнала «Современный Мир», меньшевик-ликвидатор и оборонец, сторонник Плехановского «Единства». Под влиянием Октябрьской революции пошел и начал издавать в Гельсингфорсе ежедневную русскую газету, стоящую на платформе Советской власти. Ныне член РКП.

109-а. Во второй половине прошлого столетия Пруссия начинает выдвигаться в первый ряд среди европейских держав. Быстрый рост народного хозяйства выделяет Пруссию на первый план среди немецких государств. Препятствием к осуществлению гегемонии Пруссии явилась Австрия. Борьба за преобладающее влияние среди немецких государств привела к австро-прусской войне, окончившейся разгромом Австрии в 1866 г. в битве при Садовой. Рост Германии вызвал тревогу со стороны Франции, мешавшей национальному объединению немецких государств в единое государство. И здесь кризис роста нового государства нашел свое завершение в военном разгроме Франции Пруссией союзными немецкими государствами. Эта победа способствовала объединению немецких государств в Германскую империю.

110. *Союз русского народа* — сообщество активных черносотенцев, организовался из первичных монархических объединений, создавшихся под знаменем различных «обществ хоругвеносцев», «православных братств» и т. п. Председателем этого союза был доктор Дубровин. Из других «интеллигентов», входивших в «союз», были: присяжный поверенный Булацель, адвокат Шмаков, литератор Крушеван. Сам же «народ» представлен был в этом «союзе» либо отсталыми в умственном отношении слоями мелкого мещанства, купечества, чиновничества, либо босяками и золоторотцами. При всем вырожденчестве союзной физиономии «союз» считался если не оплотом монархии, то во всяком случае — кадром ее испытанных приверженцев, ее «белой гвардией», готовой всегда к выступлениям кроваво-погромного задания. Фактически вся деятельность «союза» именно к этому и сводилась.

111. *Новое Время* — орган правых дворянско-бюрократических кругов, под редакцией Суворина.

112. «Голос Москвы» издавался с 1906 по 1913 год. Это был лейб-орган октябристов, и во главе его стоял А. И. Гучков, — лидер «партии», выдвинутой торгово-промышленными кругами, нуждавшимися в «куцой конституции» с «людьми порядна», которые могли бы «понять нужды отечественного капитала».

113. Герценштейн — профессор Московского сельскохозяйственного института, специалист по аграрному вопросу, кадет, член I Госуд. Думы от Москвы; был убит в Финляндии 18 июля 1906 г. черносотенцами, которые обвиняли его в разжигании аграрных беспорядков.

114. Караваев — депутат II Госуд. Думы от Екатеринославской губернии, трудовик, погиб жертвой черносотенного террора.

115. Тизенгаузен, Е. Е., барон — член III Госуд. Думы, октябрист, председатель «комиссии по рабочему вопросу».

116. Березовский 1-й, А. Е. — член III Думы, симбирский помещик, кадет, член земельной комиссии, один из самых ответственных к.-д. ораторов по аграрному вопросу в III Думе.

117. Караулов, В. А. — член I Госуд. Думы, старый революционер, каторжанин, переживший затем отступничество от революции, и пошедший в Думу в кадетских рядах. При своем выступлении в Думе он объявил «ужасным» «для дела государственного» то, что массы «обезвериваются».

118. «Ветх» — сборник статей впаавших в мистицизм, кающихся после «революционного угара» 1905—1907 г.г., интеллигентов, бывших марксистов, Булгакова, Бердяева, П. Струве и др.

119. Изгоев, А. С. — правый кадет, сотрудник «Речи», «Русской Мысли». Вместе со Струве защитник империалистической политики Столыпина.

120. Розанов, В. В. — литератор, много писавший по вопросам церкви, семьи и брака. Насыщенный идеалистической философией, со всеми ее болезненными надрывами, Розанов на каждом шагу удалялся в доведенную до крайности мистику.

121. Антоний Волынский (Храповицкий) — был до Октябрьской революции «архиепископом» Волыни и Подолии, где долгие годы насаждал погромную политику, особенно пользуясь для этой цели известными в свое время «Листками Почаевской Лавры». Храповицкого называли «архистратигом» (главнокомандующим) черной монашеской рати царской России.

122. Партия социалистов-революционеров организационно сложилась очень поздно (ее I-й съезд состоялся только 28/XII—1905 г. — 3 янв. 1906 г., т.е. после разгрома Московского вооруж. восстания). Пыталась вместить в себя пролетариат, крестьянство и интеллигенцию. На ее I съезде откололась группа «Русского Богатства», образовавшая народно-социалистич. партию (эн-эсы). Весной 1906 г. в Москве откололась так называемая «оппозиция», в Петербурге — «максималисты», обе группы занимались по преимуществу экспроприациями. В. И. так характеризует эти три группы народников (эн-эсы, эс-эры и максималисты).

«... Они все стоят на принципиальной точке зрения „трудового начала“. Им всем свойственно стремление объединить и слить про-

летария с мелким производителем в одну „трудовую группу“. Они стремятся опереться по преимуществу на крестьянство». (Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, стр. 87 «Опыт классиф. русс. политич. партий»).

123. *Перепечатываем полностью напечатанную в „России“ прокламацию, которая распространялась на заводах перед 1 мая 1912 г.*
«Товарищи! Близится первое мая — «праздник светлый и свободный». Это день, когда русский пролетариат еще и еще раз делает смотр своим силам, посылает грозный вызов врагу и обращает свой братский призыв ко всей революционной России, крестьянству и студенческой молодежи.

«Товарищи! Могучий под'ем стачечного движения последнего года, стихийный взрыв великого праведного гнева при первой вести о кровавом Ленском расстреле показали, что вновь бодр и силен, как прежде, русский рабочий вновь готов к беспощадной последней борьбе.

«Товарищи! 1 мая — это день революционного движения. Выходите все из фабрик и заводов и заявите снова пред лицом всего мира свои справедливые требования. Пусть лозунгами нашими будут:

«Учредительное собрание. 8-часовой рабочий день. Конфискации помещичьих земель.

«Утром, придя в мастерские, не становитесь на работу. Собравшись по заводам на митинги, выносите резолюции с нашими требованиями.

«Днем от 2—3 ч. состоится митинг-демонстрация на Невском, между Аничковым мостом и Казанской площадью.

«Товарищи, помните следующее:

1) Оттесненные, уступив силе, старайтесь вновь и вновь проникнуть на Невский и по возможности не покидайте его. 2) Вновь собирайтесь в тесные сплоченные группы и выкидывайте свое красное знамя.

«Оружия при себе не имейте.

«Долой царское правительство.

«Долой самодержавную конституцию 3 июня.

«Да здравствует демократическая республика.

«Да здравствует социализм.

Собрание представ. всех организ. рабоч. — Спб. с.-д. группа объединения. — Центральная городская с.-д. группа. Группа рабочих с.-р. — Группа рабочих с.-д. С.-д. спб. представитель майских комитетов» («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.

124. *Всероссийская конференция РС-ДРП.* На конференции, проходившей в Праге в январе 1912 г., были представлены все действующие с.-д. организации за чисто единичными исключениями. Присутствовало 15 делегатов с решающим голосом от следующих организаций: С.-Петербург, Москва и Центрально-Промышленная область, Киев, Екатеринослав, Николаев, Баку, Тифлис, Саратов, Казань, Вильно, Двинск. С опозданием прибыли еще на конференцию 2 тов. из с.-д. фракции III Госуд. Думы (1 большевик и 1 меньшевик-партиец).

125. *Либер (Бер)* — М. И. Гольдман — уроженец г. Вильно, бывший учитель, видный деятель Бунда и член его ЦК. Был не-

сколько раз в ссылке, последний раз в 1910 г., бежал из Вологодской губернии. Представитель бундовского ЦК на обще-русских совещаниях и член общепартийного ЦК по Лондонскому съезду 1907 г. Меншевик-ликвидатор. Оборонец в годы войны, сторонник коалиции с буржуазией во время революции. Член ЦИК Советов первого созыва и его идейный руководитель. После Октябрьской революции был на юге у Деникина.

126. *Г. Гапон* — священник, организатор «Общества русских фабричных рабочих» в Петербурге, инициатор и вождь движения рабочих масс к Зимнему дворцу 9 января. Социал-демократы относились к Гапону с недоверием: одни — считая его фанатиком, умеющим зажечь толпу, но не умеющим управлять организованным движением, другие — просто охранником, провокатором. В начале революции было больше данных за первое предположение. За него же говорил и тот факт, что Гапону пришлось убежать из демонстрации и укрыться при помощи с.-р. Гутенберга. Вскоре Гапон эмигрировал за границу, примыкал к с.-р., но в общем его поведение вызвало ряд подозрений. В конце концов, он был уличен в сношениях с охранкой и с Витте, и убит рабочими, весной 1906 года, в Озерках (Финлянд. ж. д.) при содействии с.-р. Гутенберга. Последний подробно описывает этот эпизод в своей статье «Дело Гапона» в № 2 (24) «Былого» за 1917 г. (статья эта помещена в качестве приложения к очерку С. Пиотковского «9-е Января» — изд. «Прибой».

127. *Рубанович, И. А.* — народоволец; после разгрома «Народной Воли» эмигрировал за границу; в 1893 году вошел в парижскую «группу старых народовольцев». С образования партии соц.-рев. примкнул к ней, являясь официальным представителем партии за границей; с января 1904 г. по декабрь 1909 г. редактировал издававшийся партией в Париже журнал: «La Tribune Russe» («Русская Трибуна»; всего вышло 12 номеров), член Международного Социалистического Бюро от с.-р. В годы войны социал-патриот и соглашатель, противник Советской власти.

128. *Бурцев, В.* — бывший народник, террорист, издатель «Былого», ныне редактор реакционного парижского «Общего Дела». Защитник Врангеля.

129. «...*Вот фразистая передовица* под громким названием: «Вперед!» «Сознательные рабочие! — читаем мы здесь, — у вас нет сейчас более важного (вот как!) «и всеобъемлющего» (зарапортовался бедняга!) «лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек». Социал-демократия, — читаем дальше, — зовет пролетариат на борьбу за республику. «Но чтоб борьба за республику не была голым» (!!) «лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы понимать на опыте необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование». Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих. Почему лозунг республики есть голый лозунг для немногих, когда республика означает невозможность разогнать Думу? — свободу коалиций и печати? Свободу крестьян от насилий и грабежа Марковых, Романовых, Пуришкевичей? Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «то-

ТЫМ» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга, лозунг «свободы союзов» вне связи с лозунгом республики?...

«... Сознательные рабочие должны научить массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций!» Старая погудка старого, истасканного еще «экономистами» русского оппортунизма! Опыт масс есть то, когда министры закрывают их союзы, губернаторы и урядники ежедневно чинят насилия, — вот это действительно *опыт масс*. А превознесение, в противовес республики, лозунга «свободы союзов» есть фраза оппортунистического интеллигента, чуждого массам. Это фраза интеллигента, воображающего, что «опыт» с «петицией» (имеющей 1300 подписей) или с положенным под сукно законопроектom есть нечто, воспитывающее «массы». На деле их воспитывает иной, живой, а не бумажный, опыт, их просвещает агитация сознательных рабочих именно за республику — единственно всеобъемлющий в смысле политического демократизма лозунг.

«Троцкий превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз соединяют лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: «дойлой нелегальную партию, долой борьбу за республику». Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим»... Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 447—448, «О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев».

130. *Муромцев, С. А.* — председатель I Г. Думы, член к.-д. партии, умсренного ее крыла, был посредником в переговорах между старой властью и к.-д. относительно образования думского министерства.

131. *Лев Толстой* (род. в 1928 г., ум. в 1910 г.) — величайший русский писатель; его главные произведения: «Война и мир», «Анна Каренина», «Детство, отрочество и юность» и др. Характеристику Толстого, как художника и мыслителя, см. в 23 выпуске «Ленинской библиотечки» — «Памятки».

132. «*Речь*» — руководящий орган кадетской партии, выходивший под редакцией Набокова и Гессена. Закрыта после Октябрьской революции.

133. Речь идет о *Свеаборгском восстании* — 17—20/VII 1906 г., организованном под непосредственным руководством офицеров с.-д. тов Емельянова и Коханского и о *кронштадтском восстании* (вызванном восстанием в Свеаборге), где работала Петербургская военная организация; 20/VII вспыхнуло восстание среди 4 и 5 морских экипажей под руководством с.-р., матроса Егорова; к восставшим примкнула часть сапер; попытка поднять весь гарнизон крепости не удалась. Оба восстания были подавлены.

134. *Манушин* — либеральный бюрократ, сотрудничество с которыми считалось приемлемым для общественных деятелей до кадетов включительно.

135. *Макаров* — министр внутренних дел в реакционном правительстве Коковцева. Слова: «так было — так будет» были произнесены им в Государственной Думе в его ответа на вопрос о расстреле рабочих на Ленских приисках.

136. *В. Ежов* — С. О. Цедербаум, меньшевик-ликвидатор.

137. *Ю. Ларин* (М. Лурье) — старый партийный работник, меньшевик, — автор наиболее правого из проектов созыва «широкого рабочего съезда» в 1907 г. В годы войны примыкал к тому течению среди меньшевиков, во главе которого стоял Мартов. После Февральской революции занял наиболее левую позицию среди меньшевиков-интернационалистов. В июле 1917 г. пришел к большевикам, вступил в партию, вместе с ней проделав Октябрьскую революцию. Литератор и экономист.

138. *Предпосылкой ликвидаторства* была идея всероссийского «рабочего съезда», выдвинутая Аксельродом, поддержанная Плехановым; она преследовала старую цель меньшевизма — создать бесформенную, расплывчатую организацию широких масс в легальных рамках. Такая постановка организационной задачи с неизбежностью вела, как выясняет В. И., к оппортунизму и программному и тактическому, делала рабочих простым орудием в руках либерально-буржуазных политиков. Всесторонняя критика идеи «рабочего съезда» дана т. Лениным в статье «Кризис меньшевизма», вошедшей в сборник «Партстроительство», Ленинск. библ.

139. *Ан* — псевдоним Ноя Жордания, видного меньшевика, председателя совета министров в бывш. меньшевистской Грузии.

140. *В. И. Засулич* (1851—1919 гг.) в конце семидесятых годов, находясь в рядах революционных народников, стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова, приказавшего наказать розгами Боголюбова, политического арестованного в Крестах. Судом присяжных была оправдана. Эмигрировав за границу, была в числе основателей группы «Освобождение Труда» (1883 г.); в 1896 году на Международном социалистическом конгрессе представляла «Союз Борьбы». Участница II съезда РС-ДРП (1903 г.), входила до съезда в первую редакцию «Искры», на съезде не была в нее введена, что рядом с некоторыми другими инцидентами, с разногласием о первом параграфе устава партии и спорами об отношении к либералам, дало повод к расколу. С 1903 года в партийной жизни роли не играла. В годы войны стояла в рядах социал-патриотов.

141. *Семжовский* (С. Бронштейн) член ликвидаторского руководящего учреждения О. К. Одно время принимал участие в венской «Правде» Троцкого.

142. *Союз «Освобождение»* — заграничная организация русской либеральной интеллигенции, основанная П. Струве, — издавал газету «Освобождение»; в 1905 г. союз «Освобождение» слился с группой земцев-конституционалистов в одну к.-д. партию, образуя в ней левое крыло.

143. *Коссовский* (Н. Левинсон) — один из старейших деятелей еврейского с.-д. движения, основатель и член ЦК Бунда. Крайний ликвидатор. В эпоху войны занимал германофильскую позицию и вел ожесточенную борьбу против Циммервальда.

144. *Австрийский революционный 1848 год* привел к падению вождя общеевропейской реакции, гр. Меттерниха, и к установлению конституции; но уже в следующем 1849 году, при содействии соседа, императора Николая I, все завоевания революции были уничтожены,

и водворился старый абсолютистский строй с угнетением национальностей, населявших «лоскутную монархию».

145. *Муранов М. К.* — большевик, член IV Государственной Думы от рабочей курии Харьковской губернии. В 1914 г. был арестован со всей большевистской думской фракцией по обвинению в «пораженчестве» и сослан в Сибирь на поселение; вернулся в Петербург после Февральской революции 1917 г.

146. *Экономизм* — оппортунистическое направление в рядах русской с.-д.-тии, с особой силой выявившееся в конце 90-х г.г. и самом начале 900 г.г. Его руководящие органы «Рабочая Мысль» и, в большей степени, «Рабочее Дело»; ярко запечатлен экономизм в «Стедо» (Символе веры), составленном Е. Кусковой. Главные тезисы экономизма: 1) в рабочем движении преобладающее значение играет чисто *экономическая* борьба с капиталом за *злбодневные* нужды, за развитие нейтральных политически профсоюзов, рабочих кооперативов и т. д., а политика, борьба с самодержавием — дело интеллигенции — в союзе с либералами; 2) обесценивается роль *сознательных* революционных вождей («идеологов»), *централизованной* партийной организации, центр тяжести переносится на *массовые, стихийные* проявления рабочего движения, в которых должны приспособляться вожди; 3) революционная борьба отходит на задний план, подменяется стачками за мелкие повседневные интересы.

С экономизмом повели ожесточенную борьбу группа «Освободж. Труда» во главе с Плехановым, «искровцы» во главе с Н. Лениным (особенно в брошюре «Что делать?»). Экономизм (1894—1903 г.г.) переходит в другое оппортунистическое русло — в меньшевизм. (1903—1908 г.).

147. *Прокопович* — экономист и общественный деятель. Некогда член «Союза русских соц.-демократов», защитник «экономизма», отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам — вступает в «Союз Освобождения» в октябре 1905 г. — член ЦК организовавшейся к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либеральный оппортунизм характерен для Прокоповича и во 2-ой русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве, автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

148. *Е. Кускова* — публицист и общественный деятель, первоначально склонялась к марксизму в его оппортунистической форме, к «экономизму», затем подходит к «Союзу Освобождения», в революцию 1905—1906 г.г. занимает колеблющуюся политическую позицию то приближаясь к к.-д.-там, то «левее к.-д.». В эпоху реакции вполне отдается *буржуазно-демократической* идеологии и тактике, принимает большое участие в *легальном* кооперативном движении.

149. *Августовская (1912 г.) конференция ликвидаторов* была созвана в противовес январской конференции РС-ДРП под флагом объединения всех партийных сил против «раскольников-ленинцев»; «плехановцы» вовсе не явились, «впередовцы» явились, но ушли с протестом; «объединились» ликвидаторы, латыши, троцкисты, казакзы и думская «семерка». К февралю 1914 г. «августовский блок»

распался. Подробнее о конце августовского блока см. ст. В. И. Ленина, в т. XII, 2 «Распад августовского блока».

150. Журнал «Борьба» начал выходить в 1914 году, в Петербурге под руководством Троцкого.

151. «Северная Рабочая Газета» — ликвидатарский орган августовского объединительного блока. См. прим. 149.

152. Речь идет о лозунгах меньшевиков: ответственного, из рядов Г. Думы вышедшего (т.-е. кадетского), министерства в эпоху I Г. Думы и «полновластная Дума», на котором они думали объединить все революционные и оппозиционные партии (включая и кадет) на выборах во II Г. Думу. Большевики же ставили своей задачей выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и крестьянства, невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть находится в руках царя и предлагали на выборах выступать Рабочей партии с.-д. самостоятельно, не входя ни в какие блоки с к.-д.

153. Здесь т. Ленин имеет в виду заграничные группы ликвидаторов, отзовистов-ультиматистов, примиренцев, группы Троцкого, у которых из их попыток объединения ничего не вышло.

154. Махизм — философское учение венского профессора-физика Маха, виднейшего представителя особой философской системы — эмпириокритицизма. «Через все писания всех махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а на деле вся эта братия ежеминутно оступается в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом». (Ленин, т. X, ст. 289). В то время как материализм рассматривает мир, как нечто реальное, независимое от наших ощущений и восприятий, Мах видит в мире лишь «комплекс» (совокупность) ощущений. Это основное утверждение махизма, а равно и другие утверждения эмпириокритиков, открывает лазейку для идеи божества. Наши русские богоскаты в своих философских воззрениях стояли на точке зрения Маха, безуспешно стараясь примирить его с Марксом. Объединялись богоскаты-махисты с отзовистами-ультиматистами («Вперед»), почему их В. И. называл иногда «божественные отзовисты».

155. «Vorwärts» («Вперед») — прежде центр. орган немецкой с.-д., возник при ближайшем участии В. Либкнехта. Теперь Vorwärts орган шейдемановцев.

156. Чаидзе — депутат III и IV Государственных Дум от Тифлиской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неясную сильно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 г. до сентября был председателем Петербургского Совета Р. и С. Д. Сторонник коалиции с буржуазией. После Октябрьской революции покинул активную политическую деятельность.

157. Туляков — депутат IV Гос. Думы, принадлежавший к «смерке», ликвидатор.

158. Летнее совещание большевиков — или так назыв. августовское — происходило 25/IX—1/X 1913 года в деревне Поронин (Галиция). Участие в нем принимали: Ленин, Зиновьев, Каменев, Круп-

ская, Трояновский, Е. Ф. Розмирович, представители польской партии, думская «шестерка» и ряд представителей местных организаций

159. *Стачное движение* 1896 г. началось в мае массовой забастовкой (более 30.000 раб.) потерб. ткачей и прядильщиков, требовавших платы за дни коронацион. торжеств, во время которых фабрики не работали. Движение перекинулось в Москву, где бастовали жел.-дор. рабочие, выставив те же требования. Движение, имевшее явный политич. уклон, было полной неожиданностью для прав-ва. «Союз Борьбы» сумел его использовать в целях с.-д. агитации, выпустив, по словам правит. сообщения, до 25 прокламаций и листовок. Стачки 1896 г. были первым организованным проявлением массового рабочего движения.

160. ... «На II с'езде РС-ДРП (авг. 1903 г.) искровцы раскололись: большинство их стояло за принцип и тактику старой «Искры», меньшинство повернуло к оппортунизму, встретив поддержку прежних врагов «Искры», экономистов и бундовцев. Отсюда названия: большевизм и меньшевизм (большевики и меньшевики). В 1903—1904 г.г., главным предметом борьбы был оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах. С конца 1904 г. главными становятся различия тактики: «План земской кампании (осень 1904 г.) новой перешедшей к меньшевикам «Искры» встал на защиту тактики «не запугивать либералов»; 1905 год окончательно оформил тактические разногласия. (С'езд большевиков РС-ДРП в мае 1905 г. в Лондоне и тогда же конференция меньшевиков в Женеве). Меньшевики приспособляли тактику рабочего класса к либерализму, большевики ставили целью рабочего класса в буржуазно-демократической революции: доводить ее до конца, вести за собой демократическое крестьянство, вопреки изменам либерализма. Главные расхождения обоих течений на практике — осень 1905 г.; большевики за бойкот Булыгинской Думы, меньшевики за участие. Весна 1906 г. — то же относительно Виттевской Думы. I Дума: меньшевики за поддержку лозунга «думское (кадетское) министерство», большевики за лозунг «исполнительный комитет левых (с.-д. и трудящихся) для организации непосредственной борьбы масс и т. д.»... (Соб. соч., т. XII, ч. 2, ст. 576; «Письмо о большевизме»).

161. «Искра» (1901—1905) — русский с.-д. орган революционного направления, издававшийся за границей под редакцией Плеханова, Ленина, П. Аксельрода, Л. Мартова, Потресова и Засулич (старая «Искра»). II с'езд РС-ДРП признал «Искру» Центральным Органом партии. Последовавший после II с'езда раскол отдал «Искру» целиком в руки меньшевиков, вынудив Ленина выйти из состава редакции (новая «Искра»). Подробнее см. прим. 1-ое к брошюре «Что делать?» (вып. 1-й «Ленинской Библиотеки»).

162. *Рязанов* — один из старейших русских соц.-демократов, организатор рабочих кружков в Одессе в 90-х годах, после 5-летнего заключения в «Крестах» эмигрировал за границу, где примыкал к революц. крылу с.-д., стоя обычно несколько особняком от основных русских с.-д. группировок: Антисоветник и интернационалист с самого начала войны. Организатор коммунистической академии и института К. Маркса в Москве.

163. «Основная ошибка Троцкого, — говорит т. Ленин, — это игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» (Соб. соч., т. XI, ч. 1, стр. 226, «Цель борьбы пролет. в нашей революции»). Вот эта-то ошибка и лежит в основе теории перманентной революции, которую Парвус и Троцкий выдвинули в 1905 г. «Без дара, а правительство рабочее» — основной лозунг теории, означает, что как только произойдет русская буржуазная революция, она неизбежно сейчас же перейдет в социалистическую революцию, т. к. рабочий класс не остановится на буржуазном этапе революции, а пойдет дальше, победа же его возможна лишь при государственной поддержке западно-европейского пролетариата, т. е. при условии победы социалист. революции на Западе. Если же этой поддержки не будет, то поражение русск. пролетариата неизбежно, потому что крестьянство не только не окажет ему поддержки, а наоборот, сразу же окажется в оппозиции к рабочему классу. Революционная роль крестьянства, обусловленная общностью интересов с пролетариатом в его борьбе с царским самодержавием (конфискация помещичьих земель), Троцким совершенно не учтена. Вот почему т. Ленин называет теорию перманентной революции революцией несуровой, — она «берет, по его словам, у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства». (Собр. соч., т. XIII, стр. 213. «О двух линиях революции»).

164. *Роза Люксембург* — видная деятельница международного социалистического движения. Работая вместе с Львом Иогихесом (Тышко) в Швейцарии, она много сделала для выработки теоретического обоснования польского с.-д. движения: способствовала образованию в 1893 г. «Социал-Демократии Царства Польского» (впоследствии «С.-Д.-тии Польши и Литвы»). На Цюрихский Международный конгресс Л. получила мандат от варшавских рабочих. В 1897 г. переехала в Германию. Во время расцвета бернштейнианского ревизионизма, а позднее «министерализма» (Мильеран), Л. повела с этим течением решительную войну, заняв место на левом крыле германской партии. В 1907 г. участвовала в качестве делегата от с.-д.-тии Польши и Литвы на Лондонском съезде РС-ДРП, поддерживая по основным вопросам большевистскую фракцию. С 1907 года Л. всецело отдалась германской работе. За это время ею написан большой труд: «Накопление капитала». С первого для империалистской войны, Л. заняла интернационалистско-революционную позицию, пытаясь вместе с Мерингом и К. Цеткин издать манифест к рабочим. Вскоре Л. вошла в «Союз Спартака», основанный Карлом Либкнехтом. В 1916 году была арестована в административном порядке. В тюрьме написала (под псевдонимом «Юниус») брошюру «Кризис с.-д.-тии», где предсказала распад 2 Интернационала и образование Коминтерна. После январского восстания 1919 г. предательски убита вместе с Карлом Либкнехтом немецкими офицерами.

165. *Большевистская фракция IV Государственной Думы* в дни всеобщей измены и предательства, охвативших партии 2 Интернационала с момента объявления войны, сохранила верность принципам

революционной с.-д. Как и вся большевистская партия, наша думская фракция целиком примыкала к так называемой «пораженческой» позиции ЦК. Выданная московским провокатором Романовым, фракция подверглась аресту 4 ноября 1914 г. на совещании с представителями местных организаций, созванном для обсуждения тезисов ЦК по вопросу о войне. Эти тезисы были выработаны Лениным и напечатаны в № 33 «Социал-Демократа», центр. органа партии, издававшегося за границей. Судебная палата в 1915 г. приговорила к ссылке на поселение Каменева, руководившего работой думской фракции, и депутатов: Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова, которые пробыли в Сибири вплоть до Февральской революции.

166. *Группа «Освобождение Труда»* — первая русская революционная группа за границей, ставшая на почву научного социализма. В ее состав вошли в 1883 г. бывшие народники-«чернопередыльцы» — Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов. Группа занялась изданием «Библиотеки современного социализма», куда вошли в русском переводе важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В начале 1895 г. по инициативе группы был основан «Союз русских социал-демократов», при чем редакция изданий Союза принадлежала группе. В ноябре 1899 г. на I съезде «Союза» группа отказалась от редактирования его изданий, разойдясь с большинством членов Союза (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Проккопович, Кускова и др.) в оценке очередных задач рабочего движения в России. Группа все время неуклонно выдерживала строгую, тактическую линию революционного социализма и резко восстала против оппортунизма Союза, который подменил революционные задачи мелкой стихийной борьбой за алободневные экономические интересы. Все попытки в 1901 г. привести к тактическому единству действий Группы и Союза не увенчались успехом по вине оппортунистов; в конце 1901 года Группа слилась вместе с организацией «Заря» и «Искра» в «Заграничную Лигу русской революционной социал-демократии». Группа принимает ближайшее участие в издании «Искры» и «Зари» и ведет деятельную работу в подготовке II партийного съезда (в области программных и тактических вопросов). На съезде РС-ДРП группа заявляет о прекращении своего обособленного существования.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Против бойкота	3
Новая аграрная политика	38
По торной дорожке	43
На прямую дорогу	51
Об оценке текущего момента	56
О фракции сторонников отзовизма и богостроительства	70
К единству	85
Развязка партийного кризиса	95
Либерализм и демократия	102
Избирательная кампания в IV Думу и задачи революци- онной социал-демократии	112
Политические партии в России	117
Лозунги Всероссийской конференции РС-ДРП в январе 1912 года и майское движение	129
Революционный подъем	135
Жизнь учит	144
К нашим разногласиям (манифест ликвидаторов)	147
Открытая партия и марксисты	151
Либеральный реформизм ликвидаторов	168
О двух путях	172
О нарушении единства, прикрываемом криками о един- стве	176
Рабочий класс и рабочая печать	197
Либеральная буржуазия и ликвидаторы	205
Экономическая и политическая стагнация	208
Идейная борьба в рабочем движении	216
Примечания	220

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“.

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Телефон 585-11.

Торговый сектор: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 217-79 и 545-77.

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубанский пассаж, пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

Работа по изданию обеих изданий по самообразованию — „КОМУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ на ДОМУ“ и „НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ на ДОМУ“ выявила со всей полнотой огромную потребность еще более популярного издания для начального самообразования.

Как ни значительно число рабфаков, но они не могут удовлетворить и половины желающих попасть на них рабочих и крестьян. В нашей стране остается еще огромное число стремящихся к образованию и не имеющих никакой возможности двинуться в поисках за ним.

Ленинградское Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“

приступило к выпуску издания под названием:

Рабочий факультет на дому

„РАБФАК на ДОМУ“ ставит себе целью дать возможность лицам, умеющим свободно читать и писать, приобрести знания за полный курс рабочего факультета, чтобы затем приступить к специализации той или иной отрасли знания.

„РАБФАК на ДОМУ“ будет не только давать курсы лекций, в полном соответствии с программой рабфаков, но будет руководить работой подписчиков, как путем дачи указаний на страницах своих выпусков, так и путем личной переписки.

„РАБФАК на ДОМУ“ особое внимание уделит поэтому постановке отдела советов, указаний, ответов (консультационный отдел).

„РАБФАК на ДОМУ“ представляет собой трёхгодичное издание, распадающееся на три года по 12 выпусков в каждом. Объем каждого выпуска 180—200 стр.

„РАБФАК на ДОМУ“ составит 36 выпусков объемом, в общей сложности, около 7.000 стр.

ПОДПИСКА на „РАБФАК на ДОМУ“ принимается пока только на первый год издания.

ЦЕНА в год (12 вып.) 6 р.—Допускается рассрочка.

С запросами и за условиями рассрочки обращаться по адресу:
ЛЕНИНГРАД, Просп. 25 Окт., № 1. „РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ на ДОМУ“.

Рабочее Изд-ство „ПРИБОЙ“.

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Тел. 589-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубянский пассаж, пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

.....

В помощь ленинской учебе.

АГИТПРОПОТДЕЛ СЕВ.-ЗАП. БЮРО ЦК и ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБНОМА РКП (б).

Кружок самообразования.

Пособие для кружков политического самообразования первой ступени, с методическими указаниями и диаграммами.

Содержание: От редакции. Организационные основы большевизма. Тактика большевиков и меньшевиков в первой русской революции 1905 г. Партия в годы реакции и в годы подъема. Партия в годы войны. Партия в период от Февраля к Октябрю. Октябрьская революция. Новая экономическая политика. Третий Коммунистический Интернационал. Приложение 1 (диаграммы). Приложение 2 (примечания).

Второе издание (31—60-ая тысяча).

Стр. 384.

Цена 1 р. 25 к.

Кружок ленинизма.

Хрестоматийное пособие для марксистско-ленинских кружков первой ступени.

Содержание: Тема первая. — Неизбежный крах капитализма. Тема вторая. — Диктатура пролетариата. Тема третья. — Крестьянский вопрос. Тема четвертая. — Учение Ленина о партии. Тема пятая. — Коммунистический Интернационал. Дополнительная тема. — Диалектический материализм.

Стр. 322.

Цена 1 р. 10 к.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НА ДОМУ

Ежемесячный журнал для систематическ. самообразования
в объеме двухгодичного курса.

ОТДЕЛ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ.

Курсы: ленинизм, политическая экономия, диалектический материализм, экономическая политика и экономика СССР; история общественных форм; кооперация, профдвижение, право, конституция СССР; статистика, экономич. география, префинтерн, коминтерн и т. д.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ.

Основы мироздания, естественных наук и новейшие научные достижения биологии, физики, химии, геологии, палеонтологии и астрономии.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

Связь с читателями. Ответы и разъяснения по любым вопросам самообразования.

КРИТИКО-БЕЛЛЕПО-ГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Руководство для расширения и углубления знания.

К журнаду будут издаваться ПРИЛОЖЕНИЯ, в частности речи и доклады по современным вопросам вождей революции.

К каждому курсу будут даны методические руководства, вопросники и краткие библиографические указатели.

Условия подписки: на 1 год—7 р., на ½ года—4 р.

Рабочее Изд-ство „ПРИБОЙ“.

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Тел. 585-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубянский пассаж, пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

Г. САФАРОВ.

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА.

4-е заново переработанное издание.

СОДЕРЖАНИЕ: I. — Два пути развития. II. — Взгляды К. Маркса и Фр. Энгельса на революцию. III. — Формы борьбы и организация рабочего класса в эпоху Второго Интернационала. IV. — Большевизм в борьбе за пролетарскую гегемонию в революции. V. — „Война войне!“. VI. — Государство и революция. VII. — Борьба между империализмом и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации. VIII. — Хозяйство и революция. IX. — Коммунистическая партия при диктатуре пролетариата. X. — Этапы борьбы Коммунистического Интернационала.

Стр. 482.

Цена в переплете 2 р. 50 к.

Цена 2 руб.

В помощь ленинской учебе.

Агитпропотдел Сев.-Зап. Бюро ЦК и Ленингр. Губкома РКП (б).

ПОЛИТШКОЛА КОМСОМОЛЬЦА.

Руководство для комсомольских политшкол
:: первой ступени и самообразования. ::

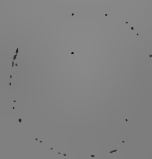
Рекомендовано, как учебн. пособие, агитотд. ЛК РЛКСМ.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Как пользоваться руководством. Занятие I. — Ленинский комсомол. Занятие II. — Ленинский комсомол (продолжение). Занятие III. — От кружка Молодежи — к Ленинскому комсомолу. Занятие IV. — Коммунистический Интернационал молодежи. Занятие V. — Рабочий — хозяин промышленности СССР. Занятие VI. — Советы. Занятие VII. — Профсоюзы. Занятие VIII. — Смычка социалистической промышленности с крестьянским хозяйством. Занятие IX. — НЭП. Занятие X. — Кооперация. Занятие XI. — Излом в деревне. Занятие XII. — У истоков партии. Занятие XIII. — 1905 год. Занятие XIV. — 1905 г. (продолжение). Занятие XV. — Империалистическая война и 1917 год. Занятие XVI. — 1917 г. (продолжение). Занятие XVII. — Единство партии при НЭП'e. Занятие XVIII. — Единство партии. Занятие XIX. — Коминтерн. Занятие XX. — Национальные вопросы. Занятие XXI. — (Повторительное). Краткий словарь общеупотребительных иностранных слов.

Издание 2-е (51—100-я тысячи).

Стр. 331.

Цена 1 руб

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1960

3283

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин
„Книжные Новинки“ Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ“
Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09

1p

